

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ® УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

21
2017
Часть IV

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 21 (155) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 14.06.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен историк-марксист *Эрик Джон Эрнест Хобсбаум* (1917–2012).

Эрик Хобсбаум родился в 1917 году в Александрии, где его родители пытались вести бизнес. Их попытки не увенчались успехом, семья Хобсбаум вернулась на родину матери Эрика — в Вену. Прочувшись в школе в Вене, Эрик Хобсбаум продолжил обучение в Берлинской гимназии, куда он переехал с тетей и дядей после смерти своих родителей. Во второй половине 30-х годов, когда в Германии у руля встал Гитлер и Австрия объединилась с нацистской Германией, Хобсбаум эмигрировал в Великобританию и в 1936 году продолжил обучение сразу на двух факультетах Королевского колледжа Кембриджского университета.

Изучением идей Маркса Эрик Хобсбаум увлекся еще в юности. Будучи студентом, он вступил в историческую группу компартии Великобритании, членами которой были такие известные историки, как Эдвард Томпсон, Брайан Пирс, Кристофер Хилл, Рафаэль Самуэль, Артур Мортон. В 1952 году активистами этой группы был создан один из самых влиятельных журналов по социальной истории «Прошлое и настоящее».

В 1947 году Хобсбаум начал преподавать историю в Биркбек-колледже Лондонского университета, а в 1969 году стал руководителем кафедры экономической истории.

В 1984 году Эрик Джон Эрнест Хобсбаум получил звание почетного профессора экономики и социальной истории.

Историк много путешествовал. Еще в студенческие годы Хобсбаум побывал во Франции, Тунисе, Алжире, а в дальнейшем — в Латинской Америке и странах Средиземноморья, изучал архивы, общался с крестьянами и рабочими, исследовал тенденции и закономерности революционных ситуаций в разных странах. Результатами этих поездок стали знаменитые труды Эрика Хобсбаума «Простые бунтовщики», «Эра революции», «Индустрия и империя», «Революционеры», «Век капитала», «История марксизма», «Изобретение традиции», «Век империи», «Нации и национализм», «Эхо Марсельезы», «Эпоха крайностей». В своих книгах Хобсбаум акцентировал внимание не только на общеисторических процессах, но и на роли отдельной личности в истории нации, взаимосвязи культуры, религии и массовых движений, рассматривал закономерности в процессе формирования элиты.

В 1976 году Эрик Джон Эрнест Хобсбаум стал членом Британской академии, был удостоен ордена Кавалеров Почета, в 1995 году стал лауреатом Дойчеровской мемориальной премии, а в 2003 году — премии Бальцана.

Эрик Хобсбаум также известен в британской музыкальной среде как критик и эксперт в области современной и джазовой музыки.

Эрик Джон Эрнест Хобсбаум умер в Лондоне в октябре 2012 года.

Людмила Вейса, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Абросимов Д. А.

Корпоративные споры: разночтения материального и процессуального права 275

Абросимов Д. А.

Обеспечительные меры по корпоративным спорам: процессуальные особенности и ограничения 277

Акулова Е. В.

Государственная защита субъектов уголовно-процессуальных отношений..... 280

Амиров А. М.

Реализация принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан: проблемы и пути решения..... 282

Байдужая Е. В.

Законный режим имущества супругов 288

Верзунова В. С.

Проблемы судебного контроля по уголовным делам 290

Верзунова В. С.

Судебный контроль за жалобами, поданными в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ 292

Гетманенко А. В.

Возможные средства борьбы с проблемой растущей латентности в уголовном процессе . 294

Горбунов В. С.

Правопреемство при реорганизации корпораций 298

Громова И. В.

Способы защиты нарушенных имущественных прав государственных органов в области земельных правоотношений 300

Долгополова Н. О.

История развития института залога..... 303

Долгополова Н. О.

Права и обязанности сторон по договору ипотеки (залог недвижимости)..... 306

Зайцев С. Н.

История уголовной ответственности за легализацию криминальных доходов и становление законодательства 309

Зайцев С. Н.

Восприятие международных стандартов в противодействии легализации преступных доходов законодательством Российской Федерации 311

Захарова А. Э., Абдуллина Р. Р., Гаврилова А. А.

Проблемы правового регулирования памятников природы регионального и местного значения 312

Зубов В. В.

К вопросу об определении сущности функции поддержания обвинения: теоретический аспект 314

Каплунов А. С.

Система сдержек и противовесов как основополагающий принцип государственного строительства США..... 317

Ковальчук А. Ю.

Современное состояние проблем возникновения договорного обязательства.... 319

Ковальчук А. Ю.

Форма договора как предпосылка возникновения договорного обязательства.... 320

Кожина М. В.

Противоречия и недостатки российского законодательства, связанные с процедурой дознания в сокращенной форме..... 322

Кордуба С. Б., Ал Саеди А. Д.

Федеральная исполнительная власть в Республике Ирак..... 325

Курикова А. О.

Проблемные аспекты системы наказаний в отношении несовершеннолетних 328

Мальгина К. А.

Проблема привлечения к административной ответственности за курение в неполюженном месте..... 331

Нгуен Кхань Ха Инфляция во Вьетнаме: проблемы и подходы 333	Пшонко М. О. Зарубежный и отечественный опыт борьбы с наркопреступностью 346
Ошуркова И. Г., Хлыстов Е. А. Функции прокуратуры в советском уголовном судопроизводстве..... 335	Раздорожный К. Б. Тенденции совершенствования и возможные пути развития законодательства об участии прокурора в арбитражном процессе 349
Пасечник А. А. Обеспечение деятельности мировых судей на примере Хабаровского края..... 339	Рышков В. И. Формы исполнения судебных решений, исполнители и исполнительный документ..... 351
Петрова М. В. Понятия «добросовестность» и «добросовестный приобретатель» в правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации 341	Тишкина М. В. Исторические аспекты понятия должностного лица в российском уголовном законодательстве 354
Просина А. С., Просина М. С. Реализация проекта электронного правительства в условиях административной реформы в Российской Федерации (на примере Московской области) 344	Туганов Ю. Н., Данзанова Е. В. Понятие и содержание института владения в римском праве 358
	Турыгин Д. Л. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти 361

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Корпоративные споры: разночтения материального и процессуального права

Абросимов Дмитрий Александрович, студент

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

Современная правовая действительности Российской Федерации характеризуется возрастанием роли и усилением механизмов рыночной экономики. Проводимые реформы во многом связаны с бизнесом, и прежде всего с его основными представителями — коммерческими корпорациями. Процесс реформирования ещё не завершён, что характеризует происходящее как переходный период. Однако за прошедшее время накопилось достаточно коренных преобразований, позволяющих совершенно по-иному взглянуть на данную сферу.

Любой переходный период — это всегда сложный путь со своими противоречиями, ошибками, полемиками. Не является исключением и корпоративная сфера. Споры в корпоративных отношениях возникли не вчера. Однако, не в последнюю очередь благодаря частым изменениям закона, в них постоянно проявляются новые грани. Ситуация серьёзно осложнена тем, что бизнес структуры очень часто используют эту нестабильность в своих (не всегда добросовестных) целях, и обращение в суд не преследует цели разрешить конфликт, а напротив, его поддержать.

Дел по корпоративным спорам пока не так много, но они могут быть очень конфликтными, процессы — длительными, и за ними могут быть очень большие экономические интересы. Не зря данные дела характеризуются повышенной сложностью [1]. Их отличает наличие множества отдельных «микроспоров» либо требований, тесно связанных между собой, вытекающих из набора юридических фактов. Одни и те же юридические факты и споры, возникающие вокруг них, могут «распыляться» на множество процессов. К тому же такие споры обычно затрагивают интересы широкого круга лиц.

До недавно времени среди учёных существовала серьёзная дискуссия о природе корпоративного права и о возникающих из корпоративных отношений споров. Как и в любом споре мнения были самыми разными (одни ученые возвеличивали корпоративное право до самостоятельной отрасли, другие с этим мнение категорически не соглашались). Однако точку в этих спорах поставил законодатель путём внесения изменений в ст. 2 ГК РФ [2]. Так, с 1 марта 2013 года корпоративное право стало рассматриваться в качестве подотрасли гражданского права.

Справедливости ради следует отметить, что такое решение законодателя легко поставить под сомнение, особенно если учесть, что корпоративные отношения по своей природе возникают между участниками корпорации, которые не находятся в отношениях равенства (с другой стороны между ними нет и отношений субординации). Так, например, возможность голосовать на общем собрании, принимать ключевые решения напрямую зависит от размера доли такого лица в уставном капитале корпорации. Отсюда, например, и выделение миноритарных и мажоритарных акционеров.

Безусловно можно долго вести эту дискуссию, однако в настоящей работе речь пойдёт только об одном из аспектов этой многогранной темы — об современном «состоянии» корпоративных споров в рамках материального и процессуального права.

Далее давайте дадим краткую характеристику проводимым реформам.

Правовая категория «корпоративный спор», была официально закреплена в АПК РФ в июле 2009 года [3], посредством добавления главы 28.1. Разумеется корпоративные споры были и ранее, но особенностей рассмотрения процессуальное законодательство не выделяло, поэтому реформа в этой части задала этой категории качественно новый уровень. В чем же это выразилось?

Во-первых, была установлена исключительная подсудность корпоративных споров по месту нахождения юридического лица и, во-вторых, обеспечен доступ к информации о корпоративном споре для всех заинтересованных лиц. Ранее, правила о разграничении компетенции судов в виду несовершенства порождали «игры» с подсудностью и в рамках одного конфликта в различных судах могло одновременно рассматриваться несколько дел. Часто выводы судов были противоположны, отличались и обеспечительные меры. В последующем такие конкурирующие судебные акты могли использоваться для захвата бизнеса. Часто факт обращения в суд скрывался от других заинтересованных лиц.

Однако сделав такой шаг, продиктованный назревшей практической необходимостью, законодатель привнес в АПК РФ юридическую конструкцию, которую

пока не знало ни гражданское, ни иное федеральное законодательство.

Как отметил Габов А. В. «... тогда объединение одним понятием «корпоративные споры» совершенно разнородных споров имело свою логику: пытались решить актуальные проблемы (рейдерства)» [4].

Разработчики (как следует из Пояснительной записки к проекту [5]), а вслед за ними и законодатель признавали определенную условность этого понятия [6].

Как отметил Н. Г. Фроловский: «законодатель применил этот термин просто для удобства и обособления (в процессуальном смысле) определенной категории дел, рассматриваемых арбитражным судом» [7].

АПК РФ предусмотрел открытый перечень корпоративных споров (ч. 1 ст. 225.1). Однако при его анализе можно прийти к выводу, что существующая разбивка является не вполне четкой, т. к. один и тот же спор может получить двойную, или даже тройную видовую квалификацию.

Особенно это заметно при сравнении п. 1, 3, 4, 8 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ [8]. Например, если бывший генеральный директор хозяйственного общества оспаривает решение общего собрания о своём увольнении; если оспаривается решение общего собрания о ликвидации организации; если оспаривается как крупная сделка договор о выплате компенсации в случае увольнения заключённый с директором и т. д.

В октябре 2009, в Концепции развития гражданского законодательства (Далее — Концепция) только констатировалась назревшая необходимость включения корпоративных отношений в предмет гражданского права. В последующем этот документ не остался на уровне деклараций и было положено начало седьмому этапу кодификации гражданского законодательства (в 2012 г. расширен предмет гражданского права; в 2013 г. придан особый статус решениям собраний; с 01.09.2014 г. произошло разграничение юридических лиц на корпоративные и унитарные) [9].

Такие масштабные и весьма важные для нашей страны реформы хотя и не были спонтанными всё же не смогли (и не стремились изначально) избежать противоречия с нормами гл. 28.1 АПК РФ. И с 01.09.2014 г. несогласованность понятийного аппарата стала особенно яркой.

Отметим также и то, что материальное законодательство так и не решило ряд принципиально важных вопросов в этой сфере. В законе «О некоммерческих организациях» содержатся нормы о государственной *корпорации*, что никак не укладывается в законодательную новеллу. Не установился четкий водораздел между обязательственными

и корпоративными правоотношениями; до сих пор продолжаются дискуссии о понятии корпорации, о «внутренних» и «внешних» корпоративных отношениях.

Осложняет ситуацию и то, что еще с 2002 г. практика знает такое понятие как «корпоративный конфликт» [10]. В литературе справедливо указывается на его специфичность. Большинство ученых придерживается мнения, что речь о споре можно вести тогда, когда он вышел за рамки корпорации.

Если есть конфликт, то не всегда есть спор. Можно находиться в состоянии конфликта (например, конфликта интересов), но не быть сторонами спора. Корпоративный конфликт является «предвестником» корпоративного спора. Как только конфликт проявляет себя «во вне» и на момент проявления не является разрешенным (сам собой или с помощью примирительных процедур), то возникает корпоративный спор, подлежащий рассмотрению в арбитражном суде [11].

Некоторые пробелы корпоративного права и корпоративных споров связаны с тем, что они долгое время исследовались не на уровне корпоративных юридических лиц в целом, а как нечто характерное исключительно для деятельности хозяйственных обществ и товариществ [12].

Конечно можно по-разному относиться к реформам, но сама попытка законодателя урегулировать столь сложные вопросы уже является несомненным достижением. Однако не ясно почему в последующем материальные и процессуальные конструкции не были унифицированы. Это вызывает возражения, ведь АПК РФ не закрепляет (и не должен закреплять) «самобытную» категорию. Ведь смысловая юридическая нагрузка понятия «корпоративный спор» теснейшим образом связана с термином «корпорация», который, в свою очередь, неотделим от конструкции «корпоративные правоотношения». Нет также оснований рассматривать корпоративное право, как комплексное или межотраслевое образование.

Для правильного применения норм о корпоративных спорах следует делать поправку на более подробную их регламентацию, закрепленную в ГК РФ.

Приведенный выше перечень не стыкующих материального и процессуального законодательства в сфере корпоративных споров является далеко не исчерпывающим. В данной статье лишь сделан акцент на наиболее ярких и злободневных коллизиях. Данные вопросы не должны оставаться без внимания законодателя и представителей доктрины, поскольку нынешняя экономика уже достаточно четко обозначила потребность в их разрешении.

Литература:

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 01.07.2014 № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах РФ».
2. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. ФЗ от 19.07.2009 г. № 205 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Габов, А. В. Третейские суды: история и современность (в свете дискуссий о реформе законодательства о третейских судах) // Вестник гражданского процесса, 2015, № 2.
5. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // СПС «Консультант Плюс».
6. Аюрова А. А., Беляева О. А., Вильданова М. М. и др. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. Виды юридических лиц в российском законодательстве (в трёх томах, том второй) (отв. ред. А. В. Габов). — «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М», 2015 г. С.159–169.
7. Фроловский, Н. Г. Понятие корпоративного спора // Законы России: опыт, анализ, практика, 2010, № 6.
8. Подробнее см.: Уксусова, Е. Е. Категория «корпоративные споры» в арбитражном процессуальном законодательстве: проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика, 2012, № 1. — С.17–26.
9. См. об этом: Крашенинников, П. В. Кодификация отечественного гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / Под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2015. — С.36.
10. Письмо ЦБ РФ от 10 апреля 2014 г. № 0652/2463 «О кодексе корпоративного управления».
11. Нефедова, К. В. О соотношении понятий «Корпоративный спор», «Корпоративный конфликт», «Корпоративное правоотношение» // Вестник Челябинского государственного университета, 2015, № 17.
12. Михалева, Н. В. Подведомственность дел по корпоративным спорам // Российское правосудие. 2014. № 2.
13. Сеницын, С. А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права, № 6, июнь 2015.

Обеспечительные меры по корпоративным спорам: процессуальные особенности и ограничения

Абросимов Дмитрий Александрович, студент

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

Не следует забывать, что защита прав субъектов в корпоративных спорах осуществляется не только разрешением дела по существу, но и путём принятия обеспечительных мер. В корпоративной сфере не редки случаи злоупотребления ими со стороны участников корпоративного конфликта.

В данной статье будут рассмотрены некоторые особенности обеспечительных мер в рамках корпоративных споров, однако не обойтись здесь и без некоторых общих моментов. Прежде всего основным актом по данному вопросу является АПК РФ, а также Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер». На практике иногда возникают трудности, поскольку его положения содержат не мало оценочных категорий [1].

Согласно п. 10 данного постановления обеспечительные меры являются ускоренным средством защиты, следовательно, для их применения не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора.

По корпоративным спорам могут быть приняты меры обеспечения иска, предварительные обеспечительные меры

(ст. 99 АПК), меры обеспечения исполнения судебных актов (ст. 100 АПК). Относительно последних, при обосновании возможного затруднения исполнением акта необходимо учитывать характер вынесенного акта. Так, решения по делам о признании недействительными решений собрания участников (акционеров, членов), совета директоров, иных органов управления юридических лиц, по общему правилу, исполнению в порядке, установленном ФЗ «Об исполнительном производстве», не подлежат [2]. Защита прав по данным делам осуществляется путем признания принятого органом управления решения, как не подлежащего исполнению (применению).

Для того чтобы принять обеспечительную меру, необходимо обосновать перед судом, во-первых, что их непринятие может затруднить (сделать невозможным) исполнение решения суда в будущем (п.2 ст. 90 АПК), а во-вторых, соразмерность обеспечительной меры заявленному требованию (п.2 ст. 91 АПК).

В ст. 225.6 АПК РФ названо дополнительное третье условие: их принятие не должно приводить к фактической невозможности (существенному затруднению) осуществлять юридическим лицом свою деятельность, а также к нарушению им законодательства РФ.

Эти обстоятельства входят в предмет доказывания при подаче ходатайства о применении той или иной обеспечительной меры [3].

Особенности обеспечительных мер по корпоративным спорам: [4]

- срок рассмотрения ходатайства составляет от 1 до 15 дней (ст. 225.6);

Законом установлены исключения из правила о рассмотрении заявления об обеспечении иска в течение суток с момента его подачи (п.8 ст. 225.6). Данный срок может быть продлен до 15 дней в случае, когда для разрешения вопроса требуются объяснения лиц, участвующих в деле, а также не предоставлено встречное обеспечение (п.7 ст. 225.6). Однако в этих положениях заложено некоторая не стыковка. С одной стороны, данная норма преследует цели соблюдения баланса интересов. С другой — она вступает в некое противоречие с замыслом законодателя о срочности обеспечительных мер. Ведь зачастую получение ответчиком информации о подаче заявления с требованием о запрете совершать те или иные действия может повлечь совершение им этих действий, даже если изначально они не были запланированы. Сегодня данное положение не разъяснено судом.

- определение суда может быть обжаловано в течение 10 дней (ст. 225.9);
- встречное обеспечение по искам неимущественного характера — не менее 50 000 руб. для физических лиц, и не менее 100 000 руб. для юридических лиц (п.6 ст. 225.6);

Отметим, что если лицо обращается с требованием признать недействительными решений органов управления юридического лица, то необходимо предоставить встречное обеспечение, т. к. это неимущественное требование. В данном случае размер встречного обеспечения устанавливается арбитражным судом, и определяется исходя из размера возможных убытков ответчика. Особенностью является то, что по корпоративным спорам при определении размера встречного обеспечения по требованиям неимущественного характера устанавливается минимальный размер такого обеспечения.

- в отличие от обычного порядка предусмотрена возможность рассмотрения заявления об обеспечении иска в судебном заседании;
- обязанность извещения сторон о рассмотрении ходатайства может быть возложена на заявителя;
- за неисполнение обязанности по уведомлению сторон на заявителя может быть наложен штраф в размере 2500–5000 руб. (ст. 119 АПК РФ).

О некоторых ограничениях: [5]

Вышеназванное Постановление Пленума ВС РФ № 55 устанавливает некоторые ограничения в применении обеспечительных мер. Так, при оценке доводов заявителя следует иметь в виду разумность и обоснованность требования

о применении мер; соблюдение баланса интересов заинтересованных сторон; отсутствие нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц.

Давайте рассмотрим подробнее какие обеспечительные меры возможны, а какие нет.

Возможные обеспечительные меры:

- наложение ареста на акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ; запрещение ответчику и другим лицам совершать сделки в отношении акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ;

Арест объектов, закрепляющих права участия в юридических лицах, означает запрет распоряжаться ими (отчуждать, предоставлять в качестве обеспечения собственных обязательств или обязательств третьих лиц, обременять иным образом, а применительно к ценным бумагам также передавать такие ценные бумаги для учета прав другому лицу). Но наложение ареста на данные объекты, если иное дополнительно судом не установлено, не влечет ограничение прав, закрепленными такими объектами — участвовать в общих собраниях участников (членов), голосовать на них, вносить предложения в их повестку дня, реализовывать преимущественные права, получать информацию о деятельности юридического лица, получать доходы и др. [6]

- запрещение органам принимать решения либо совершать иные действия по вопросам, относящимся к предмету спора или непосредственно с ним связанным.

Как указал в одном из дел ВАС РФ информация об установлении запрета должна быть доведена до ответчика до принятия им решения [7]. Если такое решение будет принято в период действия обеспечительной меры, то это влечёт её недействительность. Причём не важно было ли данное нарушение существенным или нет, достаточно только факта (как указал ФАС Восточно-Сибирского округа в одном из дел по этому вопросу: неисполнение судебного акта дискредитирует правосудие [8].

- запрет единоличному исполнительному органу акционерного общества или иным уполномоченным лицам исполнять решение совета директоров [9];
- запрещение юридическому лицу, его органам или участникам, а также иным лицам исполнять решения, принятые органами этого юридического лица;

Если действия, предусмотренные решением, уже исполнены либо их исполнение началось, судам необходимо выяснять, насколько испрашиваемая обеспечительная мера фактически исполнима и эффективна.

- запрещение держателю реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитарию осуществлять записи по учету или переходу прав на акции и иные ценные бумаги, а также совершать другие действия в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг;

- запрещение регистрирующему органу регистрировать изменения в ЕГРЮЛ, связанные с переходом прав на доли в уставном капитале ООО и др.

Недопустимые обеспечительные меры:

- уже давно обозначенный запрет на проведение годового общего собрания акционеров.

Отметим, что является незаконной не только запрет проведения, но и обеспечительные меры, которые хоть и не запрещают, но препятствуют проведению годового собрания акционеров (созывать общее собрание, составлять список акционеров, имеющих права на участие в общем собрании акционеров, предоставлять помещения для проведения собрания, рассылать бюллетени для голосования, подводить итоги голосования по вопросам повестки дня) [10]. Также недопустимо запрещать единоличному исполнительному органу осуществлять свои функции если это может привести, например, к невозможности исполнения юридическим лицом обязательств перед его кредиторами и работниками, исполнению обязанностей публичного характера, осуществлению организацией своей деятельности [11].

В тех случаях, когда предметом спора является признание недействительным решения совета директором (наблюдательного совет) о проведении внеочередного общего собрания запрет проводить это собрание в сущности является не мерой обеспечения будущего решения суда, а разрешением спора по существу, поэтому является недопустимым [12].

- запрещение созывать общее собрание;
- запрещение составлять список акционеров, имеющих права на участие в общем собрании акционеров;

- запрещение предоставлять помещения для проведения собрания;
- запрещение рассылать бюллетени для голосования, подводить итоги голосования по вопросам повестки дня;
- запрещение принимать решения по вопросам, отнесенным к компетенции годового общего собрания акционеров.

Например, нельзя запретить принимать решения об избрании совета директоров, т. к. его неизбрание влечет за собой невозможность дальнейшей нормальной деятельности общества [13].

- запрет на размещение информации в СМИ о проведении собрания;
- меры, лишаящие ответчика возможности и права осуществлять законную деятельность;
- меры, не соответствующие предмету заявленных требований и (или) не соразмерные ему.

Например, в практике встречались такие необоснованные меры как запрет голосовать на общем собрании, в то время как предметом спора являлись действия по созыву и проведению этого собрания [14].

- запрет предоставлять помещения для проведения собрания, рассылать бюллетени для голосования, подводить итоги голосования по вопросам повестки дня.

Вышеназванные меры являются наиболее актуальными, но перечень является далеко не исчерпывающим. Многообразие особенностей заставляет ещё раз задуматься об актуальности данных вопросов.

Литература:

1. Наумова, О. В. Корпоративные споры: особенности судебной защиты прав субъектов корпоративных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 2 (8), С.91–102.
2. Комментарий к ФЗ «Об исполнительном производстве» и практике его применения / отв. ред. И. В. Решетникова. М., 2009. С. 5–6 (автор комментария к ст. 1 — И. В. Решетникова).
3. Ярков, В. В Новеллы АПК: революция в арбитражном процессе? // Вестник ФАС Уральского округа. 2009. № 3. С. 94–98.
4. См. подробнее: Решетникова, И. В. Новации арбитражного процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С.64–70
5. Подробнее см.: Барашев, А. С. О некоторых проблемах применения обеспечительных мер в корпоративных спорах // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. — 2012. — № 2. — С. 71–76.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 г. № 72.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.11.2003 г. № 9684/03 по делу № А81–3603/102Г-03 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 июня 2009 г. № А10–1950/08 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление ФАС Московского округа от 09.03.2011 г. № КГ-А40/885–11 по делу № А40–45310/10–137–376 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфотропик Медиа, 2011.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 апреля 2005 г. № Ф09—986/05-С5 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение ВАС РФ от 17.10.2011 г. № ВАС-12868/11 по делу № А10—499/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 7 ноября 2006 г. № А58—3389/2006-Ф02—5701/06-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

Государственная защита субъектов уголовно-процессуальных отношений

Акулова Евгения Владимировна, магистрант

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

Статья посвящена анализу содержания понятия государственной защиты участников уголовно-процессуальных правоотношений. Автор раскрывает нормативную основу института государственной защиты; обозначает круг лиц, в отношении которых могут применяться меры безопасности.

Ключевые слова: государственная защита, уголовный процесс, подозреваемый, обвиняемый, безопасность, мера безопасности

The article is devoted to the analysis of maintenance of a concept of the state protection of participants of criminal procedure legal relationship. The author opens a standard basis of institute of the state protection and designates a circle of people to which security measures can be applied.

Keywords: state protection, criminal procedure, suspect, defendant, safety, security measure

Уголовное судопроизводство своим назначением имеет законодательно определенные положения о защите прав и интересов организаций, потерпевших от преступлений, а также о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Первостепенный ориентир на защиту прав потерпевших и исключение уголовного преследования невиновных не означает безразличное отношение государства к иным лицам, по тем или иным причинам вовлекаем в уголовно-процессуальную орбиту.

Анализ нормативных источников и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что приблизительно до 1990 г. специальных фундаментальных научных исследований непосредственно проблематики осуществления государственной защиты участников уголовного судопроизводства, в нашей стране не осуществлялось [1, с. 18]. Только с последнего десятилетия XX века начали появляться докторальные разработки в области данной проблематики. Это было обусловлено социально-экономическими и политическими изменениями, произошедшими в России, которые вызвали всплеск организованной преступности, создания преступных сообществ. В свою очередь, появилось значительное число случаев противоправного воздействия на участников уголовного судопроизводства. В этой связи появились первые научные работы [2, с. 24–26], в которых был дан анализ следственно-судебной практики, включавшей в себя ситуации, в которых возникала объективная необходимость в обеспечении государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

За минувшую четверть века накоплен довольно большой объем материала как теоретического, так и прикладного характера. Ученые-процессуалисты, представляя результаты проведенных исследований [3, с. 30], обращают внимание на формирование за этот период в отечественном законодательстве нового института государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Нормы, которые входят в него, устанавливают систему гарантий наиболее важных прав и свобод личности, направлены на создание механизмов обеспечения безопасности всех субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

Нормативной основой применения мер защиты и обеспечения государственной безопасности лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, в первую очередь, является Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [4, с. 1–29] (далее — Закон о государственной защите). Во исполнение данного закона был принят ряд подзаконных актов, конкретизирующих и дополняющих его положения. Особо следует выделить Государственную программу «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», утвержденную Постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 года № 586 [5, с. 3], которая стала третьей, реализуемой в РФ с 2006 года [6, с. 4]. Объем финансового обеспечения реализации Программы на 2014–2018 годы за счет средств федерального бюджета составляет

1405,55 млн рублей, в том числе: в 2014 году — 281,11 млн рублей; в 2015 году — 281,11 млн рублей; в 2016 году — 281,11 млн рублей; в 2017 году — 281,11 млн рублей; в 2018 году — 281,11 млн рублей.

Государственная защита участников уголовного судопроизводства нормативно определяется через категорию меры безопасности, перечень которых нормативно установлен, а также меры социальной поддержки. Меры безопасности нацелены на защиту жизни, здоровья участников уголовного судопроизводства, а также на защиту их имущества. Меры безопасности и меры социальной поддержки применяются в связи с вовлечением граждан в сферу уголовного судопроизводства по решению компетентных государственных органов, к числу которых относятся суд (судья), прокурор, начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

Защита участников уголовного судопроизводства предполагает обязанность уполномоченных органов и их должностных лиц применять меры безопасности, предусмотренные УПК РФ. Так, ч. 3 ст. 11 в системной связи с ч. 9 ст. 166 УПК РФ устанавливает возможность использования псевдонима участника следственного действия и неразглашение данных о его личности, а ч. 5 ст. 278 допускает проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение. По правилам ч. 2 ст. 16 УПК РФ по письменному заявлению защищаемого лица допускается осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров. Согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ безопасность опознающего обеспечивается предъявлением ему опознаваемого в условиях, исключающих визуальное наблюдение последним первого. Наконец, интересами защиты личности может быть обусловлено проведение судебного разбирательства в закрытом режиме в порядке ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Закон о государственной защите указывает на возможность применения в отношении защищаемого лица таких мер безопасности, как охрана данного участника судопроизводства, охрана его жилища или иного имущества, выдача спецсредств индивидуальной защиты, постоянная перемена места жительства либо временное перемещение в безопасное место, дополнительные меры безопасности лица, которое заключено под стражу, включая перевод его в другое учреждение уголовно-исполнительной системы, и ряд других.

Таким образом, в современных условиях на обеспечение безопасности субъектов уголовно-процессуальных отношений нацелено применение органами государственной власти как процессуальных, так и непроцессуальных мер государственной защиты.

Заметим, что закрепленные в УПК РФ меры безопасности отнюдь не всегда могут обеспечить эффективную защиту лиц, содействующих органам предварительного расследования и органам, осуществляющим правосудие.

Одновременно с этим практические работники при использовании указанных мер сталкиваются с проблемами, сопряженными с отсутствием единого подхода к обеспечению безопасности защищаемых лиц.

Решение о предоставлении государственной защиты субъектам уголовно-процессуальных правоотношений принимается на основании сведений о наличии угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества вследствие его участия в уголовном судопроизводстве. При этом угроза должна быть реальной.

К числу субъектов, в отношении которых могут быть применены меры безопасности, в силу прямого указания Закона о государственной защите, относятся подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено.

Более того, ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ устанавливает, что правила осуществления государственной защиты участников уголовного судопроизводства, закрепленные данным законом, в полной мере распространяются на подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Право субъектов уголовно-процессуальных правоотношений на безопасность является относительно новым институтом российского законодательства. Обеспечение безопасности в сложившемся в настоящее время понимании определяется как система мер, применяемых компетентными государственными органами и должностными лицами при осуществлении предварительного расследования по уголовному делу, а также при его рассмотрении судом в отношении участников процесса. Соответственно право на безопасность — это гарантированная законом возможность притязать на применение государством соответствующих мер по физической защите нуждающегося в ней лица в ходе производства по уголовному делу.

Принципами, которые положены в основу концепции обеспечения государственной защиты, являются законность, уважение прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц. Отдельно необходимо отметить прокурорский надзор и ведомственный контроль за данной деятельностью. Применение мер государственной защиты в отношении субъектов уголовного судопроизводства может быть постоянным, временным либо носить разовый характер. Такое непостоянство может выражаться в изменении принятой меры защиты, в ее дополнении или разграничении как по сфере воздействия, так и по способу применения. Государственная защита субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, содействующих правосудию, является одной из важнейших гарантий в системе мер, обеспечивающих права и свободы человека в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Зайцев О. А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в российской федерации // Уголовная юстиция. 2014. № 2. С. 18.
2. Катков С. А. Проблемы предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных участниками преступных структур // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. М., 1994. Вып. 1. С. 73–76; Данилова Р. В., Новоселов С. А. Противодействие расследованию по делам об организованной преступной деятельности // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1996. С. 24–26.
3. Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. докт. юрид. наук: 12.00.09 — уголовный процесс. М., 2017; Абрамов А. Б. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. канд. юр. наук., М., 2013; Скрипилев А. Г. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства: Дис. канд. юр. наук. М., 2013. Саморока В. А., Бекетов М. Ю. Вопросы организации взаимодействия подразделений государственной защиты и следствия по решению задач применения отдельных мер безопасности в сочетании с процессуальными способами обеспечения безопасности защищаемых лиц: методические рекомендации. М.: Московский университет МВД России, 2012 и др.
4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ (в ред. ФЗ от 7 февраля 2017 года) // СПС КонсультантПлюс; URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212439/ (дата обращения 14 апреля 2017 года).
5. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»: Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 года № 586 (в ред. от 13 августа 2015 года) // СПС КонсультантПлюс; URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149466/ (дата обращения 14 апреля 2017 года).
6. Первой была Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 10 апреля 2006 года № 200. В виду завершения периода действия ее сменила Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 года № 792.

Реализация принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан: проблемы и пути решения

Амиров Алмас Муратович, магистрант

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана)

В статье изложены некоторые проблемы реализации принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан, а также предложены возможные пути их устранения.

Кроме того, в статье анализируются меры, принятые нашим государством по реализации принципа «нулевой терпимости», а также зарубежный опыт его внедрения и использования.

Ключевые слова: нулевая терпимость, правовая культура, правосознание, неотвратимость наказания, участие граждан в обеспечении общественного порядка

In the article expound some problems of implementing the principle of “zero tolerance” to disorder and offenses in the Republic of Kazakhstan, also offered the possible ways to solve them.

In addition, in this article analyzes the measures taken by our state to realize the principle of “zero tolerance” and foreign experience of its implementation and using.

Keywords: zero tolerance, legal culture, legal consciousness, inevitability of punishment, participation of citizens in ensuring public order

14 декабря 2012 года Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в своем послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства» указал на не-

обходимость соблюдения обществом и государственными органами принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям [1].

После этого 16 января 2014 года в Концепцию правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, внесены изменения, согласно которым неукоснительное следование принципу «нулевой терпимости (толерантности)» к правонарушениям отнесено к главным приоритетам правоохранительной деятельности [2].

17 января 2014 года утверждена Концепция по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира. Одним из механизмов ее реализации определено совершенствование правоохранительной системы путем исключения всех форм противоправного поведения и формирования «нулевой терпимости» общества к правонарушениям [3].

Таким образом, реализация принципа «нулевой терпимости» является важнейшей задачей, поставленной в ряде стратегических документов.

Что известно о понятии «нулевая терпимость»

Оно происходит из английского языка, а именно от выражения «zero tolerance». При этом слово «tolerance» в переводе имеет два значения, в связи чем словосочетания «нулевая толерантность» и «нулевая терпимость» являются тождественными.

Определения же понятию «нулевая терпимость» даны лишь в нескольких зарубежных и отечественных источниках. Из зарубежных можно отметить Оксфордский словарь английского языка и российский Словарь терминов межкультурной коммуникации [4–5], а из казахстанских — терминологический словарь Информационного агентства «Strategy2050.kz» и работы ОФ «ЦПСИ «Стратегия» [6–7].

Между тем, данные определения, имея общую схожесть, все же различаются между собой, и ни одно из них нельзя назвать общепризнанным.

В целом, подводя итоги, под понятием «нулевая терпимость» следует понимать отрицательную реакцию или нежелание общества мириться с любыми проявлениями противоправного поведения, несоблюдения установленных юридически и исторически сложившихся культурных норм, а также правонарушениями, вплоть до самых незначительных.

Особо следует отметить, что в законодательных актах и официальных документах не дается определения данному понятию, а также оно не сформировано и не выдвинуто в работах казахстанских ученых.

Зарубежный опыт и виды «нулевой терпимости»

Изучение зарубежного опыта показало, что в отдельных странах понятие «нулевая терпимость» уже использовалось и реализовалось на практике.

Наиболее известным является опыт Нью-Йорка, где в начале 90-х годов была объявлена «нулевая терпимость» к любым правонарушениям.

Работа полиции подразумевала осуществление целого комплекса мероприятий, основанного на криминалистической «теории разбитых окон», согласно которой любые признаки нарушения установленного порядка способствуют противоправному поведению общества.

Системный подход, включавший в себя безусловное реагирование на любые антизаконные действия (*вплоть до безбилетного проезда на метро*), разработку стратегий по различным видам правонарушений, использование новых технологий и т. д., позволил установить контроль на улицах Нью-Йорка.

В дальнейшем опыт Нью-Йорка стали применять в других городах США, Европе, Южной Африке, Индонезии, Сингапуре и в других странах [8].

Дальнейшее изучение вопроса показало, что понятие «нулевая терпимость» используется не только относительно правонарушений и преступлений, что говорит о наличии различных видов.

Так, большую популярность имеет Шведская программа «Vision Zero», базовым принципом которой является «нулевая терпимость» к дорожно-транспортным происшествиям со смертельным исходом. В результате реализации этой программы ситуация на дорогах Швеция в настоящее время считается одной из самых безопасных во всем мире [9].

Широко известны сингапурская и эстонская программы «нулевой терпимости» к коррупции, благодаря которым эти страны по индексу восприятия коррупции Transparency International в 2016 году заняли 7 и 22 место из 176 стран мира. Казахстан в этом же рейтинге занял 131 место.

Следует отметить, что в настоящее время в нашей стране реализуется Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы, одной из целей которой является вовлечение в антикоррупционное движение всего общества путем создания атмосферы «нулевой терпимости» к любым проявлениям коррупции [10].

Также в Казахстане существуют и другой вид «нулевой терпимости», а именно к радикальным религиозным проявлениям, который вытекает из Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017 годы и Послания Главы государства «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» [11–12].

Международные организации также зачастую проводят политику «нулевой терпимости». К примеру, на сайте ООН указывается о таких действиях: в отношении государств, пренебрегающих своими обязательствами по Договору о торговле оружием; в области пыток и жестокого обращения; ко всем формам насилия в отношении женщин; к сексуальной эксплуатации и надругательствам со стороны миротворческого персонала; к насилию по признаку пола и т. д.

Вышеназванное понятие используется и в спорте. Так, наиболее известными футбольными федерациями ФИФА и УЕФА проводится политика «нулевой терпимости» в отношении расовой дискриминации и расизма.

Таким образом, существует множество разновидностей «нулевой терпимости», а само понятие в определенной степени является универсальным.

Принятые меры для реализации принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан

Как указывалось выше, задача по реализации принципа «нулевой терпимости» закреплена в стратегических документах нашей страны.

Во исполнение этих поручений, значительно активизирована работа уполномоченных государственных органов.

Кроме того, Министерством внутренних дел разработаны, утверждены и реализованы Планы по обеспечению и формированию принципа «нулевой терпимости» на 2014 год, а также на 2015–2016 годы.

Все эти планы предусматривали 57 различных организационных и практических мероприятий, а основные задачи состояли в:

- 1) снижении уровня преступности;
- 2) обеспечении неотвратимости наказания;
- 3) повышении правосознания и правовой культуры граждан.

Также в планах определены 23 статьи Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, призванные стать своего рода индикатором уровня реализации принципа «нулевой терпимости».

В результате проведенной работы количество выявленных административных правонарушений возросло с 2,6 млн в 2012 году до 4 млн в 2016 году.

При этом правонарушения, отнесенные к индикаторам «нулевой терпимости», составляли значительную часть от общего количества зарегистрированных, 1,5 млн или 42 % в 2012 году и 2,2 млн или 45 % в 2016 году.

Также в соответствии с 30 шагом Плана нации — 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ создана местная полицейская служба (*далее — МПС*), на которую возложены вопросы охраны общественного порядка, противодействия бытовой преступности, дорожно-патрульная служба, «нулевая терпимость» к мелким правонарушениям [13]. МПС начала функционировать с 1 января 2016 года.

При создании МПС учтен опыт стран ближнего и дальнего зарубежья по созданию подобных полицейских структур. Организация работы таких структур различается в зависимости от системы их государственного устройства (*федеральная, унитарная*), региональных особенностей, а также структуры управления полиции (*централизованная, децентрализованная*).

Казахстанская модель местной полиции разработана с учетом унитарного устройства нашего государства и ошибок при создании аналогичных подразделений в других странах.

При этом процесс создания новой службы сопровождался поэтапным и планомерным ее развитием и повышением роли акимов в вопросах организации деятельности.

Первый этап был законодательным. На уровне Закона определена подотчетность местной полицейской службы акиматам, маслихатам и населению. Акимы наделены полномочиями по назначению и освобождению руководителей МПС, постановки перед службой задач по обеспечению правопорядка и контролю за их исполнением.

Второй этап предусматривал принятие организационно-практических мер, направленных на реализацию нового законодательства. Разработано Положение «О местной полицейской службе», которым закреплена правовая основа деятельности МПС, а также компетенция местных исполнительных и представительных органов.

Также на этом этапе приведены в соответствие приказы МВД, регламентирующие деятельность структурных подразделений МПС.

На третьем этапе осуществлено дальнейшее совершенствование деятельности МПС. Эти мероприятия проводились по мере становления службы и наработки практики. В составе МВД образовано Управление координации деятельности МПС, введена практика ежеквартального информирования акимов регионов о криминогенной ситуации в стране и достижениях МПС и т. д.

Оценка результатов принятых мер для реализации принципа «нулевой терпимости» в Казахстане

Как указано выше, определенная работа по реализации принципа «нулевой терпимости» в нашей стране проведена. Однако, следует признать, что конечные результаты всё же не достигнуты, и если давать оценку проведенной работе в целом, положительной она не будет.

Одна из причин такой оценки заключается в снижении статуса идеи «нулевой терпимости».

В частности, несмотря на то, что реализация принципа «нулевой терпимости» является важнейшей задачей, поставленной в нескольких стратегических документах, фактически в этих целях приняты всего два плана, которые лишь формально имели юридическую силу, не являлись правовыми актами, не имели регистрации в органах юстиции и не предусматривали ответственности в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения вовсе.

При этом большая часть всех запланированных пунктов дублировала действия в рамках мероприятий по смежным вопросам (*профилактика правонарушений, бытовое насилие и т. д.*), около 80 % мероприятий были закреплены за МВД, а негосударственные структуры к этой работе не привлечены вовсе.

Ряд пунктов исполнялся бы и без планов, поскольку мероприятия относились к обязанностям госорганов, вытекающим из законодательства.

Помимо этого, для реализации отдельных пунктов требовалось выделение бюджетных средств, тогда как сами планы этого не предусматривали.

Необходимо особо подчеркнуть, что одним из основных ожидаемых результатов от реализации планов было сниже-

ние уровня преступлений в стране (*на 10 тысяч населения*) до 190 в 2015 году и до 187 в 2016 году.

Однако, по официальным сведениям, количество преступлений на 10 тысяч населения в 2015 году составило 221, а в 2016 году 203.

Между тем, несмотря на то, что ожидаемые МВД результаты не достигнуты, вопрос о разработке и принятии нового плана не поднимался.

Также необходимо отметить, что с 2012 года ни в одном законодательном, нормативном правовом, программном либо официальном документе не дано определения понятию «нулевая терпимость», «мелкое правонарушение» и т. д., что дает возможность для их произвольного толкования, понимания и применения.

В итоге на сегодня «нулевая терпимость» у населения вызывает ассоциацию с борьбой против мусора в подъездах, окурков и т. д., когда на самом деле смысл закладывался намного глубже.

В 2015 году ОФ «Астана-Зерттеу» по заказу Генеральной прокуратуры проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошено 700 жителей г. Астана. Примечательно, что 48,4 % из них узнали о принципе «нулевой терпимости» только во время опроса [14].

Таким образом, население либо не знает об этом принципе, либо неправильно понимает его суть.

Причиной низкой оценки проведенной работы по реализации принципа «нулевой терпимости» можно назвать не вовлечение в процесс института семьи, а также период, когда люди проходят обучение в учебных заведениях.

В 2015 году ОФ «ЦСПИ «Стратегия» проведен опрос, который показал, что на формирование у человека надлежащего поведения в обществе влияет в первую очередь семья, во вторую — учреждения образования и только в шестую очередь — государственные органы [15].

Между тем, в Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года и Общенациональном плане мероприятий по укреплению семейных отношений, морально-этических и духовно-нравственных ценностей в Республике Казахстан на 2015–2020 годы нет ни слова о реализации принципа «нулевой терпимости» и формировании правомерного поведения населения в целом.

Аналогично, не стоят такие задачи и в Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2016–2019 годы.

Школьная программа дает лишь 2 часа в 11 классе для овладения темой «Правовая культура, правомерное поведение и юридическая ответственность».

Следующая причина низкой оценки проведенной работы по реализации принципа «нулевой терпимости» заключается в ненадлежащем отношении к правовому всеобучу, правоспитательной и разъяснительной работе, правовой пропаганде, культуре и правосознанию.

С 1993 года до конца 2014 года в нашем государстве проводилась значительная работа по повышению правовой культуры граждан.

Были приняты постановления Президента и Правительства, реализовано несколько комплексных программ и планов.

Однако, с 2015 года, когда в рамках реализации принципа «нулевой терпимости» такая работа должна была быть усилена, фактически же наоборот, она потеряла системный характер и ведется каждым органом обособленно.

Изучение результатов исполнения Министерством юстиции Республики Казахстан Стратегического плана на 2011–2015 годы дает основания делать вывод, что уполномоченный орган по организации правового всеобуча справляется с этой функцией ненадлежащим образом.

При этом процесс формирования правовой культуры личности предполагает готовность действовать, основываясь имеющимися правовыми знаниями и убеждениями, т. е. общество готово поступать только правомерно при наличии правовых знаний, правовой информации.

Еще одна причина низкой оценки проведенной работы по реализации принципа «нулевой терпимости» — невовлеченность в процесс граждан.

Социологический опрос ОФ «Астана-Зерттеу» показал, что информировать правоохранительные органы о правонарушениях готовы менее 15 % населения.

Мировой опыт показывает, что общество готово активно участвовать в решении государственных задач, если это излишне не усложнено, отсутствует бюрократия и любое обращение возымеет эффект.

В нашей стране, опасаясь быть втянутым в длительные процедуры при привлечении виновного к ответственности, а также ввиду отсутствия веры в принятие государственными органами необходимых мер, люди зачастую предпочитают быть безучастными.

Следует отметить, что до настоящего времени в рамках реализации принципа «нулевой терпимости» не выработан единый механизм обращения граждан с сообщениями о правонарушениях.

Отдельные попытки государственных органов создать интернет-ресурсы, которые позволили бы населению сообщать о нарушениях, не возымели реального эффекта, поскольку пользование ими было проблематичным, а попытки оставить сообщение занимали много времени.

Нежелание населения сотрудничать во многом объясняется недоверием правоохранительной системе. В свою очередь, недоверие складывается из бездействия и совершения дискредитирующих поступков чиновниками.

Следует признавать, что с момента создания Местной полицейской службы не поменялось сознание их руководящих сотрудников. Как и прежде, они оценивают эффективность работы своих сотрудников по статистическим показателям, а не новым индикаторам, как уровень доверия населения и т. д.

В итоге, в деятельности местной полиции имеют место факты укрытия от регистрации в ЕРДР уголовных правонарушений, необоснованного возбуждения административных дел, а также формализма при исполнении требований отраслевых нормативных правовых актов и внутренних инструкций относительно профилактических действий.

Также на нежелание сотрудничества населения существенно влияет и слабая имиджевая работа правоохранительных органов.

В 2103 году была принята Государственная программа дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы, одна из задач которой состояла в повышении имиджа правоохранительных органов [16].

Между тем, 18 июля 2016 года данная Государственная программа была исключена и в настоящее время системная работа по повышению имиджа правоохранительных органов не проводится.

Повысить доверие населения мог бы институт участия граждан в обеспечении общественного порядка. Но, в реальности участие зачастую принимает формальный характер.

Прокурорские проверки показывают, что допускаются факты фиктивного включения граждан в число общественных помощников полиции. К обеспечению общественного порядка допускаются лица, ранее неоднократно умышленно совершавшие административные и уголовные правонарушения [14].

Данный институт не станет реальной силой без решения организационно-правовых вопросов, связанных с деятельностью общественных помощников.

Эксперты американской стратегической исследовательской организации «RAND» выделили ключевые аспекты, в которых проявляются основные различия к волонтерской деятельности в странах ОЭСР [17]:

1) Полномочия (*некоторые страны предоставляют волонтерам ограниченные полномочия, а Канада, Великобритания, ЮАР, Нидерланды и Израиль наделяют правами наравне с полицейскими*).

2) Ответственность (*в некоторых странах волонтеры выполняют вспомогательные функции в виде офисной работы, помощи в проведении общественных мероприятий, а в Канаде, Израиле, ФРГ и Дании волонтеры принимают более активное участие в таких сферах как патрулирование, регулирование дорожного движения, помощь в поисково-спасательных работах*).

3) Минимальное и максимальное количество рабочих часов (*Канада, Великобритания и Израиль определяют минимальное количество часов. К примеру, в Канаде 160 часов в год, а в Великобритании 16 часов в месяц. В Германии требуют максимальное количество часов службы. Волонтер может работать 25 часов в месяц и 300 часов в год*).

4) Оплата (*в Нидерландах полиция оплачивает волонтерам 6 евро в час и дополнительно раз в год пре-*

миальную выплату. В ФРГ сумма выплаты составляет 7 евро в час. Великобритания оплачивает волонтерский труд, но решение о выплате принимает каждый полицейский департамент отдельно).

5) Количество волонтеров (*в Дании, Великобритании, Канаде, ФРГ и Австралии соотношение волонтеров к регулярной полиции достаточно высокое (к примеру, в Дании 1:2). В других странах ОЭСР варьируется от 1:20 до 1:35. Примечательно, что в Израиле волонтеров больше, чем полиции*).

6) Униформа (*волонтеры во всех странах ОЭСР носят специальную униформу. Только в ЮАР униформа волонтеров отличается от полицейской*).

7) Другие вопросы, связанные с проблемами и вызовами, с которыми сталкиваются полицейские в работе с волонтерами (*от набора волонтеров, организационных расходов и риска утечки секретной информации до наличия недопонимания между полицией и волонтерскими организациями*).

Помимо указанного одной из причина низкой оценки проведенной работы по реализации принципа «нулевой терпимости» можно назвать ненадлежащее внедрение принципа неотвратимости наказания.

Санкции 23 составов КоАП, определенных индикаторами «нулевой терпимости», предусматривают взыскания в виде предупреждений, административных арестов и штрафов.

Если с предупреждениями и арестами неотвратимость ответственности работает практически всегда, то с административными штрафами сложнее.

Важность данного вопроса отмечалась еще в Концепции правовой политики Республики Казахстан 2002 года, однако проблема остается актуальной до настоящего времени.

Необходимо отметить, что актуальна она во всем мире и существуют разные подходы к ее решению, которые за границей достаточно жесткие.

К примеру, в Израиле, США и Франции в случае неуплаты штрафов правонарушителей лишают водительских удостоверений, а также ограничивают в возможности их получения или обновления. В Израиле и США также предусмотрены ограничения в пользовании платежными карточками.

Помимо этого в США правонарушителям с неуплаченными штрафами отказывают в приобретении собственности в кредит, а также надевают на колеса автомобилей блокираторы, которые можно снять только после оплаты штрафа.

В Китае за день просрочки по выплате штрафа установлена пеня в размере трех процентов от общей суммы штрафа. Во Франции в случае неуплаты штрафа в предусмотренные сроки пеня может увеличить его в несколько раз.

В Польше за отказ в уплате штрафа может быть изъят паспорт правонарушителя вне зависимости от его гражданства.

В Швейцарии за неуплату штрафа грозит тюремное заключение из расчета 1 день 10 франков [18].

Наряду с вышеуказанным, к проблемам реализации принципа «нулевой терпимости» можно отнести слабое применение новых подходов и возможностей, а также ненадлежащая инфраструктура населенных пунктов.

Для решения вышеуказанных проблем государству необходимо:

1) Разработать и принять серьезный долгосрочный стратегический документ в виде программы, Дорожной карты, Концепции или Общенационального плана, в котором:

- дать определения «нулевой терпимости», «мелким правонарушениям» и другим используемым в процессе понятиям;
- определить конкретные государственные органы, которые ответственны за реализацию принципа «нулевой терпимости»;
- отказаться от включения мероприятий, которые уже реализуются в рамках профилактики правонарушений, бытового насилия и т.д.;
- подключить институт семьи к формированию принципа «нулевой терпимости» в обществе;
- вернуться к планомерной и системной работе по повышению правовой культуры граждан, правовому воспитанию и обучению, а также праворазъяснительной работе, связав эту работу с национальными традициями и национальной идеей «Мәңгілік Ел»;
- предусмотреть необходимость применения новых подходов и возможностей;
- пересмотреть школьную учебную программу всех учебных заведений в части формирования правовой культуры и правосознания обучающихся;
- возложить на местные исполнительные органы обязанность по созданию инфраструктуры, способствующей правомерному поведению.

2) Провести значительную работу по повышению имиджа сотрудников органов правопорядка, для чего:

- разработать и утвердить общий для правоохранительной системы Казахстана документ о проведении системной работы, направленной на повышение

имиджа сотрудников правоохранительных органов, а также тесное взаимодействие со СМИ;

- Министерству информации и коммуникаций разработать новый Медиа-плана по формированию в обществе «нулевой терпимости» к правонарушениям и положительного имиджа сотрудников правоохранительных органов с использованием возможностей государственных заказов по проведению государственной информационной политики.

3) Провести работу по реальному вовлечению общества в реализацию принципа «нулевой терпимости» и обеспечение общественного порядка, для чего:

- проработать вопрос обеспечения социальными правами общественных помощников полиции, в т.ч. предоставление дополнительных дней к ежегодному трудовому отпуску по основному месту работы, оплата государством волонтерской деятельности, предоставление униформы, наделение полномочиями, правами и обязанностями;
- внести изменения в пункт 17 «Национального плана по развитию взаимодействия неправительственных организаций и государства в Республике Казахстан на 2016—2020 годы», а именно расширить его действие на всю территорию Казахстана;
- ввести судебную практику внесения частных постановлений поощрительного характера во всех случаях оказания лицом помощи правосудию путем своевременного сообщения о достоверно известных ему готовящихся или совершенных уголовных правонарушениях, что предусмотрено пунктом 2 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 14 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за прикосновенность к преступлению и пособничество в уголовном правонарушении» с последующим распространением такой практики на другие виды правонарушений.

Реализация указанных мер безусловно способствовала бы реализации принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям.

Литература:

1. www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstanana-14-dekabrya-2012-g_1357813742;
2. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // www.adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_;
3. Концепция по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 17 января 2014 года № 732 // www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732;
4. www.en.oxforddictionaries.com/definition/zero_tolerance;
5. «Словарь терминов межкультурной коммуникации» // Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзюфвич Н. Г. // Издательство «ФЛИНТА», Москва, 2013, 631с.;
6. Терминологический словарь // www.strategy2050.kz/ru/news/11701;

7. Аналитический доклад ОФ «ЦПСИ «Стратегия» «Формирование новой общественной культуры, основанной на принципе «Нулевой терпимости» к беспорядку» // 75с.;
8. «Реформа полиции. Опыт Нью-Йорка» // www.stavropolgid.ru/novosti/politika/4248-reforma-politsii-opyt-nju-jorka;
9. «Why Sweden has the world's safest road» // Zainab Mudallal // www.qz.com/319940/why-sweden-has-the-worlds-safest-roads;
10. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы // www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986;
11. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы // www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648;
12. www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvary-a-2017-g
13. План нации — 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ // www.adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100;
14. Из материалов заседания Координационного совета Республики Казахстан по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью от 3 июня 2015 года;
15. Аналитический доклад ОФ «ЦПСИ «Стратегия» «Формирование новой общественной культуры, основанной на принципе «Нулевой терпимости» к беспорядку» // 75с.;
16. Государственная программа дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы // www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000720;
17. www.gand.org;
18. Из материалов прокуратуры города Астана в рамках Проекта «Оптимизация процедуры взыскания штрафов в городе Астане».

Законный режим имущества супругов

Байдужая Екатерина Васильевна, магистрант

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

Семейное законодательство предусматривает возможность регулирования имущественных отношений супругов путём как императивных, так и диспозитивных норм, путем установления как законного, так и договорного режима имущества супругов.

Законодательное определение «законного режима имущества супругов» закреплено в ст. 33 СК РФ, где указано, что законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. При этом данный режим, в силу ч. 2 п. 1 ст. 33 СК РФ действует постольку, поскольку брачным договором не установлено иное.

Нормы п. 1 ст. 34 СК РФ и ч. 1 ст. 256 ГК РФ указывают, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Пункт 2 статьи 34 СК РФ также закрепляет конкретный перечень имущества, относящийся к совместной собственности супругов (общему имуществу супругов), в число которого входит:

- доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности;
- полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального це-

левого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие);

- приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации,
- любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Действующий Семейный кодекс РФ закрепляет совместную собственность супругов на имущество, приобретённое в период брака, во взаимосвязи с личной собственностью каждого из них на так называемое «добрачное имущество», на вещи индивидуального пользования (за исключением предметов роскоши), а также на имущество, полученное супругом во время брака в дар, в порядке наследования.

Одни правоведы полагают, что например, законный режим супружеского имущества на доходы, возникает с момента их начисления другие утверждают, что с момента представления данных выплат в семью [5], третьи же настаивают на том, что право совместной собственности воз-

никает на доходы возникает с момента их начисления [4], другие утверждают, что с момента представления данных выплат в семью, третьи же настаивают на том, что право совместной собственности возникает на доходы, только с момента их фактического получения.

К тому же очевидно, что в реальной жизни, невозможно осуществить решение каждого семейного вопроса по поводу распоряжения совместным имуществом путём заключения брачного договора, либо соглашения о разделе имущества. Представляется, что заключение каждый раз договора по не урегулированному супругами вопросу, в итоге может привести к нарушению все возможных принципов взаимоуважения, взаимопонимания и возможно уже какие-то сложившихся в семье традиций. А если следовать требованиям закона в данной части, то супругам надо только и заниматься заключением соглашений и удостоверением их нотариусами, что требует не только временных, но и финансовых затрат.

Из сказанного можно сделать вывод, что законодателю необходимо более полно сформулировать положения, о порядке признания имущества каждого из супругов совместной собственностью.

Владение, пользование и распоряжение супругами общим имуществом, регулируются ст. 35 СК РФ, и которая гласит, что указанные правомочия осуществляются по обоюдному согласию супругов. Таким образом, при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Расторжение брака само по себе не изменяет законного режима имущества супругов. Если супруги, расторгая брак, не произвели раздел имущества, то в отношении данного имущества сохраняется режим совместной общего имущества и для его отчуждения требуется соблюдение ст. 35 СК РФ на общих основаниях.

Пункт 3 ст. 35 СК РФ (в ред. Федерального закона от 29.12.2015 № 391-ФЗ) указывает, что для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

С.Ю. Чашкова, относит нотариальное удостоверенное согласие супруга, к «специфичному способу защиты прав супругов как участников общей совместной собственности способ», указывая, что имя является «контроль за совершением сделки с общим имуществом со стороны супруга, не участвующего в ней» [7].

Однако в повседневной действительности всё также продолжают иметь место случаи, заключения одним

из супругов сделки без согласия другого супруга. В то же время закон, защищая права второго супруга, указывает, что не каждую сделку, возможно заключить без согласия второго супруга, поэтому при заключении такой сделки согласие второго супруга должно быть выражено не только в письменной форме и также оно должно быть нотариально удостоверено, в противном случае эта сделка может быть оспорена через судебные органы.

Данная норма, несомненно, направлена на защиту прав как самого супруга, а также на права иных участников сделки по распоряжению недвижимостью. Однако, на наш взгляд, п. 3 ст. 35 СК РФ даже в его достаточно обновленной редакции нельзя признать совершенным, поскольку, ни семейное, ни гражданское законодательство, ни Основы законодательства о нотариате, не содержит указания на то, что же именно должно содержаться в таком согласии, помимо самого согласия, а также возможно распространить данное согласие на неограниченный круг сделок, подлежащих совершению одним из супругов в течение определённого периода времени. Очевидно, будет более правильным отразить в п.3 ст. 35 СК РФ положения о предоставлении такого супружеского согласия по каждой совершаемой другим супругой сделки.

Кроме того, как нам представляется более правильным, в ч.3 ст. 35 СК РФ необходимо оговорить получение согласия супруга, удостоверенное в нотариальном порядке, именно в отношении сделок, направленных на отчуждение совместного имущества, в том числе по критерию его стоимости, а также на получение выраженного супружеского согласия в отношении сделок, совершаемых одним из супругов, связанных с кредитными (долговыми) обязательствами.

Резюмируя итог по исследованию вопроса о законном режиме имущества супругов в их отдельных аспектах, представляется возможным сформулировать собственное определение законного режима имущества супругов, под которым предлагается понимать — нормативно определённая совокупность функционирующих в единстве и взаимосвязи правовых средств, определяющих общность имущественных прав и обязанностей для определённого круга субъектов, обладающих специфическим семейно-правовым статусом, и устанавливающие единство порядка приобретения, осуществления и распоряжения имущественными правами и обязанностями.

И несмотря на то, что режим совместной собственности хоть и был сформирован в годы советской власти, однако в настоящее время он вообрал в себя множество положительных черт, создав устойчивые имущественные правоотношения, при нормальном развитии которых и четком законодательном урегулировании, в России будет выстроена, в том числе, и упорядоченная система супружеских имущественных отношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. — М., 1993.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994.
  3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2: Федеральный закон от 26 января 1996.
  4. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И. М. Кузнецова. М., 1996. С. 98; Ромовская З. В. Защита в советском семейном праве. Львов, 1985. С. 169.
  5. Советское семейное право / Под ред. В. А. Рясенцева. М., 1982. С. 103–104; Немков А. И. Имущественные правоотношения в семье. Пермь, 1966. С. 53.
  6. Никитина В. П. Имущество супругов. Саратов, 1975. С. 22. Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье. М., 1997. С. 14.
- Чашкова С. Ю. Способы защиты имущественных прав супругов: толкование положений семейного законодательства Конституционным Судом Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 26.

Проблемы судебного контроля по уголовным делам

Верзунова Валентина Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Институт судебного контроля в Российском уголовном процессе занимает важную роль по уголовным делам, т. к. обеспечивает гарантии по соблюдению прав и интересов личности. Деятельность института направлена на обеспечение беспристрастности и обоснованности по уголовному производству при выполнении судебного конституционного контроля.

Судебный контроль — самостоятельный вид судебной деятельности, особая судебная функция, имеющая по отношению к правосудию второстепенный, сервисный характер.

Цель судебного контроля заключается в разрешении уголовного дела по существу, не умиротворение социального конфликта, возникновение которого обусловлено преступным поведением конкретных лиц, обеспечение возможности законного разрешения такого конфликта [1].

Гарантией законности уголовно-процессуальной деятельности является судебный контроль. По причине недостаточной четкости в законодательных предписаниях по судебному контролю за следственными действиями и оценочным характером их оснований производства в уголовном процессе Российской Федерации позволил определить ряд проблем.

Судебный контроль и надзор являются важнейшей гарантией в соблюдении прав и интересов личности. Анализ функций судебного контроля характеризуется отсутствием полной картины событий преступления при наличии оснований для доказательств.

Система судебного контроля по уголовным делам сопровождается статьей 123 УПК РФ по судебному обжалованию и его форме, статьей 125 УПК РФ по судебной проверке законности или обоснованности действий и решений, статьями 448–450 УПК РФ по судебному иммунитету. Система судебного контроля регламентирована главой 34 УПК РФ о предварительном слушании, главами 18, 46, 47 УПК РФ об исполнении приговоров процессуальных решений [2].

Анализ практики правовых позиций в ХМАО показал, что реализацию полномочий судебного контроля осуществляют Конституционный суд, суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Главными проблемами являются проблемы, связанные с: судебно-контрольной деятельностью, отсутствием процессуальной ее формы, обеспечением защиты законных интересов сторон в судебной процедуре, а также отсутствием выбора контрольно-проверочной деятельности по исполнению вида процессуального решения.

Согласно ч.2. и ч.3. статьи 29 УПК РФ, на судебной стадии процесса не применяется судебный контроль над досудебным этапом производства по делу. Суд правомочен проверить обоснованность и законность процессуальных действий и решение органов предварительного расследования, согласно статье 125 УПК РФ, в соблюдении конституционных прав и свобод личности и участников уголовного судопроизводства. В связи с чем необходима оптимизация судебной системы [3].

Отсутствие процессуальной формы судебного-контрольной деятельности в обеспечении охраны прав и интересов участников процесса, отсутствие инициативы со стороны суда, т. к. требование контроля иницируется сторонами. Связано с тем, что в законе не предусмотрена жесткая процедура судебного контроля.

Судебный контроль является наиболее значимым и необходимым элементом судебной защиты, реализуемой в правовом государстве посредством влияния судебных органов в предварительном расследовании и с учетом роста потребностей общества в правозащитной роли по уголовным делам.

В связи с ростом обращений граждан в усилении судебного контроля по уголовным делам, более востребованы: требования заключения под стражу при избрании меры пресечения (26 %); требования, связанные с продлением срока содержания под стражей (14 %); поступление жалоб

о действиях должностных лиц по осуществлению уголовного производства (37 %); наряду с этим, поступают ходатайства о признании на досудебном производстве судом процессуальных действий и решений незаконными и необоснованными (23 %) [4]. Причем производство следственных действий при избрании мер пресечения, при рассмотрении жалоб на действия и бездействия следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, прокурора, а также при принятии соответствующих не могут ограничить конституционные права граждан. Следует отметить высокий потенциал данной процедуры жалобы, однако требуются законодательные изменения для наиболее эффективного претворения в жизнь положений ст. 125 УПК РФ.

В рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, полномочия прокурора и судей различны.

В основе процессуального статуса суда лежат положения ст. 15 УПК РФ, а потому без проверки обоснованности ходатайств следователя, принятых им процессуальных решений, произведенных действий, суду сложно принять законное и обоснованное решение. Поэтому суд, защищая права заявителя о преступлении, при обращении с жалобой на незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вправе признать решение незаконным. Следовательно, судья при вынесении решения о заключении под стражу, о продлении срока содержания под стражей должен требовать подтверждения обоснованности выдвинутых в отношении конкретного лица подозрений [5].

Прокурор действует в рамках полномочий, при избранной мере пресечения в виде заключения под стражу, напрямую связывает с процессуальным статусом конкретного лица, и с необходимостью наличия у суда достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности его подозрения или обвинения в совершении уголовного деяния определенной тяжести.

Актуальна и не доказана проблема эффективности судебного контроля в осуществлении судом полномочий по санкционированному проведению оперативно-розыскных и следственных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в свободе передвижений; ограничивающих физическую свободу лиц в обеспечении нормального хода уголовного процесса.

Сфера судебного контроля входят такие его формы, как: во-первых, разрешение судом проведения оперативно-розыскных и следственных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (например,

контроль и запись телефонных разговоров, т. д.); во-вторых, рассмотрение жалоб на неправомерные действия (бездействие) органов предварительного следствия, дознания, органов прокуратуры в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ; в-третьих, применение такой меры пресечения, как заключение под стражу, а также помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях (т. е. в данном случае судебный контроль направлен на ограничение физической свободы лица для обеспечения нормального хода уголовного процесса).

Проблема судебного контроля в уголовном процессе многогранна, в определенной степени. Познанию его сущности, содержания, форм осуществления, социальному назначению посвящены многочисленные исследования, выполненные с учетом современного уголовно-процессуального законодательства. Судебный контроль является молодым институтом по уголовным делам, и в практике применения возникают определенные проблемы, требующие незамедлительного решения. Проблемам судебного контроля по уголовным делам посвящено большое число исследований. В настоящее время актуальна правоприменительная практика по организации судебного контроля, т. к. организация и обеспечение эффективной защиты прав личности в уголовном процессе является в российской правоприменительной практике относительно новой, а потому зависит от своевременного и правильного разрешения проблем судебного контроля.

Таким образом, проблемами судебного контроля по уголовным делам выступают судебно-контрольная деятельность по определению законности процедуры задержания в ст. 146 УПК РФ; порядка получения согласия жильцов на осмотр жилища при следственном действии в обнаружении доказательств (осмотра) в ст. 177 УПК РФ; при законодательном совершении правил рассмотрения судом жалоб на действия прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя процессуального принуждения в заключении под стражу в ст. 125 УПК РФ. Судебный контроль является многофункциональной уголовно-процессуальной деятельностью суда в досудебном производстве, осуществляемой в формах реализации защиты прав граждан и участников по уголовным делам, определяемых законом процессуальных форм в реализации комплексного института судебной защиты прав граждан и судопроизводства.

Литература:

1. Ласточкина Р.Н. Судебный контроль в уголовном процессе / Р.Н. Ласточкина. — Ярославль: ЯрГУ, 2010. — 36 с.
2. Ласточкина Р.Н. Судебный контроль в уголовном процессе. — Ярославль, 2010. — 38 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 1. — ст. 159.
4. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан на действия должностных лиц и коллегиальных органов. — 2015–2017.

5. Кириллова Н. П. Теоретические и практические проблемы судебного контроля в российском законодательстве // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. — 274 с.

Судебный контроль за жалобами, поданными в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ

Верзунова Валентина Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Деятельность суда по пресечению и признанию правонарушителями определенных нарушений, допущенных ими в своей деятельности по раскрытию преступлений, выступает отдельной формой судебного контроля за органами предварительного расследования и дознания.

Заключение суда значительно зависит от полноты проведения предварительного следствия, несмотря на то, что решения, принятые в порядке ст. 125 УПК РФ, не имеют для суда определяющего значения, а контрольные действия крайне важны.

При отложенном судебном контроле возможность суда в исследовании спорных вопросов намного больше, т. к. речь идет о доказанности, а при экстраординарном судебном контроле судебно-контрольные производства, которые были возбуждены в стадии предварительного расследования должны обязательно завершиться до передачи уголовного дела в суд.

Не возникает сложностей при судебном контрольном производстве при разрешении вопроса, если из материалов дела видно, что лицо не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности, истек срок давности, дело частного обвинения возбуждено, как публичного (без заявления потерпевшего) и т. д.

Сложности возникают тогда, когда суд не вправе переступить тонкую грань, отделяющую общий анализ изложенной в постановлении обвиняемого в преступлении и проверка только достаточности данных, указывают на признаки преступления, от оценки ее сущности, не затрагивая вопросов, которые подлежат разрешению в ходе предварительного следствия и судебного процесса, т. к. судья по закону ограничен в даче правовых оценок действиям подозреваемых лиц, и также собранным материалам по поводу их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, которые подлежат доказыванию.

Государство дает возможность каждому гражданину защищать и отстаивать свои права при спорах с любыми органами и должностными лицами, в том числе органами, осуществляющими предварительное расследование, а это значит, что суд вправе принять собственное решение по данному вопросу, а не ограничиться формальной проверкой.

По признакам некоторых составов преступления возбуждение уголовных дел возможно лишь в отношении конкретного лица.

Определение КС РФ от 17.07.2014 г. № 1764-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о нарушении конституционных прав статьями 90, 125 и 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», при этом суд не имел оснований для исследования материалов, подтверждающих или опровергающих факт совершения преступления лицом, по которому принято постановление о возбуждении уголовного дела, значит обвинения являются предположением [1].

Именно наличие или отсутствие указанных обстоятельств и является причиной, рождающей спор между стороной обвинения и защиты.

По этим же правилам рассматривается и жалоба, в которой не оспаривается законность и обоснованность самого возбуждения уголовного дела, есть обжалование в отношении конкретного лица.

Определение сопряженности проверки законности обжалуемых постановлений с рассмотрением вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, осуществляется судом исходя из фактических обстоятельств дела.

Часть 3 ст. 125 УПК РФ предусматривает проверку не только законности, но и обоснованности обжалуемого решения.

Согласно ст. 140, 146 УПК РФ для возбуждения уголовного дела наряду с поводом должно иметься и основание, которым в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Именно о достаточности таких данных должен свидетельствовать в своей совокупности тот бывший материал проверки, ставший уголовным делом, в чем должен убедиться суд после исследования в судебном заседании с участием заинтересованных лиц с соблюдением правил непосредственности исследования доказательств, которые счел необходимым представить следователь, не допуская разглашения тайны предварительного расследования [2].

Фактически, именно проверкой наличия повода и основания для возбуждения уголовного дела и очерчен предел доказывания в суде при рассмотрении такой жалобы, кроме, ко-

нечно, проверки формального соблюдения требований УПК РФ по лицу, принявшему постановление, порядку его принятия и обстоятельств, исключающих производство по делу.

Например, для возбуждения по ч. 2 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 286 УК РФ, установление конкретных должностных лиц, занимающих государственные должности и допустивших злоупотребление или превысивших должностные полномочия, является обязательным, т. к. диспозиция этих норм предполагает использование именно служебных полномочий против интересов службы. Возбудить уголовное дело по факту злоупотребления или превышения полномочий в отношении неопределенного круга лиц — незаконно. Конкретные данные подозреваемых должны быть указаны как в описательной, так и в резолютивной части постановления о возбуждении.

Действующим уголовным законодательством преступление понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным Кодексом под угрозой наказания. Здесь нашли отражение основные свойства и признаки преступления — виновность, наказуемость, общественная опасность, противоправность.

Отсутствие основания к возбуждению уголовного дела влечет принятие решения об отказе в его возбуждении — ч. 1 ст. 148 УПК РФ.

При проверке законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении, суд должен установить, было ли оно возбуждено с соблюдением норм ст. 20, 144, 145, 151 УПК РФ и соблюдены ли требования ст. 148 УПК РФ. Судья выносится соответствующее постановление, если будет установлено, что отказ в возбуждении уголовного дела незаконен или необоснован.

Следовательно, решение об отказе в возбуждении уголовного дела будет принят том случае, если будут установлены обстоятельства, указанные в ст. 24 УПК РФ. Чтобы стать основанием к отказу в возбуждении дела, любое из обстоятельств, которые исключают по нему производство, должно быть достоверно установлено.

Проверяя законность и обоснованность таких постановлений, судья также не может давать оценки собранным в следственной проверке доказательствам. В его задачу входит проверка того факта, что все материалы, которые были получены в ходе этой проверки были оценены в обжалуемых постановлениях, и приведенные заявителем факты и доводы были опровергнуты.

В постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в обязательном порядке должны содержаться ответы на аргументы лиц, которые настаивают на возбуждении дела.

В вынесении мотивированного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должны быть приве-

дены доводы, объясняющие, почему данное деяние не может считаться преступлением.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть отменено по причине неполноты и односторонности следственных проверок, также неправильного применения норм материального и процессуального права.

При восстановлении нарушенных прав в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ оперативный судебный контроль является дополнительной гарантией и имеет правообеспечительные функции.

Наибольшее количество жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ связаны с незаконностью постановлений и неправомерности отказа о возбуждении уголовного дела. Объем проверки со стороны суда в каждом конкретном случае индивидуален. При рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела суду необходимо удостовериться, насколько соблюден порядок при вынесении решения, имелись ли основания и поводы к возбуждению, полномочия лица, его принявшего, нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что законом не запрещена подача жалоб на законность и обоснованность постановления об отказе, если органы предварительного расследования после проведения дополнительной проверки после отмены предыдущего постановления об отказе в возбуждении уголовного дела вновь вынесено то же решение.

Вместе с тем нельзя не упомянуть об обстоятельствах, свидетельствующих о наличии предпосылок для возникновения правовой неясности в регламентации судебных полномочий при разрешении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, что требует разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ.

К таким обстоятельствам можно отнести следующие:

- допустим ли ревизионный порядок при осуществлении судебного контроля;
- неясны полномочия суда по сбору, установлению, и проверке информации, которая имеет значение для разрешения жалоб по существу из-за отсутствия четко прописанной процедуры судебного контроля;
- отсутствие в УПК РФ определенных мерок, оснований для принятия судом решения о приостановлении производства обжалуемого действия или исполнения обжалуемого решения, за исключением общих требований о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения.

Вопросам судебного контроля в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии посвящено большое количество исследований, но в настоящее время эта проблема является достаточно сложной и малоизученной проблемой [4].

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. N 1707-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елисеева Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Калиновский К. Б. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10–14.
3. Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.01.2014) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конева С. И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании // Российский судья. 2014. № 4. С. 23–26;

Возможные средства борьбы с проблемой растущей латентности в уголовном процессе

Гетманенко Антон Владимирович, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Имеет место нарастающий разрыв между количеством регистрируемых сообщений о преступлении и количеством возбужденных уголовных дел, имеющих диаметрально противоположную динамику. В статье кратко проводится анализ причин укрывания преступлений; основных мотивов отказа в возбуждении уголовного дела, отсутствие процессуальных прав заявителя; отражен взгляд автора на возможные пути решения существующей проблемы латентности путем реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, статистическая отчетность, латентность, укрываемые преступления, возбуждение уголовного дела

При изучении статистики можно отметить сформировавшийся и постоянно нарастающий огромный разрыв между количеством зарегистрированных сообщений о происшествиях и преступлениях и количеством возбужденных уголовных дел. Если в конце 90-х — начале 2000-х годов процент возбужденных уголовных дел в общей массе разрешенных органами МВД и прокуратуры заявлений о преступлениях, приближался к 50 %, то в последние годы он значительно снизился. В настоящее время имеет место даже различная динамика: стабильный ежегодный 6–8 % прирост сообщений и ежегодное снижение до –14–17 % возбуждений. В 2008 г. только органами внутренних дел было вынесено 5317087 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а в 2012 г. — уже 6412425. В 2007 г. уголовные дела были возбуждены по 37 % заявлений и иных сообщений о преступлениях, а в 2012 г. только по 22 % [12]. В работах Сиверской Л. А. приводятся следующие цифры: по данным ГИАЦ МВД количество сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, поступивших в органы внутренних дел за период с 2009 г. по 2013 г., увеличилось на 24,5 % (с 22788829 до 28387122) [13]; в 2005 г. число заявлений превышало количество зарегистрированных преступлений в 4,5 раза, в 2012 г. уже в 11,5 раза, а в 2013 г. — в 12,9 раза [11].

Сохранявшаяся тенденция привела к тому, что на сегодняшний день процент фильтрации на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела составляет в среднем 92 %. При этом стоит отметить, что заявления о преступлении, согласно оценкам авторского коллектива НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ под руководством Иншакова С. М., поступают лишь в 50 % слу-

чаев. Указанным коллективом дана следующая оценка латентной преступности:

- незаявленная потерпевшими — 50 %;
- невыявленная правоохранительными органами — 40 %;
- укрытая от регистрации — 10 % [15].

Шклярук М. С., анализируя статистику, приходит к выводу о количестве сознательно укрываемых правоохранителями преступлений в количестве 2 млн ежегодно. Означенная проблема вызвана, по мнению ряда ученых, естественным желанием сотрудников правоохранительных органов получать продвижение по карьерной лестнице в сочетании с существующей системой статистической отчетности. Шклярук М. С., в частности отмечает, что причина недоверности статистической отчетности, связанной с латентностью, селекцией и фальсификациями, кроется в том, что система отчетности экспортирована исполнителем: внутренние интересы организации выражаются в наращивании своего бюджета и влияния, а ярче всего стремление к достижению этих целей проявляется в демонстрации: а) успешности своей работы, б) объема своей работы. Объем работы удобно показывать с помощью учета рабочего процесса [7].

В настоящий момент основными оценками деятельности МВД служат: «валовый» показатель, являющийся мериллом эффективности профилактической работы, то есть количество возбужденных уголовных дел — оценивать работу как эффективную позволяет снижение преступности, то есть снижение количества возбужденных уголовных дел к АППГ, и качественный показатель работы — раскрываемость. При этом необходимо сохранять нагрузку:

с одной стороны, снижение регистрации преступлений предполагает, что работы должно стать меньше, с другой — для сохранения штатной численности необходимо поддерживать нагрузку на прежнем уровне, поэтому (в отчетах) подчеркивается достижение прежней нагрузки при снижении преступности. Таким образом, существующая система отчетности создает систему стимулов, в которой при соблюдении нагрузки должен падать уровень преступности, как можно более высокий процент тяжких и особо тяжких преступлений должен доходить до суда, всеми возможными способами избегать т. н. «глухарей» или «висяков», то есть ситуаций, когда уголовное дело есть, а подозреваемых нет.

Лунеев В. В. отмечает, правоохранители стремятся снижать показатели преступности и повышать раскрываемость преступлений, для этого регистрируют «легкие» дела и любыми путями уходят от регистрации «сложных» дел [8]. Происходит предварительная фильтрация приема сообщений, при которой в самом общем виде заявители категоризируются: на тех, заявление от которых надо принять и зарегистрировать, и на тех, кого можно уговорить отказаться от подачи заявления [9]. Следователи категоризируют уголовные дела, выделяя примерно следующие категории:

- «легкие» дела для увеличения формальной нагрузки;
- дела, которые придется возбуждать в любом случае («неизбежные» дела);
- «удобные/выгодные» дела для рейтинга или раскрываемости [16].

Большее или меньшее число выявленных скрытых преступлений может быть связано как с лучшей работой прокуратуры и худшей работой МВД и СК, так и наоборот. Так, за январь 2017 г. прокуратура Волжского района г. Саратова выявила 81 скрытое преступление при общем числе возбужденных уголовных дел 178, что составляет более 45%. Отметим, что эти показатели надо рассматривать в контексте общего роста преступности в Саратовской области, согласно данным портала правовой статистики Генпрокуратуры РФ, составившей за январь-февраль 2017 г. 27,2%. В указанный период Саратовская область вышла на первое место по Российской Федерации по динамике роста преступности, составившей в среднем по стране — 16,75%. Отрыв от среднестатистического показателя составляет при этом 43,95% [17].

Кратко, ограничиваясь рамками статьи, частично приведем здесь результаты эмпирического исследования выборки результатов проверок сообщений о преступлениях 2012–2014 гг. на территории Волжского р-на г. Саратова. На фоне спора хозяйствующих субъектов, от граждан поступили заявления на противоправные действия группы лиц. Автор установил связанные с указанными событиями более 60 заявлений, которые были объединены в 28 материалов проверок сообщений о преступлениях. Из них были возбуждены 2 уголовных дела (по ст. 158 и 166 УК РФ), предварительное следствие по кото-

рым было приостановлено в соответствии с п.1 ч.1 ст. 208 УПК РФ. В остальных случаях в возбуждении уголовных дел было отказано на основании п.2 ч.1 ст. 24 УПК РФ. Около половины постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела отменялись прокуратурой, четверть из них неоднократно. Основные мотивы вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела: отсутствие в материалах проверки документально подтвержденной суммы материального ущерба. При этом в двух случаях неправомерный, по мнению автора, отказ в возбуждении уголовных дел был вызван отсутствием в материалах проверок результатов уже назначенных и проводящихся экспертиз (в одном — товароведческой, во втором — судебно-медицинской).

При обращении к УПК РФ мы видим неясность процессуального положения заявителя, его бесправность и потенциальную незащищенность от произвола должностного лица, проводящего проверку по его заявлению. Нежелание законодателя обозначить его права по представлению сведений, свидетельствующих как о том, что в отношении него было совершено именно преступление (например, документов, свидетельствующих о сумме ущерба), так и личности лиц, совершавших в отношении него либо его имущества противоправные действия, обусловлено временностью процессуального статуса заявителя. Вместе с тем нет процессуальных механизмов для представления его интересов в случае недобросовестности должностных лиц, проводящих проверку по его заявлению. Он не является потерпевшим, поскольку отсутствует возбужденное уголовное дело. Его права по представлению доказательств никак не регламентированы в УПК РФ. Если права потерпевшего (наряду с правами подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, ответчика и их представителей) в ст. 86 УПК РФ и обозначены как право собирать и представлять письменные предметы и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, то правовая регламентация отношений заявителя и должностных лиц, проводящих проверку по его заявлению, практически отсутствует.

Возможности должностных лиц, позволяющие скрыть преступление, в процессе проверки сообщения о преступлении, в настоящее время законодательно практически не ограничены. Ограничивают ли их полномочия прокуратуры и суда? В настоящее время у прокурора отсутствуют прямые полномочия на возбуждение уголовного дела, в соответствии с п.2 ч.2 ст. 37 УПК РФ его возможности по возбуждению уголовного дела ограничиваются вынесением мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Иными словами, прокурор может отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направить обратно в следственный орган (орган дознания) отказные мате-

риалы с постановлением о решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем, на обязательность исполнения данного постановления для решения вопроса о возбуждении уголовного дела для должностных лиц следственного органа (органа дознания), уголовно-процессуальный закон прямого указания не содержит. Аналогично этому, при обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ в суде, «благоприятный» для заявителя исход рассмотрения в виде признания незаконным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, сам по себе не влечет возбуждения уголовного дела.

Ранее были упомянуты проверки, в ходе которых были обращения в экспертные учреждения, а процессуальные решения были приняты до поступления из них ответов. На взгляд автора, принятие решений до получения ответов обусловлено лексической конструкцией ч.3 ст. 144 УПК РФ, а именно той частью, где указано о праве продления срока до 30 суток при назначении экспертизы и проведения прочих действий, предусмотренных указанной частью статьи. При этом во время проведения экспертизы, до поступления из экспертного учреждения заключения, не предпринимаемая действий для необходимого продления срока проверки, должностное лицо выносит решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанное решение прокуратура на основании имеющихся материалов (явно недостаточных для принятия обоснованного решения) «пропускает», признает законным. Права заявителя в данном случае явно нарушены. Безусловно, в указанном случае диспозитивность формулировки приводит к вынесению постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в данном случае необходима иная, императивная норма, с тем, чтобы срок проведения проверки был достаточным для принятия обоснованного решения.

В последние годы в среде процессуалистов дискутируется тема отказа от стадии возбуждения уголовного дела вообще. Так, за упразднение этой стадии выступают Каретниковы [6], Гаврилов Б. Я. [2], Гирько С. И. [3], Вицин С. Е. [1], Деришев Ю. В. [4], против такие авторы, как Тарзиманов В. М., Даровских С. М. [14], Сиверская Л. А., Смирнова Н. А. [10], Коридзе М. Т. [6] и многие другие. Существуют и экономические обоснования сохранения стадии, так Волеводз А. Г. представил расчет, методика которого представляется автору неверной, поскольку при расчете перемножены средняя сумма расследования одного уголовного дела (248781 р. по состоянию на 2012 г. по данным института повышения квалификации Следственного комитета РФ) и количество заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, зарегистрированных МВД и Следственным комитетом РФ в 2012 г. Между тем, разрешение части сообщений при отмене стадии возбуждения уголовного дела, будет лежать вне процессуальной плоскости, кроме того средняя стоимость будет снижена за счет прекращения дел, ограничения по большей части процессуальных действий

и пр. Автор считает необходимым сохранение возбуждения уголовного дела, так как ликвидация данной стадии приведет к ослаблению режима законности в уголовном процессе, поскольку деятельность в стадии возбуждения уголовного дела играет важную социально значимую роль, так как ограждает от незаконного и необоснованного уголовного преследования; вместе с тем растущая латентность обуславливает необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего данную стадию.

Из всего сказанного выше мы видим: В УПК РФ отсутствует регламентация процедуры закрепления доказательственной информации, имеющейся в распоряжении заявителя; налицо незащищенность заявителя от принятия произвольного решения должностным лицом, проводящим проверку по его сообщению о преступлении, что способствует укрытию преступлений в погоне за благоприятной статистической отчетностью.

Исправить создавшееся положение по массовому укрытию преступлений путем внесения изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, частично можно следующим образом:

В первую очередь необходим возврат полномочий прокуратуры по возбуждению уголовного дела. При этом не идет речь о том, чтобы полностью воссоздать в УПК РФ Главу 8 УПК РСФСР. По мнению автора, в свете состязательности сторон, полномочия законодательно должны быть распределены следующим образом: суд на этой стадии при отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обжалованного в порядке ст. 125 УПК РФ, должен направлять материалы в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении, а прокуратура возбуждать уголовное дело. Также необходимо изменение лексической конструкции ч.3 ст. 144 УПК РФ, с целью препятствования вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при недостаточности сведений для принятия процессуального решения.

Кроме того, в связи с означенной проблемой стоит вопрос о необходимости регламентации приобщения доказательственной информацией на стадии возбуждения уголовного дела, надления заявителя соответствующими правами и соответственного возложения обязанности на должностных лиц по разрешению заявленных ходатайств о приобщении доказательственной информации. Как это возможно сделать? Возможно, это решается редакцией ст. 86 УПК РФ, связанной с введением в перечень субъектов, перечисленных в ч.2 ст. 86 УПК РФ, заявителя (а также в ст. 5 УПК РФ), и надлением его правами по собиранию доказательств через представителя-адвоката — это вопрос дискуссионный и является открытым.

Сам же автор в данном случае считает само по себе решение проблемы растущей латентности в основном лежит вне процессуальной плоскости, скорее являясь проблемой кадровой и явно выходящей за рамки данной статьи.

Литература:

1. Вицин С. Е. Машину правосудия должен запускать простой человек // Время новостей. — 2004. — Август.
2. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. — М.: Издательская группа «Юрист». — 2010. — № 15, с.18.
3. Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. — М.: Издательская группа «Юрист». — 2010. — № 15, с.6
4. Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. — М.: Издательская группа «Юрист». — 2003. — № 8, с.34.
5. Каретников А. С., Каретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // <http://отрасли-права.рф/article/493>
6. Коридзе М. Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и пути их решения // Новый юридический журнал. 2013. N 2. С. 157–163.
7. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шклярчук, Д. Скугаревский, А. Дмитриева, И. Скифский, И. Бегтин. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге; М.: Норма, 2015. // http://enforce.spb.ru/images/Staff/Crimestat_report_2015_IRL_KGI_web.pdf
8. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 311–312
9. Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. и др. Правоохранительная деятельность в России... С. 110–115. // http://www.enforce.spb.ru/images/Fond_Kudrina/irl_pravookhrana_part_1_final_31_12_ich.pdf
10. Сиверская Л. А., Смирнова Н. А., К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, № 1 / том 21 / 2015. // <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela>
11. Сиверская, Л. А. О соблюдении конституционных прав граждан в органах предварительного следствия при УВД Костромской области / Л. А. Сиверская // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2006. — № 4. — С. 145–147. — 0,25 п. л.
12. Скобликов А. П. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. N 4 (100). С. 68–75.
13. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры 2013 год: информационно — аналитическая записка / Под общей редакцией ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. О. С. Капинус. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — С. 13.
14. Тарзиманов В. М., Даровских С. М. Целесообразен ли отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. N 1. С. 48–52. // <http://cyberleninka.ru/article/n/tselesoobrazen-li-otkaz-ot-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela>
15. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / Под ред.: Иншаков С. М. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.
16. Шклярчук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. С. 17–20. // http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_Preprint_2014_02_Maria_Shklyaruk_Pravovaya_Statistika.pdf
17. Портал правовой статистики // http://crimestat.ru/regions_chart_total

Правопреемство при реорганизации корпораций

Горбунов Владислав Сергеевич, магистрант

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

В настоящей статье будет рассмотрен вопрос правопреемства при реорганизации корпораций. Так, на сегодняшний день нет единого понимания, во всех ли формах реорганизации происходит универсальное правопреемство. С учетом изменений действующего законодательства, произошедших в сентябре 2014 года, и судебной практики сделан вывод, что реорганизация не во всех своих формах сопровождается универсальным правопреемством.

Ключевые слова: реорганизация, изменение законодательства, корпорация, правопреемство, выделение, преобразование

В рамках проводимой в России модернизации гражданского законодательства Федеральным законом № 99-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) были внесены масштабные изменения, которые затронули в том числе институт реорганизации [1, 2, с. 1]. Также, в гражданском законодательстве впервые было закреплено легальное определение «корпорации», после чего юридические лица были разделены на корпорации (корпоративные юридические лица) и унитарные юридические лица.

Несмотря на все изменения, произошедшие в сентябре 2014 года, главной отличительной чертой реорганизации корпораций является правопреемство. Институт правопреемства не является новым для теории права и поэтому давно сформировалось понятие данного института.

«Правопреемство есть переход субъективного права (в широком смысле — также правовой обязанности) от одного лица (праводателя) к другому (правопреемнику) в порядке производного правоприобретения» [3, с. 1].

Особый интерес представляет вопрос, что же является объектом правопреемства при реорганизации. В соответствии со ст. 58 ГК РФ объектом правопреемства могут быть только права и обязанности, при этом в законе не указано, что входит в категорию прав и обязанностей. По нашему мнению, в эту категорию прежде всего входит имущество реорганизуемого юридического лица, его интеллектуальные права, а также права и обязанности, возникшие из обязательств. Кроме того, к этой категории можно отнести права и обязанности, возникшие из налоговых, административных и трудовых правоотношений.

Касательно характера правопреемства при реорганизации в теории гражданского права существует два мнения: реорганизация во всех формах характеризуется универсальным (полным) правопреемством [4, 5, 6, с. 2].

часть форм реорганизации характеризуется сингулярным (частичным) правопреемством [7, 8, 9, с. 2].

При универсальном правопреемстве к правопреемнику переходит вся совокупность прав и обязанностей реорганизуемой корпорации.

Большинство ученых-юристов раскрывают определение универсального правопреемства через ст. 1110 ГК РФ, где указано следующее: при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к дру-

гим лицам в порядке универсального правопреемства, т. е. в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент. Тем не менее, следует не согласиться с данным определением, так как оно в большей мере направлено на случаи наследования и не совсем характерна для различных форм реорганизации.

В ст. 129 Гражданского кодекса закреплено следующее положение, объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте. Таким образом, законодатель предусматривает, что реорганизация во всех формах возможна только в порядке универсального правопреемства.

В настоящее время большинство ученых-юристов придерживается именно этой позиции. Так, А. В. Небыкова считает, что «при любой форме реорганизации и при проведении выделения в том числе... права и обязанности, передаваемые выделившемуся обществу, переходят в полном объеме как единое целое в порядке универсального правопреемства» [10, с. 2].

При сингулярном же правопреемстве переходят не все, а только отдельные права и обязанности в том виде, в котором они существуют к определенному законом моменту перехода.

Некоторые ученые-юристы ставят под сомнение универсальность правопреемства при реорганизации корпорации во всех ее формах (Д. В. Жданов, А. В. Габов и др.).

Д. В. Жданов отмечает, что выделение характеризуется сингулярным (частным) правопреемством, при котором, в отличие от универсального (общего) правопреемства, правопреемник занимает место правопреемника не во всех, а только в некоторых правоотношениях [7, с. 3].

Сторонники данной позиции основывают свои доводы на следующем:

- вследствие реорганизации в форме выделения продолжает свою деятельность реорганизуемое лицо, соответственно за ним сохраняются права и обязанности, которые он не передал образовавшемуся лицу.
- в самой ст. 58 ГК РФ указано, что к вновь созданному лицу (лицам) переходят только те права и обязанности, которые указаны в передаточном акте, таким об-

разом, не какие иные права и обязанности передаваться не могут;

- ряд обязанностей не может быть предметом правопреемства (ст. 50 Налогового кодекса Российской Федерации).

Судебная практика также на этот счет неоднозначна. Некоторые суды исходят из того, что правопреемство в результате реорганизации носит универсальный характер, в том числе и в форме выделения (Решение Арбитражного суда Пермского края от 19.02.2014 по делу № А50–18073/2013, Постановление Третьего Арбитражного суда от 20.07.2009 по делу № А33–14895/2008).

В других случаях суды занимают иную позицию, например, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа пришел к выводу, что «... к выделившемуся юридическому лицу не могут переходить все права и обязанности реорганизованного юридического лица, поскольку юридическое лицо, из которого выделяется другое юридическое лицо, продолжает существовать, не утрачивая правосубъектности» [11, с. 3].

После внесенных изменения в положения ГК РФ изменилось понимание сущности преобразования. Теперь оно рассматривается только как смена организационно-правовой формы с сохранением правоспособности преобразованной корпорации. В целом, последствия такой реорганизации схожи с теми, что и при переименовании юридического лица.

При такой форме реорганизации не образуется новая корпорация и не прекращается деятельность реорганизуемой корпорации, и что самое главное преобразование не сопровождается правопреемством.

На сегодняшний день правопреемство в форме преобразования отсутствует, так как в п. 5 ст. 58 ГК РФ речь идет не о «переходе прав и обязанностей к вновь возникшему юридическому лицу», а о том, что «права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются» [12, с. 4]. В связи с этим не требуется применять правила ст. 60 ГК РФ, закрепляющие гарантии прав кредиторов.

Аналогичное мнение высказала Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации, «особенностью реорганизации в форме преобразования, в результате чего происходит изменение организационно-правовой формы юридического лица, является отсутствие изменения прав и обязанностей этого реорганизованного лица, когда нет изменений в правах и обязанностях его учредителей (участников)» [13, с. 4].

На сегодняшний день отсутствует однозначное мнение о том, что реорганизация во всех ее формах характеризуется универсальным правопреемством. Однако, на основании вышеизложенного, считаем, что универсальное правопреемство нельзя распространять на все формы реорганизации, поскольку при выделении не могут передаваться все права и обязанности, так как продолжает свою деятельность реорганизуемая корпорация, она передает лишь часть прав и обязанностей созданной корпорации, оставляя за собой определенные права и обязанности, также, с учетом изменений, внесенных в ГК РФ, преобразования не сопровождается правопреемством. Поэтому можно сделать вывод, что реорганизация в форме выделения характеризуется сингулярным (частичным) правопреемством, а при преобразовании как таковое правопреемство отсутствует.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 1994. № 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.05.2014, № 19, ст. 2304.
3. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. — 162 с.
4. Коровайко А. В. Реорганизация хозяйственных обществ: теория, законодательство, практика: учебное пособие. М.: Норма; Норма-Инфра-М, 2001. — 106 с.
5. Дуканов С. С. Прекращение юридических лиц. — М.: Юрид. лит., 2008. — 224 с.
6. Емельянцева В. П. Универсальное правопреемство в гражданском праве / В. П. Емельянцева. — М.: ИД «Юриспруденция», 2010. — 259 с.
7. Жданов Д. В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации. М.: «Статут», 2001. — 207 с.
8. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). — М.: Статут, 2014. — 880 с.
9. Карлин А. А. Реорганизация акционерного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. — 25 с.
10. Небыкова А. В. Присоединение как форма реорганизации акционерных обществ. Правовые вопросы: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2012. — 30 с.
11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.07.2011 по делу № А66–6438/2010 // СПС КонсультантПлюс.
12. Суханов Е. А. О преобразовании юридического лица. Комментарий к Определению судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 19.07.2016 N 310-КГ16–1802 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 4–7.

13. Определение Верховного Суда РФ от 19.07.2016 по делу № 310-КГ16–1802, А14–3915/2015 // СПС КонсультантПлюс

Способы защиты нарушенных имущественных прав государственных органов в области земельных правоотношений

Громова Ирина Владимировна, студент
Тюменский государственный университет

Вещно-правовые способы защиты закреплены в главе 20 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, с целью защиты нарушенных вещных прав законодатель предусматривает за собственником имущества, а также лицами, являющимися титульными владельцами, возможность предъявления виндикационного или негаторного иска. По общему правилу, выбор между указанными исками определяется тем, находится ли та или иная вещь в чужом незаконном владении.

Полномочия по владению имуществом зачастую основаны на каком-либо вещном праве или вытекают из обязательственных отношений, при этом правом на вещно-правовую защиту наделяется как обладатель вещного права, так и лицо, фактически обладающее имуществом в силу существа обязательства. Интересное положение занимает государственный орган, являющийся титульным владельцем земельных участков (интересными представляются именно те ситуации, когда распоряжение недвижимым имуществом осуществляется не на основании регистрационной записи, подтверждающей наличие у государственного органа соответствующего вещного права, а именно в силу закона).

Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» в статье 3.3 закрепил полномочия по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, преимущественно за органами местного самоуправления соответствующего муниципального образования, на территории которого находится земельный участок, при этом законодательно установлено, что отсутствие государственной регистрации права собственности на такие земельные участки не является препятствием для распоряжения ими [1].

Статьей 10.1 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность перераспределения полномочий в области земельных отношений между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации [2], таким образом в ряде субъектов Российской Федерации полномочия по распоряжению земельными участками, расположенными на территории определенных муниципальных образований субъекта, государственная собственность на которые не разграничена, переданы органам государственной

власти субъекта РФ, осуществляющим полномочия в сфере имущественных отношений. Так например, в Тюменской области на основании регионального закона от 26.12.2014 № 125 «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления Тюменской области и органами государственной власти Тюменской области и о внесении изменений в статью 14 Закона Тюменской области «О порядке распоряжения и управления государственными землями Тюменской области» [3], постановления Правительства Тюменской области от 29.09.2006 N 222-п «О департаменте имущественных отношений Тюменской области (далее — Департамент)» [4] полномочиями по распоряжению земельными участками, расположенными на территории Тюменского муниципального района Тюменской области, а также города Тюмени, государственная собственность на которые не разграничена, обладает Департамент. Таким образом, полномочия Департамента по распоряжению земельными участками (в т. ч. владению) закреплены вышеуказанными правовыми актами.

На практике складываются ситуации, когда после передачи земельных участков в аренду, незаконными действиями арендатора нарушаются права арендодателя — государственного органа, стоит отметить, что речь идет о нарушениях, не связанных с исполнением обязательства, а связанных с нарушением вещных прав государственного органа как титульного владельца земельным участком, так например: государственная регистрация права собственности на движимую вещь, расположенную на земельном участке, как на недвижимую, возведение на земельном участке самовольных построек (строений, не соответствующих виду разрешенного использования земельного участка). Представляется, что в случае выявления вышеуказанных нарушений государственный орган, как титульный владелец, вправе обратиться в суд с негаторным требованием о признании права собственности отсутствующим, о сносе самовольной постройки соответственно, однако, позиция трех судебных инстанций Арбитражного суда Тюменской области не была однозначной, указанное право государственного органа изначально поддержано не было.

Так, в решении Арбитражного суда Тюменской области от 23.05.2016 по делу № А70–11696/2015 изложена позиция суда, согласно которой Департамент (истец, об-

ратившийся в суд с требованием о сносе самовольной постройки) после передачи в аренду земельного участка, в отсутствие акта приема-передачи о возврате земельного участка по указанному договору, лишен владения земельным участком, что соответственно исключает его возможность обращения в суд с негативным требованием [5].

Данное решение было поддержано судом апелляционной инстанции, который в Постановлении от 01.09.2016 указал, что установленная материалами дела передача спорного земельного участка по акту приема-передачи, отсутствие доказательств направления в адрес ответчика уведомления с требованием освободить земельный участок и вернуть его по акту приема-передачи, равно как и самого акт приема-передачи спорного земельного участка от ответчика истцу подтверждает, что земельный участок находится во владении ответчика, в связи с чем Департамент лишен возможности обращения в суд с негативным требованием (иском о сносе самовольной постройки) [6].

Однако постановлением суда кассационной инстанции от 07.12.2016 вышеуказанные судебные акты отменены. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа отметил, что передача Департаментом земельного участка, государственная собственность на который не разграничена и полномочиями по распоряжению которым наделен Департамент в силу прямого указания закона, в аренду не лишает Департамент правомочия владения земельным участком, а, следовательно, и обращения в суд с негативным иском («вывод судов первой и апелляционной инстанций о лишении истца владения земельным участком противоречит наличию у Департамента полномочий на распоряжение земельным участком в силу закона и фактическому нахождению его у ответчика на основании договора аренды») [7].

Такой вывод суда представляется безусловно верным, так как ограничение государственного органа в возможности применения способа защиты не связанного с лишением владения лишило бы его в ряде случаев вообще правовой защиты.

Стоит также отметить, что собственник имущества не лишен права на его защиту от нарушений, не связанных с лишением владения, даже после передачи имущества арендатору, в связи с чем ограничение в таком праве государственного органа, фактически осуществляющего полномочия собственника государственного имущества, поставило бы его в неравное положение.

Существуют ситуации, когда имущество невозможно виндигировать, так, например, в случае государственной регистрации права собственности на движимое имущество как на недвижимое в период действия договора аренды земельного участка, арендодателем которого является государственный орган, в силу наличия у него законного титула, нарушает права последнего (у арендатора формально возникает исключительное право на приобретение земельного участка в силу статьи 39.20 ЗК РФ) при этом возможность виндикации исключена, так как земельный участок пере-

дан в аренду в установленном законом порядке, обращение в суд с иском о признании зарегистрированного права собственности отсутствующим является негативным требованием, возможным предъявлению только владеющим собственником, и в данной ситуации единственным способом защиты.

Однако и в данной ситуации судебная практика складывается неоднозначно. Так, в пункте 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что в случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими [8]. Между тем на практике возникают ситуации, когда на земельном участке, переданном публичным собственником в аренду третьему лицу, возведен объект, не отвечающий признакам недвижимого имущества, право собственности на который зарегистрировано за арендатором как на недвижимое имущество. Такая ситуация нарушает права публичного собственника (о чем упоминалось ранее), что вызывает необходимость обращения в суд с иском о признании зарегистрированного права отсутствующим. Однако зачастую суды общей юрисдикции отказывают в удовлетворении указанных требований, указывая на возможность обращения в суд с требованием о признании права отсутствующим только тем лицом, в чьем владении находится спорное имущество. Поскольку избираемый способ защиты должен приводить к восстановлению права собственника, иск о признании права собственности отсутствующим не может быть заявлен невладельцем собственником, так как удовлетворение такого иска не приведет к восстановлению владения. В данной ситуации надлежащим способом защиты является предъявление виндикационного иска. Таким образом, суд обращает внимание на владение объектом, зарегистрированное право собственности на который истец просит признать отсутствующим. Согласиться с такой позицией суда не представляется возможным, тогда как в данной ситуации нарушаются права истца (публичного собственника) именно в области распоряжения земельным участком на котором расположен объект, истец не имеет правоприязаний в отношении объекта, его права нарушены именно наличием записи о государственной регистрации права, то есть в данной ситуации иск о признании права отсутствующим имеет своей целью не соединение фактического и правового владения, а устранение нарушений в области распоряжения

земельным участком, владения которым не лишен истец. Указанная позиция находит свое подтверждение в определении Верховного Суда РФ от 14.08.2015 N 303-эс15-5520 по делу N А51-12453/2014. Так Судебная коллегия ВС РФ отметила на неправомерность выводов нижестоящих судов о том, что государственная регистрация права собственности общества на спорный объект, не относящийся к недвижимому имуществу, не нарушает прав и законных интересов управления (публичного собственника).

Наличие в ЕГРП записи о праве собственности общества (арендатора земельного участка) на недвижимое имущество накладывает на публичного собственника соответствующего земельного участка, на котором оно находится, определенные ограничения, обусловленные распространением на этот объект правового режима, установленного действующим законодательством для недвижимого имущества, в том числе по предоставлению под таким объектом земельного участка в пользование или в собственность.

Кроме того, поскольку спорный объект, права на который в ЕГРП зарегистрированы как на недвижимость, не обладает соответствующими признаками недвижимой

вещи, сам факт государственной регистрации права собственности ответчика на такое имущество нарушает права собственника земельного участка, поскольку значительно ограничивает возможность реализации последним имеющихся у него правомочий.

Нарушенное право может быть восстановлено путем исключения из реестра записи о праве собственности ответчика на объект.

Таким образом, поскольку спорный объект является замошением, то есть частью земельного участка, имеющего своего собственника, без согласия которого оно было размещено и права которого нарушаются оспариваемой государственной регистрацией, в подобной ситуации заявленное по делу требование следует считать разновидностью негаторного иска [9].

Следовательно, позиция высшей судебной инстанции сводится к тому, что в данной ситуации возможность обращения в суд с негаторным иском зависит от владения именно земельным участком, а не объектом, зарегистрированное право собственности на который истец просит признать отсутствующим.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Тюменской области от 26.12.2014 N 125 «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления Тюменской области и органами государственной власти Тюменской области и о внесении изменений в статью 14 Закона Тюменской области «О порядке распоряжения и управления государственными землями Тюменской области» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Тюменской области от 29 сентября 2006 г. N 222-п «О Департаменте имущественных отношений Тюменской области» // Система ГАРАНТ.
5. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 23.05.2016 по делу № А70-11696/2015 // Интернет-портал Арбитражных судов РФ.
6. Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 01.09.2016 по делу № А70-11696/2015 // Интернет-портал Арбитражных судов РФ.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.12.2016 по делу № А70-11696/2015 // Интернет-портал Арбитражных судов РФ.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2015 N 303-эс15-5520 по делу N А51-12453/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

История развития института залога

Долгополова Наталья Олеговна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Актуальность темы диссертационного исследования связана с необходимостью проанализировать пути совершенствования законодательства Российской Федерации в данной области за счет комплексного изучения системы ипотеки и ипотечного кредитования.

Ключевые слова: история залога, ипотека, залог недвижимости

Понятие залога зародилось еще во втором тысячелетии до нашей эры в Древнем Египте. Появившиеся банки давали ссуды. Если материальное положение было устойчиво, то гражданин получал ссуду под 20–30 процентов годовых. Если положение было сомнительным, то банк брал под свой контроль недвижимость заемщика [1].

В Древней Греции понятие о залоге появилось в начале VI века до нашей эры в Афинах. На границе определенной земельной территории, которая принадлежала должнику, если оформлялось обязательство, ставился столб, который имел название «ипотека». На этом столбе отмечались долги собственника земли. Позднее вместо столбов применяли особые книги, которые назывались «ипотечными». «До этого времени в Афинах обязательства обеспечивались личностью должника, которому в случае неисправности грозило рабство» [2].

Наиболее высокой степени развития институт залога достиг в Древнем Риме. Римляне не просто позаимствовали греческий опыт, но и развили его. Единого термина для обозначения залога в римском праве не существовало. Залог имущества может быть совершен путем соглашения, когда кто-либо договаривается, чтобы его вещь была связана залогом в обеспечение какого-либо обязательства. Было выработано несколько форм вещных обеспечений, которые стали фундаментом для последующего развития института залога.

Первым договором о залоге служил пехит. Сущность пехит исходила из того, что должник передавал себя, семью и все свое имущество кредитору посредством символической продажи. Кредитор, в свою очередь, если в срок, назначенный для уплаты, долг не был представлен, мог обратиться взыскание против личности самого должника по истечении тридцати дней. Ф. М. Дыдынский в своем издании писал «имущество юридически считалось за должником, который обременял его залогом. Институт этот был отменен вследствие бесчеловечного обращения с личностью должника» [3, с. 8, 9].

Первой же легальной формой залога в древнем Риме являлась фидуция.

Фидуция имела основу формализованного договора древнего права, служащего для обеспечения интересов кредитора. М. Бартошек предлагает определять правовую конструкцию фидуции как «перенос квинтского права собственности на вещь в форме манципации *manipatio in rem* или *injurecessio* на доверенное лицо, которое в то же время обязывается возвратить вещь после того, как будет

достигнута цель, преследуемая сторонами; если доверенное лицо этого не сделает, доверитель может приобрести вещь по давности, провладев ею в течение года» [4, с. 133]. Изначально интересы кредитора преобладают над интересами должника. Чуть позже было введено официальное положение к документу о залоге. Это положение отменяло выгодную альтернативу кредитора, но все же оставались правовые моменты, которыми мог воспользоваться кредитор и которые были невыгодны заемщику.

Другая форма вещного обеспечения называлась пигнус. «Пигнус (*pinus*) — одна из форм залога, означающая ручной заклад. В отличие от фидуции заложенная вещь не становилась собственностью кредитора-залогополучателя, а передавалась в держание до уплаты долга» [5]. Эта форма залога, по мнению И. С. Розенталь, «больше соответствует интересам развивающегося в Риме оборота и в меньшей степени закабалает должника, чем фидуция» [6, с. 159]. Эта стадия развития института ипотеки носила достаточно прогрессивный характер, защищая заемщика от своевольных действий кредитора. Возникновению следующего вида договора залога способствовало развитие торгового оборота и потребность в иных, более удобных средствах обеспечения исполнения обязательств. Так появился четвертый вид договора залога *hypotheca*.

В дальнейшем развитию института залогового кредита, сложившегося в Риме, послужило влияние восточного права (Греция, Египет). Такой вид залога назывался ипотекой. Ипотека — в переводе с древнегреческого — «основание», «залог» [7, с. 230]. То есть ни вещь, ни владение не переходит кредитору [8, с. 339]. Залогодатель имел право владеть, пользоваться, а также и отчуждать заложенное имущество. Важно, что отчуждение не прекращало ипотеки. Залогодержатель имел право защищать свое имущество с помощью вещного иска, также он мог истребовать отчужденное имущество у любого лица, каким бы способом оно его не приобрело. Вследствие чего возник институт ипотеки. Который был договором о залоге и гарантии, что взятые заемщиком обязательства будут выполнены, а при неисполнении возникало право кредитора истребовать закладываемую вещь с последующей ее продажей с торгов.

Ф. А. Брокгауз пояснил в энциклопедическом словаре «понятие об ипотеке у римлян было искусственно расширено тем, что возможно было установить ипотеку на всем имуществе должника; это лишало кредиторов прочного обеспечения, так как для надежности последнего необхо-

димо, чтобы оно простиралось на известное, определенное имущество. Кроме того, по римскому праву некоторые требования считались привилегированными, безусловно: некоторым лицам, по особым отношениям их к должнику или по особому свойству требования, римский закон, независимо от договора присваивал ипотечное право; это была так называемая законная, тайная, или безгласная, ипотека. Кредитор при установлении договорной ипотеки на имущество должника не мог быть уверен, что этим самым имуществом не обеспечивается какое-нибудь другое безгласное требование, которое может конкурировать с его ипотечным правом и даже получить перед ним преимущество» [9]. Из чего можно сделать вывод, что римское ипотечное право не предоставляло кредитору вполне верного обеспечения.

Основным источником ипотеки являлось соглашение. Иво Пухан в своем учебнике перечисляет и другие источники — это обычай, закон, завещание и судебное решение. Далее он поясняет, что предметом ипотеки могли быть только материальные вещи. Существовали общие, специальные, особые или генеральные ипотеки, то есть предметом ипотеки являлась часть имущества или все имущество полностью. Значение римского залога для обеспечения исполнения обязательств было снижено, связи с установлением нескольких привилегированных ипотек. Они имели название генеральные, и способствовали обременению в силу закона на все имущество должника.

В XII веке в большинстве государств Западной Европы происходит принятие римского права. В дальнейшем римское право претерпело некоторые изменения, но основа осталась та же.

Развитие института залога в России произошло позднее, чем в других странах. Основные понятия римского залогового права оказали большое влияние и на формирование российского залогового права. Ипотечное кредитование зарождалось вместе с возникновением частной собственности на землю в XIII—XIV веках. А также первый вид кредитования, но тогда он назывался «заклад». Как пишет В. Черняк в книге А. Воскресенского «Ипотека от первых лиц», залог недвижимого имущества получил широкое распространение в XV веке. К этому времени относятся упоминания о возможности вторичного залога имения в другие руки.

Довольно подробное представление об имущественном залоге дает Соборное уложение 1649 г. В соответствии с уложением залоговое право представляет собой отношение дополнительное, обусловленное существованием основного обязательственного отношения. Тем не менее «залог заключался отдельно, а большей частью сливался с обеспечиваемым им договором, он, несмотря на свое второстепенное, принадлежностное значение, выступает на первый план» [10, с. 63]. В учебнике Г. Ф. Шершеневич говорится о том, что, когда имущество находится в общей собственности, тогда для его залога требуется согласие всех участников общей собственности. Немалый интерес представляет также и положение о форме договора залога, под которой понимались письма свидетелей, а также такое

действие, как облачение в крепостную форму [11, с. 242]. Можно говорить о том, что такое законодательное регулирование формы залога стало важным шагом на пути развития залоговых отношений. В статьях Уложения царя Алексея Михайловича отмечается, что залог приходится связанным с окончательным присвоением вещи в случае просрочки. В Уложении не упоминается об обязанности для кредитора продавать заложенный объект и удовлетворяться из его стоимости в размере долга [12, с. 213]. Как считает Ф. М. Дыдынский, «различие первоначальной стадии развития института залога в римском праве и российском праве состоит в том, что по римскому праву право собственности залогового кредитора на предмет залога не было обусловлено неисполнением обязательства должника по возврату долга» [13, с. 4].

1 августа 1737 г. был издан Указ, введивший новую систему залогового права в России. Залогодержателю теперь переходила в обеспечение обязательства не сама вещь, а лишь право на заложенную вещь, в силу которого он мог требовать удовлетворения из суммы за продажу залога. То есть обязательность продажи заложенного объекта, устраняется лишь в тех случаях, когда на торгах не будет предложена сумма, соответствующая долгу; кредитор тогда может оставить вещь за собой. Первые государственные кредитные учреждения были организованы в 1754 г. По сроку кредит выдавался только на один год. Уже после 1786 года появились банки, выдававшие кредиты на двадцать лет.

В 1800 году был издан Банкротский устав. Для недвижимости утвердилась обязательная продажа с публичных торгов. Что касается движимого имущества, законодатель сохранил правило, по которому заложенная вещь может остаться за кредитором, если только должник не потребует продажи [14, с. 32].

Начиная с 1849 г. начали высказываться предложения о проведении в России ипотечной реформы. Реформа предполагала принципиальным образом изменить систему залогового права на недвижимость. Новшества коснулись бы поземельного кредита. То есть предоставление кредита под обеспечение его недвижимостью.

Из истории можно подчеркнуть, что к началу XX века в России существовал достаточно урегулированный рынок ипотечных кредитов. При организации ипотечных кредитов могут возникать и существовать правовые формы, производные от залога недвижимости, но теряющие аксессуарный характер по отношению к обеспечиваемому кредиту, для этого была разработана такая идея. При этом способе кредитования должнику нужно передать в залог банку, в обеспечение исполнения своих обязательств по кредитному договору недвижимость, а банк в счет кредитного договора должен выдать заемщику не деньги, а закладные листы с купонным доходом. Революция 1917 года изменила государственный строй России. Была отменена частная собственность на землю и крупного частного домовладения в городах. Новая система жилищного финансирования реализовывала идею о централизованном распределении бюд-

жетных средств для строительства государственного жилья. Средства должны получить те граждане, которые стояли на очереди по улучшению жилищных условий. Принципиально новое положение по сравнению с дореволюционным правом представлял собой Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. Кодекс предусматривал три вида прав на вещи: право собственности, право застройки и право залога. Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. окончательно отменил деление имущества на движимое и недвижимое. Основанием для этого послужила национализация земли. В то время законодательством были предусмотрены залог с передачей имущества залогодержателю — близкий современному закладу, залог прав требования, залог права застройки и строений, а также залог товара в обороте и в переработке. Гражданский Кодекс РСФСР 1964 г. закрепил возможность передачи в залог имущества, принадлежащего не только на праве собственности, но и на праве оперативного управления. Правовое регулирование залога товаров в обороте и переработке полностью перешло в область специального законодательства, этот вид залога даже не упоминается в Гражданском Кодексе.

До начала девяностых годов практически отсутствовала ипотека. Юристы-исследователи в своих работах в своих

работах приводили обширнейший материал об институте ипотеки, показывающий эволюцию залога с момента его появления в римском праве до закрепления в развитых европейских правовых системах конца XIX столетия. Вопрос о залоге прав был актуален и в средние века, но его разработка не вышла на какой-либо качественный уровень. Кардинальные изменения на рынке недвижимости произошли после принятия Закона РФ от 04 июля 1991 года № 1541–1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации».

Исследуя историю развития института залога, можно отметить следующее: основные положения о залоге, имевшие место в римском праве, оказали значительное влияние на формирование российского залогового права. Даже при многочисленных изменениях, основные положения нормативных актов регулировавших залог, сохранили свое действие вплоть до недавнего времени. Учитывая положение в нынешнем гражданском законодательстве, возможно, было бы полезно использовать принципы ипотечного кредитования в дореволюционной России. Например, выдача ипотечной ссуды не деньгами, а ценными бумагами обеспечила бы прочность всей системы ипотеки, так как не требовала бы свободных средств.

Литература:

1. Интернет-экономика Древнего Египта [Электронный ресурс]: Режим доступа: [\(http://ru.awmdkb.wikia.com/wiki/экономика_древнего_египта_\(практика\)\)](http://ru.awmdkb.wikia.com/wiki/экономика_древнего_египта_(практика)) (05.05.2017 г.).
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIII (ст. «Ипотека»), XXX (ст. «Солон»). Санкт-Петербург, 1894; 1900.
3. Дыдынский Ф. М. Залог по римскому праву. Варшава, 1872. — С. 8–9.
4. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. Москва, 1989. — С. 133.
5. Сонин В. В. Римское частное право. Перечень основных латинских юридических терминов и понятий. [Электронный ресурс]: сайт цифровых учебно-методических материалов. — Режим доступа: https://abc.vvsu.ru/books/rg_rimskpravo/page0002.asp.
6. Под ред. Новицкого И. Б. и Перетерского И. С. Римское частное право. Юристъ, 2004. — С. 159.
7. Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности. Перевод с немецкого языка — Москва: Прогресс, 1989. — С. 230.
8. Под ред. Новицкого И. Б. и Перетерского И. С. Указ. соч. — С. 339.
9. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIII (ст. «Ипотечная система»), XXX (ст. «Солон»). Санкт-Петербург, 1894; 1900.
10. Мейер Д. И. Древнее русское право залога. Казань: Издательство книгопродавца И. Дубровина, 1855. — С. 63.
11. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Москва: Спарк, 1995. — С. 242.
12. Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. Москва: Статут, 1999. — С. 213.
13. Дыдынский Ф. М. Залог по римскому праву. Варшава: 1872. — С. 4.
14. Никульшина О. Г. Залог (некоторые гражданско-правовые и уголовно процессуальные аспекты) // Нотариус. 2005. — № 4. — С. 32.

Права и обязанности сторон по договору ипотеки (залог недвижимости)

Долгополова Наталья Олеговна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Ключевые слова: ипотека, залогодатель, залогодержатель, обязательство

Сторонами договора об ипотеке выступают залогодержатель, им является кредитор по основному обязательству, обеспеченному ипотекой, и залогодатель — либо сам должник по обязательству, обеспеченному ипотекой, либо лицо, не участвующее в этом обязательстве. В случае, если залогодателем является третье лицо, а не должник, подлежат применению нормы о поручительстве (ст. 361—367 ГК РФ) [1, с. 68]. Как к залогодателю, так и к залогодержателю для заключения договора об ипотеке предъявляются такие же требования, как и для заключения других сделок.

В качестве залогодержателя обычно выступают банки, фонды и т. д. В соответствии с законодательством залогодержателем может быть как юридическое лицо, так и физическое. Залогодержатель — это сторона договора об ипотеке, являющаяся кредитором по основному обязательству, обеспеченному ипотекой, которая имеет право получить удовлетворение своих денежных требований из стоимости заложенного имущества другой стороны — залогодателя преимущественно перед другими кредиторами и залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Первые ассоциации ипотечных банков были созданы еще в 1993 г., учредителями которой выступили 16 фирм, девять из них — ипотечные банки. Залогодатель — это должник по обязательству, обеспеченному ипотекой, или лицо, не участвующее в этом обязательстве (третье лицо), но предоставляющее в залог недвижимое имущество, за счет которого залогодержатель имеет право получить удовлетворение своих денежных требований преимущественно перед другими кредиторами и залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом. В качестве залогодателя в основном участвуют физические лица.

Залогодатель может отдать имущество в залог по договору об ипотеке, только если он собственник этого имущества, либо имеет на него право хозяйственного ведения.

Из чего следует, что предусмотренные законодательством права и обязанности залогодателя служат обеспечительной цели залогового правоотношения. Главной функцией обязанностей залогодателя является сохранение заложенного имущества за весь период действия договора об ипотеке, и обеспечение реального удовлетворения требований залогодержателя, в том числе в результате реализации ипотечного правоотношения происходит стимулирование залогодателя к должному исполнению обязательства, обеспеченного ипотекой. В законодательстве об ипотеке «явно просматривается приоритет интересов слабой стороны гражданского оборота; коей по смыслу законодателя является не должник (как это было в ГК 1964 г.), а кредитор; в нашем случае залогодержатель» [2, с. 9].

Права залогодержателя (банка-кредитора), а именно требование на получение денежной суммы и право залога на имущество, которым подкрепляется финансовая состоятельность заемщика, можно запустить в экономический оборот. Следовательно, банк имеет право на их продажу, он выручает денежные средства, которые снова может использовать на кредитование. У заемщика появляется новый кредитор, который обладает прежними правами залогодержателя. Такие права может удостоверить закладная. Как известно закладной является ценная бумага, которая удостоверяет права залогодержателя по обеспеченному ипотекой денежному обязательству и по договору об ипотеке. Закладная удостоверяет следующие права:

1. право залога на имущество, обремененное ипотекой;
2. право на получение исполнения по денежным обязательствам, обеспеченным ипотекой, без представления других доказательств существования этих обязательств.

В случае, когда залогодателем является третье лицо, сам должник вообще не участвует в качестве стороны в соответствующей ипотечной сделке. Здесь идет речь о лице, которое пожелает не принимать на себя ответственности в качестве поручителя за должника и заложить в обеспечение его долга какую-либо вещь [3, с. 5]. В тоже время залогодатель — третье лицо не имеет права препятствовать удовлетворению требований кредитора за счет стоимости заложенной недвижимости. Область применения ипотечного кредитования существенно расширяют правила из п. 1 ст. 335 ГК РФ, п. 1 ст. 1 ФЗ «Об ипотеке», где заключение договора о залоге можно совершить не с заемщиком, а с третьим лицом. Теперь граждане, не имеющие недвижимости в собственности, получают возможность взять кредит, если иные лица, имеющие в собственности недвижимое имущество, станут залогодателями в обеспечение исполнения обязательств таких лиц. Органом, осуществляющим государственную регистрацию ипотеки, закладная выдается залогодержателю — банку. До прекращения обязательства обеспеченного ипотекой, закладная может быть составлена и выдана залогодержателю, т. е. например, банку — кредитору.

Нужно отметить, что лица, выступающие в качестве субъектов договора ипотеки, должны быть дееспособными. Как известно полная дееспособность наступает по достижении 18 лет, но граждане, вступившие в брак и эмансипированные, приобретают дееспособность раньше — со дня вступления в брак. Несовершеннолетние, не достигшие 18 лет граждане, могут совершать сделки с недвижимостью только с согласия родителей или законных представителей, и органов опеки и попечительства. Дееспособные граждане могут быть залогодержателем любого имущества, находя-

щегося в гражданском обороте. Залогодателем может выступать любое лицо, в том числе несовершеннолетние, поскольку Закон «Об ипотеке» предоставил возможность заключения договора об ипотеке через представителя, что, по мнению Е. В. Косенко, не защищает интересы залогодателя. Автор аргументирует данный вывод тем, что «не исключается ситуация, когда определенные недобросовестные граждане могут использовать норму закона для завладения объектом недвижимости» [4, с. 10]. И с этим нельзя не согласиться.

В соответствии с п. 3 ст. 49 ГК РФ правоспособностью юридического лица возникает в момент его создания и прекращается в момент внесения записи о его исключении из единого государственного реестра юридических лиц. Чтобы выступать субъектом в договоре об ипотеке, юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц.

Определенные юридические лица, например, некоммерческие организации, обладают специальной правоспособностью, на основании чего ипотека их имущества допускается лишь в случае наличия такого правомочия в их учредительных документах.

Что касается предмета ипотеки, то недвижимое имущество, составляющее предмет залога, остается у залогодателя или третьего лица. К залогодателю предъявляется основное требование являться собственником имущества, которое он передает в ипотеку или владеть им на праве хозяйственного ведения. Такое требование считается необходимым.

Ипотека предполагает принципиальный шанс для продажи предмета договора. Установление залога может осуществить только лицо, у которого есть право распоряжения соответствующим имуществом и возможность продажи заложенного имущества. В соответствии со ст. 30 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», залогодатель обязан сохранять и содержать имущество, поддерживать в исправном состоянии, нести расходы на содержание этого имущества до прекращения ипотеки. Также залогодатель обязан производить текущий и капитальный ремонт в срок, установленный федеральным законом, иными правовыми актами РФ, или в предусмотренном ими порядке, а если такой срок не установлен, то в разумный срок.

По договору об ипотеке залогодержатель вправе проверять по документам и фактически наличие, состояние и условия содержания имущества, заложенного по договору об ипотеке, даже если залогодатель передаст заложенное имущество на время во владение третьих лиц.

Осуществляемая залогодержателем проверка не должна создавать неоправданные помехи для использования заложенного имущества залогодателем или другими лицами, во владении которых оно находится.

Порядок страхования имущества, подлежащего ипотеке, согласно п. 1 ст. 31 ФЗ «Об ипотеке» является обязательным условием договора об ипотеке. Известно, что при отсутствии в договоре об ипотеке иных условий о страховании

заложенного имущества залогодатель обязан страховать за свой счет это имущество в полной стоимости от рисков утраты и повреждения. А если полная стоимость имущества превышает размер обеспеченного ипотекой обязательства, то на сумму не ниже суммы этого обязательства (п. 2 ст. 31 ФЗ «Об ипотеке»).

Дальнейший залог может иметь место, если предшествующий залогодержатель не возражает против этого или же совершение таких действий не запрещено законом.

Если предшествующий договор об ипотеке предусматривает условия, на которых может быть заключен последующий договор об ипотеке, последний должен быть заключен с соблюдением этих условий (п. 2 ст. 43 ФЗ «Об ипотеке»). Если предшествующий договор заключен с нарушением этих условий, требования залогодержателя по последующему договору удовлетворяются в той степени, в какой их удовлетворение возможно в соответствии с условиями предшествующего договора об ипотеке.

Ясно, что не каждое лицо даст согласие быть стороной в договоре ипотеки, предметом которого является уже заложенное имущество. Поэтому закон возлагает на залогодателя обязанность сообщать каждому будущему контрагенту обо всех предшествующих залогах. Также залогодатель должен сообщить существо, размер и срок обеспеченных этими ипотеками обязательств (п. 1 ст. 44 ФЗ «Об ипотеке»). В случае неисполнения этих условий залогодержатель имеет право по последующему договору потребовать расторжения договора и возмещения причиненных убытков. Правовое положение по общему правилу первоначального залогодателя не меняется нисколько от того, что после возникновения залогового отношения будет заключен еще один (или более) договор об ипотеке того же самого имущества [5, с. 103].

При заключении договоров об ипотеке залогодержателям будет нужно принять во внимание, что после процедуры заключения последующего договора об ипотеке изменение предшествующего договора, влекущее обеспечение новых требований предшествующего залогодержателя или увеличение объема требований, уже обеспеченных по этому договору, допускается лишь с согласия залогодержателя по последующему договору (п. 3 ст. 44 ФЗ «Об ипотеке»). Ясно, что залогодержатель обладает правом преимущественного удовлетворения своих требований по предшествующему договору об ипотеке. В тоже время Российское законодательство не ограничивает возможность последующего залогодержателя для требования удовлетворения из стоимости заложенного имущества от сроков исполнения обязательств залогодателем, обеспеченных предшествующими ипотеками, при нарушении которых у предшествующих залогодателей возникает право обратиться с иском на предмет ипотеки. Данная ситуация свойственна, когда требование последующего ипотечного залогодержателя возникло ранее.

Согласно ст. 37 Закона имущество, заложенное по договору об ипотеке, может быть отчуждено залогодателем

другому лицу путем продажи, дарения, обмена, внесения его в качестве вклада в имущество хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в имущество производственного кооператива или иным способом лишь с согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено договором об ипотеке. Нужно сказать, что залогодатель вправе завещать заложенное имущество. В результате отчуждения имущества, которое было приобретено по договору об ипотеке, перешедшее другому лицу в порядке универсального правопреемства, в том числе в результате реорганизации юридического лица или в порядке наследования, на место залогодателя становится лицо, получившее это имущество. Теперь оно возлагает на себя обязанности по договору об ипотеке, включая и те, что не были надлежаще выполнены первоначальным залогодателем.

Если же залогодатель решит без согласия залогодержателя продать, поменять, подарить и т. п. имущество, состоящее в залоге, то залогодержатель вправе:

- 1) потребовать признания сделки недействительной;
- 2) потребовать досрочного исполнения обязательства и обратиться с иском на заложенное имущество независимо от того, кому оно принадлежит.

Залогодатель вправе сдавать заложенное имущество в аренду передавать его во временное безвозмездное пользование и предоставлять право ограниченного пользования этим имуществом (сервитут). Аренда действует при условиях, что срок, на который имущество предоставляется в пользование, не превышает срока обеспеченного ипотекой обязательства, а также имущество предоставляется в пользование для целей, соответствующих назначению имущества (п. 1 ст. 40 ФЗ «Об ипотеке»).

Подводя итог, можно выделить основные моменты. Залогодатель вправе владеть и пользоваться предметом ипотеки. Страховать за свой счет предмет ипотеки в полной его стоимости. Распоряжаться как ему нужно полученными от использования предмета ипотеки доходами, продукцией (стороны могут предусмотреть иное в договоре). Передавать по завещанию предмет ипотеки без согласия залогодержателя. Требовать возвратить предмет ипотеки из чужого незаконного владения. Если же произошла гибель или повреждение предмета ипотеки, требовать прекращения прав собственности по основаниям, предусмотренным в законе заменить или восстановить предмет ипотеки. Немедленно уведомлять залогодержателя о возникновении угрозы утраты или повреждения предмета ипотеки [6].

Залогодержатель вправе в особом порядке удовлетворить свои требования из стоимости заложенного имущества. Сделать проверку по документам и фактическому наличию и состоянию предмета ипотеки. Должен не мешать, залогодателю владеть предметом ипотеки и пользоваться. Запрашивать от залогодателя мер необходимых для обеспечения сохранности предмета ипотеки. Не препятствовать залогодателю самостоятельно распоряжаться полученными от предмета ипотеки доходами (если иное не установлено). Требовать от любого лица прекращения посягательств на предмет ипотеки. Не требовать от залогодателя замены предмета ипотеки в случае его гибели или повреждения, или прекращения прав собственности по основаниям, предусмотренным в законе. Получить преимущественное удовлетворение из суммы причитающегося залогодателю страхового возмещения, в случае изъятия (выкупа у последнего предмета ипотеки для государственных или общественных нужд), если не происходит его замена другим имуществом.

Литература:

1. Викторов Р. Н. Правовая конструкция договора ипотеки в российском законодательстве // Диссертация. — Рязань: 2011. — С. 68.
2. Завидов Б., Короткое А., Гусев О. Обращение взыскания на ипотечное имущество и его реализация на торгах и аукционах // Законодательство и экономика. 2000. № 3. С. 9.
3. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. — М. — 1959 г. — С. 5.
4. Косенко Е. В. Залог недвижимости по гражданскому праву РФ: Автореф. дис. канд. юрид. Наук / Е. В. Косенко. — Саратов, 2004. — С. 10.
5. Захарова Н. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). — М.: Юрайт, — 1999. — С. 103.
6. Lexpro. URL: <http://online.lexpro.ru/document/17762> (дата обращения: 23.05.2017).

История уголовной ответственности за легализацию криминальных доходов и становление законодательства

Зайцев Семен Николаевич, магистрант
Московский государственный областной университет

История уголовной ответственности за легализацию имущества, приобретенного преступным путем начинается с древних источников права, в которых изначально шла речь о краже и сбыте украденного имущества, примерами которых могут служить: Псковская судная грамота (ст. 47), Судебник 1497 г. (ст. 46), Соборное уложение 1649 г. и др., но по мере развития данного института совершенствовалась, и правовая система, которая отражала новые и более совершенные способы легализации имущества. В правовом обороте «легализация присутствует с 20-х годов 20 в., при этом считается, что исторически понятие «отмывание» связано с деятельностью босса чикагской мафии Аль Капоне, создавшего фирму автоматических прачечных, через которые «отмывались» деньги, смешиваясь с легальной и нелегальной выручкой [1]. Как было отмечено ранее некоторыми учеными, отмывание денег — это относительно новое в историческом масштабе явление, считается, что данная преступная деятельность зародилась в США в 30-е годы прошлого столетия, в эпоху «сухого закона» и на фоне быстрого разрастания организованной преступности власти столкнулись с большими сложностями в борьбе с ней: закон молчания (омерта), шантаж и убийство свидетелей, системы коррупции и противодействия расследованию. В связи с этим, лидеров организованных преступных групп стали привлекать к уголовной ответственности не за рэкет, который было сложно доказать, а за неуплату налогов на доходы, не соответствующие легальным доходам [2]. Однако это не так, ведь если считать налоговые мошенничества, как предикатные преступления легализации преступных доходов, то можно сказать, что легализация в современном понятии появилась на несколько десятилетий раньше. В 1897 г. Братья Вести создали компанию по транспортировке мяса именуемую «Vestey Group», успешно ухитившись от налогообложения одними из первых пользовались системой офшоров и трастовых фондов [3], сам же термин «отмывание денег» появился публично лишь в 1973 г., связанный с Уотергейтским делом, когда незаконно финансировался фонд президента США Ричарда Никсона. Так с ростом процесса отмывания денежных средств нажитых преступным путем в 80-х годах 20 в., США, а затем и ряд других стран начали вводить более строгие нормы уголовной ответственности за отмывание денежных средств, намереваясь тем самым решить вопрос по борьбе с данным явлением, так в 1984 г. Президентская комиссия США по организованной преступности дало официальное понятие отмыванию денег — «процесс, посредством которого скрывается существование, незаконное происхождение или незакон-

ное использование доходов, и затем эти доходы маскируются таким образом, чтобы казаться имеющими законное происхождение» [4]. Данное определение официально определило данный вид преступления, как отдельную правовую категорию.

Изначально нормы «антилегализационного» права были закреплены на национальном уровне США, ещё за долгое время до появления Венской конвенции ООН от 20.12.1988. В 1920 г. в США вступила в силу 18-я поправка к Конституции США, в которой запрещалось производство, продажа и перевозка, а также ввоз и вывоз различных спиртных напитков (сухой закон). Это способствовало возникновению и распространению тайному производству алкогольных напитков и их контрабандному ввозу. Велся сбыт алкогольной продукции на черном рынке, быстро создавались преступные сообщества, чьи доходы были связаны с контрабандой и незаконной торговлей спиртным. Отсюда следует вывод, что недалёковидность законодателей США, способствовала становлению и развитию организованной преступности, которая старалась легализовать сверхприбыли от занятия запрещенной деятельностью. Так исторически сложилось, что США является государством у которого имеется самый большой практический и законодательный опыт в борьбе с отмыванием денежных средств.

В 1970 г. Конгрессом США были приняты законы, послужившие основой противодействия легализации денежных средств: «О контроле за организованной преступностью», «О всеобщем контроле за распространением наркотиков», «О банковской тайне». Принятие закона о «банковской тайне» было определено потребностью времени, ведь уже в те года власти США сильно беспокоились по поводу использования скрытых банковских счетов своих граждан, которые были вовлечены в незаконную банковскую деятельность, в итоге борьба с отмыванием денег привела к закреплению множества норм как на федеральном уровне, так и на региональном уровне отдельных штатов [5]. Далее в 1986 г. был принят законопроект о контроле за отмыванием денег. Также нужно отметить, что создание норм международного права в данной области был в некоторой степени детерминирован США, так как в 1980 г. под влиянием США Комитет Министров Европейского Союза принял рекомендации N R/80/10 «Меры против перевода и хранения денежных средств преступного происхождения», из которых можно сделать вывод, что в предотвращении отмыванию денежных средств немаловажную роль играет банковская система. Данные рекомендации нельзя считать обязательными к исполнению, однако это был первый правовой документ на уровне европейского сообще-

ства, которой послужил созданию системы противодействия экономическим преступлениям.

Нормы об отмывании денег в странах континентальной Европы формировались под влиянием американской политики с «отмыванием денег», но с учетом романо- германской правовой системы. Здесь можно выделить некоторые особенности европейских правовых норм:

- 1) кодификация уголовного законодательства является более высокой, разграничены пределы рассмотрения правоприменителя на этапе квалификации, грамотно поставлен вопрос о конкуренции, а также сопоставлении норм о легализации и соучастии;
- 2) наибольший уровень обобщения;
- 3) размер наказания за «отмывание» денег является более низким и не превышает 10 лет лишения свободы, распространены штрафы;
- 4) предмет легализации охватывает выгоды, не связанные с получением положительного дохода;
- 5) криминализация отмывания денег явилась не в связи с естественным развитием национального права, а под влиянием активной деятельности FATF, которая ориентируется на американское законодательство, вплоть до англо-американской формализованной системы доказательств evidence [6].

Подходы к противодействию легализации обусловлены национальной спецификой, различными экономическими моделями и правовыми традициями и не могут быть одинаковыми для каждого государства. Так к примеру система противодействия легализации денежных средств в Германии зародилась относительно недавно, но является довольно эффективной. В 1992 г. в УК ФРГ была внесена ст. 261 в новой редакции под названием «Отмывание денег. Соккрытие неправомочно приобретенных имущественных ценностей». После был принят закон от 25.10.1993 «О выявлении доходов от тяжких преступных деяний», который отражал директивы Совета Европы от 1991 г. и уточнял

процессуальные вопросы выявления фактов преступной деятельности. Также в 1990 г. в 17 главу УК Швейцарии была внесена ст. 305-БИС, которая признавала отмывание денежных средств, добытых преступным путем. В 1992 г. была внесена статья 305- ТЕР, содержание которой гласит, что тот, кто исполняет свой профессиональный долг примет ценности, поможет их вложить или перевести от персон, чью личность не установит и которые уполномочили на подобные действия, то подлежит тюремному заключению до 1 года, аресту или же денежному штрафу [7].

Также следует отметить, что большое влияние оказали нормы международного права, в 1988 г. состоялось принятие Венской конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», которая оказала большое влияние на создание конвенции Совета Европы от 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» [8], участником которой РФ является с 1996г, но стоит упомянуть и о некоторых различиях Европейской и Венской конвенций, так Венская конвенция криминализирует лишь отмывание доходов, которые получены от продажи наркотиков, когда Европейская конвенция дает более широкое понятие предикатного преступления, способствующее впоследствии отмыванию денежных средств. По конвенции ООН преступным деяние признается совершенным лишь при наличии умышленной формы вины, когда по Европейской конвенции достаточно формы вины в виде неосторожности, важны такие обстоятельства, как «знание» и «намерение». В 1991 г. Совет Европы принимает директиву «О воспрепятствовании использованию финансовой системы в целях легализации доходов от преступной деятельности» [9], которая обязует к 1993 г. членов Евросоюза издать на уровне национального права издать законы о противодействии легализации денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем в объеме указанного директивой.

Литература:

1. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 180–181.
2. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.
3. Philip Knightley. The Rise and Fall of the House of Vestey. Warner Books, 1993, p. 27.
4. Экономические преступники: преступники в белых воротничках / Подгот. текста и общ. ред. Н. В. Хлобус. Минск, 1996. С. 14.
5. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) / Под ред. И. Д. Козочкина. М., 1998. С. 54, 56.
6. Клепицкий И. А. «Отмывание денег» в современном уголовном праве // Государство и право. 2002. N 8. С. 29.
7. Strafgesetzbuch der Schweizerischen Konfederation. Bern. EBK-Verlag, 1996. S. 148.
8. «Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (ETS N 141) [рус, англ] (Заключена в г. Страсбурге 08.11.1990)
9. Keller P. Das Geldwaschegesetz aus Sicht der Zoll-fahndung. Berlin, 1994. S. 65–68.

Восприятие международных стандартов в противодействии легализации преступных доходов законодательством Российской Федерации

Зайцев Семен Николаевич, магистрант
Московский государственный областной университет

Субъектом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации является лицо, достигшее 16-летнего возраста, вменяемое и участвовавшее в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Как показывает практика, в большинстве случаев субъектом легализации денежных средств, добытых преступным путем, является лицо, которое совершило и предшествовавшее преступление (например, сбыт наркотиков), в результате которого был извлечен такой преступный доход, что соответственно, в последующем квалифицируется по ст. 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Нужно отметить, что нормы международного права в сфере противодействия легализации преступных доходов не включают инструкции на потребности дифференцирования действий по субъективному признаку. А существовавший состав преступления в первоначальной редакции статьи 174 Уголовного кодекса, после принятия Федерального закона № 115-ФЗ был разделен на два состава, отличающихся по субъекту, отсюда получилась ст. 174.1 УК РФ [1].

В связи с этим несколько специалистов отмечают, что в статьях 174 и 174.1 Уголовного кодекса речь идет не о виновности лица в совершении того или иного предикатного преступления, а о легализации имущества, приобретенного в результате совершения таких деяний.

Можно предположить, что этап перехода преступно нажитых денежных средств или другого имущества от лица (лиц) совершивших предшествовавшее преступление к лицу (лицам), осуществляющим дальнейшую легализацию, необходимо рассматривать всего лишь в качестве одной из стадий легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

Субъективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ можно охарактеризовать прямым умыслом с указанием в диспозициях статей цели деяния. Такой целью является придание законного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или другим имуществом, приобретенных в следствии совершения преступных деяний. Исходя из этого, нужно доказать, что виновный осознавал общественно-опасный характер своих деяний и желал свершения наступления общественно-опасных последствий.

При квалификации деяний, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ подлежит доказыванию, что виновный

осознано и целенаправленно совершил финансовые операции (операцию) или иные сделки (сделку) с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения преступления (преступлений). Выделяются 2 признака субъективной стороны: знание лица о преступном характере доходов подлежащих легализации и придание законного вида пользования.

Наличие таковых признаков могут подтверждать объективные обстоятельства совершения преступления такие как:

- совершение экономически неосновательных финансовых и фальшивых сделок;
- несоответствие документального оформления операций и сделок их фактическому содержанию;
- значимое отклонение применяемых в сделке цен от рыночного уровня на момент проведения сделки.

Кроме того, признаки могут быть уточнены в ходе проведения различных оперативно-розыскных, следственных и иных уголовно-процессуальных действий.

В ходе установления таких признаков (действий) могут возникать определенные сложности [2]. Так, например, расходование наличных денежных средств на личные нужды относится, к видам действий, которые также направлены на обеспечения прямого доступа к доходам, полученным преступным путем. Их отличие от уголовно наказуемой легализации состоит в этом они не включают сделки и финансовые операции, которые направлены на маскировку источников происхождения, владельцев, местоположений, существования денег, и также планов их дальнейшего использования.

ФАТФ рекомендует странам рассмотреть стирку дохода как преступление на основе Венской и Палермской конвенции. Страны должны применить понятие преступления отмывания денег ко всем серьезным преступлениям в целях освещения как можно более широкого круга предикатных преступлений [3].

В Венской конвенции ООН наряду с основным определением есть пункт о том, что отмывание денег также включает:

- приобретение, владение или использование собственности, если во время ее получения известно, что такая собственность представляет доход от преступлений.

В Палермской конвенции есть пункт аналогичного содержания о том, что государствам следует рассматривать в качестве отмывания:

- приобретение, владение или использование собственности, если во время ее получения известно,

что такая собственность представляет доход от преступлений.

Однако, согласно принципам и нормам российской правовой системы, приобретение, владение, или использование денежных средств или другого имущества, нажитых в результате преступлений, является недостаточным основанием для реализации функции уголовного судопроизводства в части противодействия легализации преступных доходов, и соответственно, как показывает практика — отсутствием судебной перспективы у многих уголовных дел данной направленности.

В широком смысле противодействию отмыванию преступных доходов способствуют следующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации:

- статья 172 «Незаконная банковская деятельность»;
- статья 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»;

Литература:

1. Устинова Т. Д., Минская В. С. Уголовная ответственность за преступления, предусмотренные статьями 174, 174.1, 183, 193 УК РФ. М., 2003. С. 7.
2. Зарубин А. А., Иванова В. А. Противодействие легализации преступных доходов от незаконного оборота наркотиков органами наркоконтроля: Учебное пособие. Хабаровск, 2005. С. 34.
3. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. — М.: Вече, 2013. — 176 с.

Проблемы правового регулирования памятников природы регионального и местного значения

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель;
Абдуллина Рената Ринатовна, студент;
Гаврилова Ангелина Александровна, студент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Памятники природы — безусловно значимые природные объекты, которым необходима серьезная законодательно урегулированная правовая охрана. Данная тема является актуальной особенно в контексте памятников природы регионального и местного значения, которым ввиду удаленности не предоставляется значительная охрана.

Ключевые слова: природа, экология, памятники природы, окружающая природная среда

Природа — очень ранимый материал, который «с легкой руки» человека достаточно легко загрязнить или вовсе уничтожить, но вернуть все в прежнее состояние очень трудно.

2017 год в России объявлен годом экологии и особо охраняемых природных территорий. Цель данного решения является необходимость привлечь внимание к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере, и улучшить состояние природной среды в России.

Необходимо отметить, что в последнее время происходит значительное ухудшение состояния как окружающей

- статья 173.2 «Незаконное использование документов без образования (создания, реорганизации) юридического лица»;
- статья 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем». Специалисты считают, что целью данной статьи является предупреждение использования третьими лицами имущества, добытого преступным путем. Использование данной статьи направлено на снижение дохода от преступлений;
- статья 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»;
- статья 193.1. «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов».

природной среды в целом, так и отдельных ее объектов, являющихся памятниками природы. Такие объекты подлежат более тщательной охране со стороны государства.

Термин «Памятники природы», который в переводе с германского означает — кусочек девственной природы, пришел к нам из Германии, основателем которого стал Гуго Конвенц. Однако в России «памятники природы» — это всего лишь юридическая категория, которая придает особый смысл данной территории земли или какому-либо объекту [1].

Так, в статье 25 Федерального закона от 14.03.1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»,

памятниками природы признаются уникальные, неповторимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения [2]

Правовой статус памятников природы сегодня регламентируется лишь на федеральном уровне в Федеральном законе от 14.03.1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [2] специального закона, который бы регулировал правовую охрану памятников природы на данный момент нет, в связи с чем, на практике часто возникают споры по правильному применению таких объектов природного мира. Поэтому считаем, что для начала необходимо решить вопрос о правовом положении памятников природы на законодательном уровне путем принятия отдельного закона о памятниках природы, в котором будет указаны правовой режим памятников природы, цели, которым служат такие памятники, их количество, а также ответственность за нарушение их правового режима. Принятие такого закона послужит, прежде всего, воспитательным элементом для тех граждан, умышленно причиняющих вред окружающей природе и ее объектам.

На региональном уровне так же существуют проблемы законодательного закрепления такой категории как памятники природы. Так, в Оренбургской области существует закон Оренбургской области от 7 декабря 1999 года № 394/82-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Оренбургской области» [3] а так же Постановление Правительства Оренбургской области от 25 февраля 2015 года «О памятниках природы областного значения Оренбургской области» [4] однако данные нормативно-правовые акты в полной мере не закрепляют правовой статус памятников природы, а также в таких актах отсутствуют нормы об охране памятников природы на местном уровне. На наш взгляд, это является значительным недостатком, так как к сожалению, сегодня многие памятники природы на местном уровне никак не охраняются, а некоторые и вовсе больше не входят в состав памятников природы. Возникает вопрос — существуют ли объективные причины исключения таких природных объектов из категории памятников природы или же это нежелание властей принимать меры к должной охране значимых природных объектов?

Считается, что должная охрана осуществляется лишь за наиболее значимыми памятниками природы, представляющими коммерческий или иной интерес прежде всего для органов государственной власти и органов местного самоуправления, а памятники природы, находящиеся в отдаленных местах и не представляющие интерес для государства, остаются без необходимой правовой защиты с его стороны. Но в большинстве случаев, к памятникам природы, относящимся к категории особо охраняемых, также не применяются должные меры защиты.

Так, в Кувандыкском районе Оренбургской области к категории памятников природы в 2012 году был отне-

сен горный хребет «Шайтан-Тау» (Чертova гора), расположенный в междуречье реки Сакмары и Куруила. Площадь хребта составляет 41 километр в длину и 13 километров в ширину. Основная местность на этой территории — горно-лесостепная.

Создание такого заповедника как «Шайтан-Тау» было, прежде всего, направлено на увеличение объектов культурного достояния России путем изъятия из рук людей, занимающихся хозяйством в таких природных зонах, так как они являются культурным, национальным, эстетическим наследием России.

Следует отметить, что большее число жителей территории Кувандыкского района были против инициативы создания такой заповедной зоны. Так, прежде чем построить заповедник «Шайтан-Тау» в Оренбургской области, проводился опрос. В день опроса произошел конфликт между населением Оренбурга и местными властями, и абсолютно все население проголосовало против проекта. Органы власти сочли нецелесообразным соглашаться с мнением народа, проживающего на данной территории и ответили на это письмом, в котором написали, что создание природного объекта «Шайтан — Тау» подтверждено, и сейчас «Шайтан-Тау» — заповедник, который входит в список особо охраняемых природных объектов в РФ [4].

Однако, как было отмечено выше, не всегда отнесение природных объектов к категории особо охраняемых, порождает осуществление должной защиты за такими объектами со стороны органов власти. Сегодня множество людей вредят заповеднику «Шайтан-Тау» своей хозяйственной деятельностью, занимаясь охотой и собирая редкие растения на территории заповедника с целью их дальнейшей продажи. Такое безответственное отношение населения к заповеднику «Шайтан-Тау» впоследствии может привести к тому, что будут исчерпаны все полезные свойства данного объекта, что приведет к гибели флоры и фауны на данном хребте.

Следующим объектом природы является Чукаринская реликтовая сосна, расположенная в Кувандыкском районе Оренбургской области. Сосна произрастает на левобережье ручья Чукари в 500 м от его впадения в реку Суру, ее возраст составляет более 200 лет.

К сожалению, присвоение статуса «памятник природы» Чукаринской реликтовой сосне не предусматривает применение специальных мер для ее охраны. Как и много лет назад, основной угрозой для нее остается расположенный неподалеку дачный поселок Чукари-Ивановка, куда летом съезжается большое число отдыхающих и туристов со всей Оренбургской области, в результате чего ежегодно происходит механическое повреждение стволов и коры дерева, замусоривание территории памятника, а также в период лесных пожаров, значительная часть сосны подвергается возгоранию. Следует однозначный вывод о том, что органами власти местного значения сегодня не предприняты необходимые меры, обеспечивающие должную охрану такого памятника природы на местном уровне.

Поэтому наиболее правильным решением видим перевод Чукаринской реликтовой сосны из разряда памятников природы местного значения, в разряд памятников регионального значения путем включения ее в список памятников природы, утвержденных Постановлением Правительства Оренбургской области от 25 февраля 2015 года «О памятниках природы областного значения Оренбургской области» [4].

Исходя из вышеизложенного, предлагаем ряд мероприятий, направленных на поддержание правового статуса памятников природы на территории Оренбургской области и сохранения их уникальности.

Так, прежде всего необходимо:

- принять Закон, который бы регулировал правовой статус памятников природы как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.
- осуществлять экологический мониторинг памятников природы;
- осуществлять экологическое образование и повышать экологическую культуру населения;

— осуществлять охрану таких памятников в естественном состоянии охраняемого природного объекта;

Помимо выше представленного, считаем необходимым усилить режим общественной охраны. Из-за загруженности государственных органов, охрану памятников природы могут осуществлять и общественные организации, а также сами граждане, ведь это производится в первую очередь в их интересах.

Однако следует учитывать, что в нашей стране, достаточно слабая гражданская позиция, и поэтому лица проживающие в данной территории, являются не заинтересованными в таких достаточно важных вопросах, связанных с экологией. Поэтому необходимо прививать чувство справедливости и заботы о культурных ценностях еще со школьной скамьи. Для этого следует проводить занятия и семинары, на которых бы гражданам рассказывалось об их экологических правах, а также о культурных ценностях, которые имеются в нашей стране и требуют отдельной охраны.

Литература:

1. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Экологическое право России: Учебник для вузов. — Волгоград, 2005.
2. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 N 33-ФЗ // Правовая система «Консультант Плюс» (последняя редакция от 28.12.2016 года).
3. Закон Оренбургской области от 7 декабря 1999 года N 394/82-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях Оренбургской области» (с изм. на 06.03.2015 г.)
4. Постановление Правительства Оренбургской области от 25 февраля 2015 года N 121-п «О памятниках природы областного значения Оренбургской области» (с изм. на 24.03.2017 г.)

К вопросу об определении сущности функции поддержания обвинения: теоретический аспект

Зубов Валерий Валериевич, студент

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

Несмотря на тот факт, что УПК РФ действует уже более 15 лет проблема содержательной стороны функции уголовного преследования относится к числу дискуссионных. Ее легальное толкование содержится в п. 55 ст. 5 УПК РФ, который определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Как следует из смысла приведенной нормы, законодатель отождествляет понятия «обвинение» и «уголовное преследование», указывая на сквозной характер рассматриваемой функции, которая осуществляется как в досудебном, так и в судебном производствах по уголовному делу. В этой связи возникает несколько взаимосвязанных вопросов. Во-первых, каково

соотношение понятий «обвинение» и «уголовное преследование» с точки зрения доктрины уголовного процесса; во-вторых, каков субъектный состав стороны обвинения с точки зрения реализации состязательных начал в современном уголовном судопроизводстве; и, наконец, каков механизм реализации рассматриваемой процессуальной функции в досудебном производстве и в суде? Попытаемся последовательно обосновать свою точку зрения по каждому из поставленных вопросов.

Анализ обширной библиографии вопроса позволяет утверждать, что в доктрине уголовного процесса отсутствует единство мнений относительно соотношения понятий «уголовное преследование» и «обвинение». Так, часть ученых-процессуалистов полагает, что указанные дефи-

ниции тождественны. Еще М. С. Строгович писал о том, что «обвинение как уголовно-процессуальная функция есть обвинительная деятельность, т. е. совокупность действий, направленных на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания, которая носит также наименование уголовного преследования» [8, с. 190]. Развивая данный тезис, А. Н. Гуськова указывает на взаимосвязь всех частей судопроизводства с обвинением и полагает, что обозначение обвинительной деятельности разными терминами существенно затрудняет понимание ее сущности [3, с. 26]. Сходную позицию высказывает и Б. А. Тугутов, обосновывая синонимичное использование рассматриваемых терминов тем, что «они определяют одно и то же явление» [9, с. 30].

Противники данной точки зрения указывают на наличие противоречий в механизме реализации функции уголовного преследования, которые, по их мнению, не позволяют отождествлять ее с обвинением [5, с. 23]. Указанная точка зрения представляется нам более обоснованной по нескольким причинам. Во-первых, системный анализ норм УПК РФ (п. п. 22 и 45 ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 20 и др.) позволяет обнаружить некоторые противоречия. Например, при определении понятия «сторона» законодатель использует термины «уголовное преследование» и «обвинение» как тождественные (п. 45 ст. 5), однако, разграничивает их в п. 22 ст. 5 УПК РФ толкуя обвинение в материальном смысле как тезис о совершении определенным лицом запрещенного уголовным законом деяния. Вместе с тем именно обвинение, а не уголовное преследование детерминируется как уголовно-процессуальная функция в ч. 2 ст. 15 УПК РФ.

Во-вторых, сущность обвинительной деятельности не является одинаковой на всех этапах уголовного судопроизводства. Если в стадии предварительного расследования целесообразно говорить об уголовном преследовании, то в судебных стадиях процесса речь уже может идти о поддержании обвинения, т. е. окончательной версии обвинения, на основании которой у суда формируется внутреннее убеждение относительно решения по уголовному делу. В этой связи представляется обоснованной позиция Е. В. Селиной о том, что исключительно по делам частного обвинения, рассматриваемым по существу мировым судьей, окончательное обвинение сливается с обвинением первоначальным, поскольку полностью отсутствует этап досудебного производства [6, с.34]. По остальным уголовным делам обвинение, поддерживаемое прокурором в судебном разбирательстве, может существенно отличаться от первоначально предъявленного лицу, ввиду его трансформации в процессе предварительного расследования, о чем свидетельствуют примеры из следственно-судебной практики. Так, по уголовному делу в отношении К., причинившему потерпевшему С. тяжкий вред здоровью, первоначально следователем было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 114 УК РФ. Прокуратурой района уголовное дело было возвращено для производства дополнительного расследования ввиду грубых нарушений

законодательства и неверной квалификации действий обвиняемого. По результатам дополнительного расследования К. было предъявлено обвинение в покушении на убийство С., дело было направлено в Коминтерновский районный суд г. Воронежа для рассмотрения по существу. Впоследствии К. был осужден в соответствии с окончательным обвинением за покушение на убийство [1].

Следует отметить и историческую преемственность приведенной выше научной позиции. Так, еще в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в науке уголовного процесса обосновывалось различие терминов «уголовное преследование» и «обвинение» именно с позиций несоответствия их содержания в досудебном и судебном производствах. В этом смысле показательно высказывание В. К. Случевского, который писал, что «моменты возбуждения уголовного преследования и последующего обличения подсудимого резко обособляются между собой и притом не по одному только процессуальному значению. Различие между ними проявляется также в различии органов, их отправляющих, так что органы, отправляющие функции по возбуждению уголовного преследования ... не всегда являются органами, отправляющими обязанности по обличению виновных на суде» [7]. Думается, что приведенное утверждение не потеряло своей актуальности и в современных правовых реалиях, поскольку уголовное преследование может определяться как деятельность уполномоченных должностных лиц в ходе предварительного расследования, направленная на формирование и обоснование первоначального обвинения. В то время как поддержание обвинения — это деятельность государственного или частного обвинителя в судебных стадиях производства по уголовному делу, которая направлена на обоснование перед судом позиции стороны обвинения, при этом сам обвинительный тезис может изменяться в рамках, установленных ч. 2 ст. 252 УПК РФ, т. е. в сторону, не ухудшающую положение подсудимого, и не нарушающую его право на защиту.

В связи с изложенным, полагаем, что круг субъектов, уполномоченных на реализацию функции обвинения, применительно к непосредственному предмету нашего исследования, должен определяться исходя из того факта, что уголовное преследование в досудебном производстве существенно отличается от поддержания обвинения в суде. Если в первом случае соответствующие полномочия возлагаются на должностных лиц органов уголовной юстиции, отнесенных в гл. 6 УПК РФ к стороне обвинения (дознатель, начальник подразделения дознания, следователь, руководитель следственного органа), то во втором — на прокурора либо частного обвинителя.

Поддержание обвинения, в отличие от уголовного преследования, осуществляемого в досудебном производстве, представляет собой отстаивание перед судом выдвинутого тезиса о виновности конкретного лица в совершении преступления, что предполагает наличие специфических средств и способов реализации данного вида деятельности. При этом как материально-правовой тезис обвинение

имеет сквозной характер, поскольку формулируется в стадии предварительного расследования и определяет пределы уголовного преследования в суде. Взаимосвязь уголовного преследования в досудебном производстве и поддержания обвинения в суде представляется очевидной по нескольким причинам.

Во-первых, если говорить о поддержании государственного обвинения прокурором, то его специфика заключается в невозможности выйти за пределы предъявленного лицу ранее обвинения, что является составным элементом права на защиту, а также содержанием аксиомы о недопустимости поворота к худшему, в соответствии с которой, отстаивая публичный интерес, прокурор вправе лишь уменьшить объем претензий государства к подсудимому, изложенный в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении).

Во-вторых, с точки зрения фактического содержания деятельности по поддержанию обвинения в суде, то она также находится в зависимости от объема и качества собранных в стадии предварительного расследования доказательств. Как отмечает Г. С. Беляева, полномочия прокурора, обозначенные в ч. 5 ст. 246 УПК РФ, а именно: представление доказательств и участие в их исследовании; изложение суду своего мнения по существу обвинения; высказывание предложений о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания, реализуются с той степенью эффективности, которая прямо зависит от качества и полноты уголовного преследования на этапе досудебного производства [2, с. 19]. Допущенные в ходе предварительного расследования нарушения предусмотренных законом правил собирания доказательств, существенно сокращают фактическую базу поддержания в суде обвинения в случае признания их недопустимыми, а, следовательно, усложняют стоящую перед государственным обвинителем задачу.

И, наконец, в-третьих, тактика построения обвинительной деятельности в судебном заседании находится в прямой зависимости от результатов предварительного расследования, убежденности прокурора в обоснованности выводов дознания (следствия). В противном случае, законодатель предоставляет государственному обвинителю право отказаться от обвинения, что повлечет за собой прекра-

щение уголовного дела или уголовного преследования (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Здесь необходимо отметить, что полномочия прокурора по поддержанию обвинения ограничены суверенитетом судебной власти. По мнению подавляющего большинства ученых-процессуалистов, ограничение процессуальной самостоятельности стороны обвинения в суде является неотъемлемым признаком состязательности судебного разбирательства, уравнивает положение сторон, а также повышает гарантии независимости суда при принятии итогового решения по уголовному делу [4, с. 52].

Таким образом, поддержание государственного обвинения в суде является формой реализации функции обвинения, специфика которой заключается в формулировании окончательного тезиса о виновности лица в совершении преступления. Реализация названной функции применительно к делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляется в судебном заседании прокурором в процессуальном режиме, характерном для судебного заседания. Сущность деятельности по поддержанию обвинения может быть определена следующей совокупностью признаков: 1) ее осуществление возлагается законодателем на участников уголовного процесса, отнесенных к стороне обвинения, т. е. на прокурора, что прямо обозначено в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, а также частного обвинителя (ст. 43 УПК РФ); 2) пределы реализации функции поддержания государственного обвинения в судебном заседании ограничены выдвинутым в ходе предварительного расследования обвинительным тезисом и основаны на его обосновании совокупностью доказательств, собранных в ходе деятельности компетентного должностного лица в досудебном производстве; 3) деятельность обвинителя в суде обусловлена состязательным характером судебного разбирательства, основой которого являются суверенитет судебной власти и процессуальное равенство сторон обвинения и защиты.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, позволим себе определить поддержание обвинения как форму реализации функции обвинения в судебных стадиях производства по уголовному делу, содержание которой составляет обоснование выдвинутого тезиса о виновности лица в совершении преступления перед судом.

Литература:

1. Архив Коминтерновского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 2–48/13.
2. Беляева Г. С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды // *Lex russica*. 2015. № 3. С. 19–27.
3. Гуськова А. Н. Уголовное преследование (обвинение) в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ. Челябинск, 2002 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.05.2017 г.).
4. Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // *Прокурор*. 2013. № 2. С. 50–58.
5. Козьявин А. А. Взгляд на категориальный аппарат науки уголовного судопроизводства через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ // *Российский следователь*. 2013. № 19. С. 23–26.
6. Селина Е. В. Концепция уголовного преследования, установления факта совершения общественно опасного деяния и привлечения к уголовной ответственности // *Российский следователь*. 2017. № 1. С. 33–35.

7. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб., 1910 // <http://jurytrial.ru/library/item/651> (Дата обращения: 10.05.2017 г.).
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 417 с.
9. Тугутов Б. А. Функция уголовного преследования: проблемы законодательного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 30–33.

Система сдержек и противовесов как основополагающий принцип государственного строительства США

Каплунов Алексей Сергеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Философское понятие «принцип» представляет собой основополагающую истину, закон, положение. В основу государственного устройства США положены такие принципы, как демократизм, федерализм, судебный конституционный надзор, разделение властей. Последний принцип является ключевым для государственной власти в США.

Теория разделения властей — основополагающий принцип государственно-правового устройства любой демократической страны и США в частности. Согласно ей для предотвращения узурпации власти в стране и развития демократии вся государственная власть в стране должна делиться на три самостоятельные, но неразрывно связанные друг с другом ветви власти: законодательную, исполнительную, судебную. В США этим ветвям соответствуют Конгресс, Президент, Верховный суд. Известный американский учёный-административист Дж. Харт отметил: «Если все дороги ведут в Рим, то вопросы американского управления сводятся к разделению властей» [1].

Теория разделения властей имеет сложную и непростую историю. Впервые она встречается в трудах античных учёных (Платон). В XVI—XVIII вв. из-за бурного развития общественной мысли (работы Ш. Монтескьё, Дж. Локка, Д. Дидро), а также становления буржуазии не только как социальной прослойки общества, но и реальной политической силы, теория разделения властей получила дальнейшее развитие. Это было связано с тем, что буржуазии и промышленникам нужно было ограничить абсолютную власть монарха, чтобы отстаивать свои права, свободы и законные интересы.

Одним из первых документов государственного строительства США стали Статьи Конфедерации. Они были приняты в 1777 г. и закрепили основополагающие принципы организации власти в молодом американском государстве. Однако в мае 1787 года Конгресс конфедерации принял решение о созыве специальной комиссии для ревизии Статей конфедерации [2]. Место для работы комиссии было определено в городе Филадельфия. Однако в ходе работы Филадельфийский конвент, состоящий из пятидесяти пяти делегатов под председательством Дж. Вашингтона, принял решение о создании принципиально нового основного

закона страны — конституции, который по своей юридической технике качественно превосходил все предыдущие акты государственного значения в США. Именно присутствие среди отцов-основателей США не только теоретиков, но практиков в сфере юриспруденции и экономики, таких, как сам Дж. Вашингтон, А. Гамильтон, Б. Франклин, а также социальная однородность среди депутатов позволили придать конституции именно то юридическое содержание, которое в дальнейшем способствовало развитию США как правового и демократического государства с ведущей ролью гражданского общества.

Тем не менее среди отцов-основателей существовали некоторые разногласия по ключевым вопросам государственного управления. Так в Филадельфийском конвенте сложились две фракции: федералисты и антифедералисты. Первые считали, что принятие конституции позволит вывести государство на качественно новый уровень местного самоуправления, что в ходе принятия конституции и в основных её положениях не будут ущемлены право штатов и местных органов власти. Огромную поддержку новой Конституции оказал сборник из 85 статей под названием «Федералист». Его авторы — А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Дж. Джей доказывали, что свобода может быть сохранена в большом государстве с сильным и эффективным правительством, а новое государство должно базироваться на федерализме и разделении властей.

В свою очередь антифедералисты выступали против наделения широкими полномочиями президента, опасаясь, что это приведёт к появлению столь ненавистной буржуазным мыслителям монархии, что с появлением строго централизованного государства будут урезаны права штатов. Тем не менее победила точка зрения федералистов и их лидера Д. Мэдисона, т. к. именно необходимость политической интеграции всех штатов и подтолкнула американское общество к принятию конституции.

Участники Филадельфийского Конвента осознавали острую необходимость создания государственно-правовой модели молодого американского государства на основе теории разделения властей. Это было необходимо для того, чтобы ни один орган государства не смог обла-

дать исключительным правом на выражение воли и мнения всего народа, чтобы не допустить монархии как формы правления, чтобы развивать демократию и демократические институты.

Применительно к американской модели государственного устройства можно говорить о том, что учредители Конституции 1787 г. положили в основу организации органов государственной власти собственный вариант разделения властей, который принято называть системой «сдержек и противовесов» [3]. Изначально формируясь в сравнительно небольшом государстве, где проживало около 3 миллионов человек, система «сдержек и противовесов» сохранила свою актуальность и жизнеспособность на протяжении всех двухсот тридцати лет существования США. Самостоятельность ветвей власти США обеспечивается их обособленностью друг от друга, различной процедурой формирования, компетенцией, сроками полномочий.

США образовались во второй половине XVIII в., когда в Европе господствовал абсолютизм, а любые общественные отношения строились на феодальной основе. Но американское государство миновало феодальную формацию развития, образовавшись изначально в капиталистической. Это объясняет тот факт, что в американском обществе отсутствует деление на сословия, касты и другие феодальные страты. Государство задумывалось как общенародное, поэтому Конституция США в полной мере воплощает принцип буржуазного права, согласно которому все люди равны перед законом. Однако бурное развитие промышленности способствовало огромной дифференциации общества. Таким образом со временем государственно-правовая система США попадала под влияние как крупных корпораций, так и отдельных магнатов. Крупные буржуа стали влиять на действия всех ветвей американской власти, лишая их самостоятельности и по сути превращая их в один государственный орган, подрывая тем самым конституционные основы США, демократизм в целом и систему «сдержек и противовесов» в частности.

Несомненно, что все высшие органы власти США испытывают на себе влияние исполнительной власти. Ведь именно у неё сосредоточен огромный финансовый потенциал страны, она руководит карательным органом в лице полиции и армии США, а также определяет основные внутренние функции государства. Особенно явно это проявляется в отношениях президента (исполнительная власть) и конгресса (законодательная власть). Согласно разделу I статьи II исполнительная власть передаётся президенту Соединённых Штатов Америки [4]. По мнению А. Гамильтона, сильная президентская власть обеспечит единство общества и государства, а решительность, активность и быстрота — это те качества, которые должны быть присущи только одному, а не нескольким правителям, и именно поэтому нельзя доверить управление государством группе.

Наибольшую силу исполнительная власть получила после Второй Мировой Войны. В условиях послевоенного времени, переживая последствия Великой депрессии, аме-

риканское общество было вынуждено сплотиться вокруг общенационального лидера, которым в своё время стали Гарри Трумэн и Дуайт Эйзенхауэр. Кроме этого «железный занавес» усилил веру американцев в абсолютную исключительность своего политико-правового пути. Однако благодаря системе сдержек и противовесов власть Сената и Верховного суда не позволила Америке стать тоталитарным государством, где только глава государства определяет направление развития общества и государства. Своевременно блокируя несоответствующие духу Конституции президентские билли, законодатели и судьи сохранили демократические ценности.

Согласно Конституции США, Президент обладает огромными полномочиями и в области законотворчества. Например, раздел 7 статьи I провозглашает, что «каждый законопроект, прежде чем стать законом, представляется президенту США» [4]. В юридической практике возможность какого-либо должностного лица отклонить законопроект с античных времён называется правом вето (от лат. *veto* - «запрещаю»). Президент может в десятидневный срок отклонить законопроект, направив его на доработку в конгресс, написав специальный акт-документ, в котором содержатся критика документа и основания, по которым данный законопроект был отклонён. Все эти действия президент США может предпринимать только ко всему принятому конгрессом законопроекту, а не к отдельной его части, статье, разделу. Таким образом, можно говорить о том, что в США президент наделён не только исполнительной, но и законодательной властью.

Однако Отцы-основатели видели опасность подрыва системы сдержек и противовесов не в действиях власти исполнительной, а законодательной. Т. Джефферсон в своём эссе «Заметки о штате Виргиния» указывал: «Вся власть в итоге сходится к законодателю. Власть многих деспотов угнетает также, как и власть одного. <<...>> Выборный деспотизм — эта не та форма правления за которую мы боролись <<...>>» [5]. В дальнейшем Т. Джефферсон отмечал, что при конституционном кризисе, вызванным спором между ветвями власти, необходимо обратиться к народу. Однако ему возражал Д. Мэдисон, который считал, что о народе философов, достойных управлять обществом самостоятельно, можно только мечтать. Кроме этого, по его мнению, депутаты Конгресса имеют более широкую поддержку среди населения, что при разрешении спора ставит в заведомо проигрышное положение две другие ветви власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что США сумели на основе европейской теории разделения властей создать свою уникальную и неповторимую систему «сдержек и противовесов». Одно из свойств этой системы — это способность к преемственности. Система существовала и когда США были только что образовавшимся неразвитым государством, и когда они стали одной из ведущих сверхдержав. Он является гарантом и условием демократического режима в США.

Литература:

1. Никеров Г. И. Административное право США. М.: Наука, 1977.
2. Бойченко Г. Г. Конституция США. Толкование в применении в эпоху империализма. — М.: Изд-во ИМО, 1959.
3. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / отв. редактор Б. Никифоров. — М.: Наука, 1984/
4. Крашенинникова Н. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. — М.: НОРМА. Т. 2: Современное государство и право. — 2003.
5. Джефферсон Томас. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. — Л. 1990.

Современное состояние проблем возникновения договорного обязательства

Ковальчук Анна Юрьевна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматриваются понятие договора и обязательства в гражданском праве, также некоторые проблемы, касающиеся возникновения обязательств.

Ключевые слова: договор, обязательство, возникновение договора, заключение договора, теории возникновения договора

Понятие «договор» известно обществу с тех пор, как возникла необходимость установления определенных правоотношений относительно пожеланий (волеизъявлений) сторон этих отношений.

Для того чтобы подробнее изучить генезис термина «договор», «договорные правоотношения», «условия договора», «права и обязанности», а также условия и закономерности их развития, постоянного изменения и, соответственно, прекращения было разработано целое учение, которое ведет свою историю, начиная с расцвета римского частного права. Современная цивилистика также решает вопросы и проблемы, связанные с возникновением договора как источника правоотношений. В центре внимания ученых-цивилистов находится ряд теорий возникновения договора, которые имеют как ряд особенностей, так и различий.

Так как данные теории рассматривают и изучают личные имущественные и неимущественные правоотношения (обязательства), то и направлены они на изучение закономерностей регулирования обоих видов гражданско-правовых отношений.

Всякий договор в силу своей природы порождает некие права и обязанности в адрес обеих сторон или же одной стороны. Согласно ст. 307 ГК РФ обязательство — это гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество. Выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [1].

Неимущественные обязательства подробно затронуты И. А. Покровским, который отметил, что правильное пред-

ставление об обязательстве должно быть одинаково далеко как от крайности примитивной личной «обреченности» должника, так и от крайностей «имущественности». Оно есть юридическая форма отношений между лицами-субъектами, и его общей целью является установление некоторой специальной обязанности одного из них в пользу другого, некоторого специального поведения должника в интересах кредитора. К чему сводится эта специальная обязанность должника, это определяется конкретными условиями и конкретными потребностями жизни; но никак нельзя отрицать того, что всякое обязательство имеет целью создать некоторую связанность воли должника, понудить его к известному поведению в интересах кредитора. И постольку во всяком обязательстве заключается некоторый личный элемент, игнорировать который невозможно» [2].

Нельзя отрицать, что любое правоотношение носит личный характер, так как в каждом из них прослеживается связь как между отдельными гражданами, так и их объединениями, а также юридическими лицами. Должник, выполняющий в пользу кредитора действие, будь то передача товарно-материальных ценностей, выполнение работ или оказание услуг делает это в обмен на какое-то благо, которое быть выражено в определенном стоимостном (имущественном) эквиваленте. Значит, что обязательство возникает в отношении блага, обладающего определенной стоимостной оценкой, быть ценностью, товаром, т. е. имуществом.

Из вышесказанного следует, что договорные обязательства, определенно, возникают на основе удовлетворения определенного личного (имущественного) интереса. Иначе возникает понятие нравственного долга, который входит в философскую категорию, но никак ни в систему договорных правоотношений.

Для того, чтобы объективно исследовать вопросы именно возникновения договора нужно учитывать следующие термины: 1) понятие «договор»; 2) понятие «существо договорного обязательства» [3].

В гражданском праве договор понимают как сделку (юридический факт), как правоотношение и как форму (документ). Поэтому в зависимости от рассматриваемого понятия зависит успех в изучении проблем возникновения договорного обязательства.

В первую очередь следует отметить, что «возникновение» договора и его «заключение» понятия разные. Глагол «возникнуть» понимается в смысле «начаться, образоваться, зародиться», т. е. имеется в виду возникновение нового явления как бы по само собой. Термин «заключить» применительно к договору означает принятие, подписание договора сторонами. Здесь ключевая роль принадлежит субъектам правоотношений, так как именно они, своими конкретными действиями, т. е. подписями создают новое явление.

Из вышесказанного следует, что при употреблении понятия «заключение договора» следует полагать, что договор рассматривается как соглашение. Наоборот, в терминологии «возникновение договора» договор понимается в качестве обязательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон [31 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Росс. газета. — 1994. — 08 декабря. — № 238–239.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. — 353 с.
3. Общие положения о договоре. Понятие договора. Виды договоров. // <http://www.studfiles.ru>. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5369225/> (дата обращения: 20.05.2017).

Форма договора как предпосылка возникновения договорного обязательства

Ковальчук Анна Юрьевна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной (п. 2 ст. 432 ГК РФ) [1].

Таким образом, для того, чтобы договорное условие возникло, участникам правоотношений необходимо достигнуть

Отсюда следует два вывода.

Первый заключается в том, что при заключении договора каждый из участников стремится к тому, чтобы его интересы были не ущемлены. Компромисс такого рода достигается путем внесения в текст договора ряда условий и обязательств, которые, в свою очередь образуют содержание или основную часть договора.

Второй вывод говорит о том, что при заключении договора возникают различного рода обязательства, которые в силу различных условий могут изменяться, а также прекращаться. Вышеупомянутые изменения выступают в качестве стадий договора и наделены определенной индивидуальностью. Следовательно, именно термин «заключение» договора в малой степени применительно к возникновению обязательств, так как охватывает достаточно широкое поле для исследования.

Таким образом, возникновение договора и заключение договора — различные правовые понятия. Для исследования проблем возникновения договорного обязательства следует применять понятие «возникновение» договора, предполагая под этим стадией появления (рождения) договорного правоотношения.

соглашения по всем существенным условиям и заключить данное соглашение в определенную форму. О последнем положении и пойдет речь в данной статье. Для изучения проблем возникновения договорных обязательств необходимо изучение формы договора, так как соглашение сторон выражено определенным образом путем создания некоего общего волеизъявления, которое не может существовать бесформенно (бестелесно).

Форма договора — это способ, посредством которого стороны выражают свою волю на заключение договора. Иными словами, форма договора — это способ согласованного волеизъявления сторон. В соответствии с ГК РФ договор может быть заключен в следующих формах:

- 1) в форме конклюдентных действий;

- 2) в устной форме;
- 3) в письменной форме — простой или нотариальной [2].

Устная форма при этом подразделяется на два типа:

- 1) словесная (участники правоотношений в устной форме оговаривают между собой все существенные условия договора и заключают соглашение);
- 2) молчание (признается формой договора только в определенных случаях, указанных в законе или в соглашении сторон, например, согласно п. 2 ст. 621 ГК РФ молчание арендодателя, который не заявляет о необходимости возврата имущества после окончания срока аренды, порождает возобновление на неопределенный срок договора с арендатором, продолжающим пользоваться этим имуществом) [3].

В юридической литературе под формами сделок (в том числе договоров) принято понимать способы выражения, закрепления или засвидетельствования воли субъектов, совершающих сделку [3].

Следовательно, форма договора призвана выразить волю сторон таким образом, чтобы соглашение, достигнутое сторонами, было им доступно для понимания и восприятия. В общепринятом понимании, воспроизведение условий соглашения производится с помощью знаков письменности, нанесенных на определенный носитель информации. Некоторые формы договоров в дальнейшем должны быть заверены подписью определенного лица, имеющего на то полномочия, также с помощью письменности (подпись нотариуса).

Не стоит забывать, что договор может быть заключен и в устной форме. Соглашение сторон в данном случае будет выражено путем использования словесно-логического (понятийного) аппарата. Наличие понятийного аппарата определенно необходимо, так как разные люди в меру особенностей своего мышления и умозаключений могут понять и растолковать одни и те же содержания воли по-разному.

Из вышесказанного следует, что договор может быть заключен как в письменной, так и в устной форме в зависимости от того, закреплено ли волеизъявление сторон на каком-либо носителе с помощью письменности (в некоторых случаях с засвидетельствованием определенного лица), или же такое закрепление отсутствует.

Следует отметить, что и конклюдентные действия, и молчание выражают согласие лица совершить сделку на условиях, определяемых в конечном счете исходя из конклюдентных действий, поэтому многие исследователи вопроса возникновения договорных обязательств относят молчание к конклюдентным действиям.

Однако молчание никак не может признаваться формой оферты, поскольку из одного только молчания невозможно сделать вывод о том, на каких условиях лицо желает заключить договор. Поэтому в тех случаях, когда молчание признается выражением воли совершить сделку, непременно требуется наличие другого волеизъявления, из которого,

собственно, и усматривается содержание будущего договора. Другими словами, молчание всегда выступает ответом на волеизъявление другого лица (оферента) [3]. Отсюда же следует вывод, что, используя только лишь молчание невозможно заключить договор.

Письменная форма договора служит конкретизированным волеизъявлением соглашения сторон путем его соответствующего закрепления.

Также письменная форма определена законом как некий гарант или доказательство заключения договора, так как, при возникновении разного рода споров нет особой необходимости прибегать к другим доказательствам. Несоблюдение же сторонами простой письменной формы договора, когда это нарушение не влечет его недействительности (ничтожности), требует от сторон представления в подтверждение договора и его условий непременно письменных и других доказательств, но не свидетельских показаний, которые, как правило, являются устными и поэтому не могут содержать объективной информации по какому-либо аспекту договора. Следовательно, письменная форма сделки выступает и в роли доказательства.

Устная же форма договора, будучи бестелесной не может являться доказательством, предусмотренным законом, но, когда эта форма допускается, при разрешении спора о заключении договора и его условий вполне могут использоваться свидетельские показания, также имеющие устную форму.

Формы договоров могут быть как обязательными, так и произвольными. Обязательная форма договора — это такая форма, обязательность которой предусмотрена законом или соглашением сторон. Традиционно такой формой является письменная (простая или нотариальная). Произвольная форма договора имеет место в случаях, когда законом или соглашением сторон не предусмотрена обязательная форма, при этом договор может быть заключен как в устной, так и в письменной форме по желанию сторон. В зависимости от выбранной формы закон указывает на правомочность ссылки на свидетельские показания или же признание договора недействительным.

Стороны соглашения могут видоизменить форму договора, например, изменив устную сделку на письменную, а письменную — в нотариальную, но это превращение не работает в обратную сторону, так как стороны не могут упростить форму, в силу соответствующих требований (закон предусматривает письменную форму для более сложных договорных конструкций).

ГК РФ в абз. 3 п. 1 ст. 160 устанавливает дополнительные требования к простой письменной форме для тех договоров, которые сложны и неоднозначны по своей природе (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и т. д.). Однако этот случай приобретает самостоятельное значение лишь при условии, если законом, иными правовыми актами и соглашением сторон предусматриваются и последствия несоблюдения указанных дополнительных требований. Иначе применяются общие последствия

несоблюдения простой письменной формы договора (п. 1 ст. 162 ГК РФ) [1].

Следует отметить, что письменная форма договора может быть предусмотрена желанием сторон, так как это как раз и выражает принцип свободы заключения договора. Применяя письменную форму для своего договора, стороны могут указать и на то, что ее несоблюдение повлечет недействительность всего договора. В то же время стороны не могут предусмотреть иного последствия несоблюдения устанавливаемой ими нотариальной формы, поскольку ее несоблюдение всегда влечет ничтожность договора (п. 1 ст. 165 ГК РФ) [1].

Необходимо также отметить последствия нарушения сторонами формы договора. Последствия несоблюдения участниками правоотношений устной формы договора напрямую законом не предусмотрено, так как данная форма является самой простейшей ввиду легкости ее применения. В данном случае под нарушением устной формы обычно понимается само отсутствие договора в принципе. Иным образом обстоит дело с нарушением письменной формы сделки. В данный процесс уже вмешивается законодательство путем установления определенных правовых норм.

Так, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства; недействительность (ничтожность) как следствие несоблюдения простой письменной формы дого-

вора в виде исключения наступает лишь в случаях, прямо указанных в законе или соглашении сторон, в частности, если речь идет о внешнеэкономической сделке (ст. 162 ГК РФ) [1].

Частный случай несоблюдения простой письменной формы договора имеет место при отсутствии в договоретексте, представляющем собой один документ, подписей его сторон (или хотя бы одной стороны).

Поскольку по общему правилу, содержащемуся в ст. 168 ГК РФ, недействительная сделка ничтожна, «при несоблюдении письменной формы договора он является ничтожным, при общей формулировке в п. 2 ст. 162 ГК РФ о недействительности такого договора [1]. Таким образом, данные договоры ничтожны, даже если в специальных нормах нет прямого указания на ничтожность конкретного вида договора при несоблюдении его письменной формы».

Следовательно, при рассмотрении вопроса о форме договора как предпосылке возникновения самого договорного обязательства необходимо помнить о том, что от формы составленной сделки зависит и ряд правовых последствий. Поэтому в настоящее время участники правоотношений обычно выбирают письменную форму, зафиксированную определенным образом с помощью знаков письма, так как, при возникновении разного рода споров именно письменный договор может быть принят судом в качестве доказательства заключения договора.

Кроме того, определенные правовые последствия, такие как возможность ссылки на свидетельские показания, также зависят от выбранной формы договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон [31 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Росс. газета. — 1994. — 08 декабря. — № 238–239.
2. Формы договора // LawBook.online. URL: <http://lawbook.online/kniga-grajdanskoe-pravo-rossii/formy-dogovora-16885.html> (дата обращения: 20.05.2017).
3. Молчание как форма сделки // <https://www.kazedu.kz>. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/198555/5> (дата обращения: 20.05.2017).

Противоречия и недостатки российского законодательства, связанные с процедурой дознания в сокращенной форме

Кожина Мария Витальевна, магистрант;
Научный руководитель: Надточей Татьяна Георгиевна, доцент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

С момента введения в уголовно-процессуальный кодекс РФ главы 32.1 «Дознание сокращенной формы» прошло более трех лет. За этот период сложилась определенная практика применения данной процедуры, которая отражает ее положительные и отрицательные стороны. Выявляются противоречия российского законодательства в сфере механизма дознания в сокращенной форме и другими нормативно-правовыми нормами. В данной работе рассматриваются коллизии и недостатки нормативного регулирования сокращенного вида дознания, которые в целом неблагоприятно влияют на практику его применения.

Ключевые слова: уголовный процесс, сокращенная форма дознания, подозреваемый, потерпевший, доказывание, сроки, коллизии

Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ была введена глава 32.1, регламентирующая процедуру осуществления дознания в сокращенной форме. Это была одной из мер законодателя по повышению эффективности деятельности дознавателей и всей системы дознания в органах внутренних дел, оптимизации их работы.

Как часто встречается в законотворчестве, после принятия, каких-либо новых механизмов регулирования, законодатель и общество в целом сталкивается с рядом противоречий, и это не обошло стороной указанное выше нововведение уголовно-процессуального права. В настоящей статье рассмотрим некоторые юридические коллизии права и погрешности, затрагивающие уголовно-процессуальное законодательство, а в частности вид дознания в сокращенной форме.

УПК РФ гласит, что предварительное расследование производится в форме дознания и предварительного следствия. Дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме.

Дознание в сокращенной форме представляет собой систему норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с расследованием преступлений, перечисленных в п.1 ч.3 ст. 150 УПК РФ при условии возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда и неоспаривания правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела, при отсутствии обстоятельств, исключающих производства дознания в сокращенной форме, указанных в ст. 226.2 УПК РФ.

В силу ст. 19 Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности языка и др. В этой связи возникает вопрос о соответствии некоторых уголовно-процессуальных норм, регулирующих сокращенное дознание. Так п.5 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ определяет случай, когда подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство в качестве одного из обстоятельств, исключающих производства дознания в сокращенной форме. В данном случае лицу не владеющему языком, на котором ведется уголовное преследование, заявившему ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, при соблюдении всех условий, предусмотренных п. п.1,2 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ и при отсутствии обстоятельств, указанных п. п.1,2,3,4,6 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ будет отказано в удовлетворении данного ходатайства. То есть рассматриваемое лицо не имеет право на производство дознания в сокращенной форме лишь потому, что оно

не владеет соответствующим языком и тем самым лишается права получения наказания, не превышающего одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного УК РФ за совершенное им преступление в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу.

В этой связи можно рассмотреть и другое обстоятельство, исключающее производство дознания в сокращенной форме, например, подозреваемый является несовершеннолетним. Этот замысел законодателя нам понятен и, по нашему мнению, не подлежит опровержению. В этом случае, конечно, соответственно необходимо в полном объеме производить все следственные и процессуальные действия по сбору доказательств и учитывая возраст несовершеннолетнего в наибольшей степени минимизировать вероятность его самооговора. А что касается щадящего наказания, то для несовершеннолетних и без того предусматривается льготное наказание ст. 88 УК РФ.

Другим примером, противоречащим на наш взгляд, ст. 19 Конституции РФ является п.1 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ. По замыслу законодателя производство предварительного расследования в форме сокращенного дознания возможно лишь в случае, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица. Но на практике случается и такое, что уголовное дело возбуждено по факту совершения преступных действий, а не конкретного лица, и в этом случае сразу после или одновременно вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления виновное лицо установлено и приобрело статус подозреваемого, которое признает полностью свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, не оспаривает правовую оценку совершенного им деяния и ходатайствует о проведении дознания в сокращенной форме. По смыслу п.1 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ такому лицу будет отказано в проведении дознания в сокращенном виде. Тут прослеживается неравноправие лиц, находящихся в идентичном процессуальном положении. Права на сокращенное дознание и соответственно на определенные привилегии будет лишено лицо, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления. По нашему мнению, ст. 226.1 УПК РФ в части касающейся описанной ситуации целесообразно было бы дополнить и отредактировать.

Применение сокращенной формы дознания возможно лишь при условии, что подозреваемый, ходатайствующий о применении указанного порядка производства по делу, полностью признал свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда и не оспаривает правовую оценку деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела.

В УПК РФ сказано, что по уголовному делу, дознание которому производилось в сокращенной форме, судебное производство осуществляется в особом порядке, регули-

рующимся главой 40 УПК РФ. Из ст. 316 гл. 40 УПК РФ следует, что судебное заседание в особом порядке проводится по ходатайству подсудимого и в связи с его согласием с предъявленным обвинением.

При анализе данных уголовно-процессуальных норм возникают некоторые вопросы. В первой рассмотренной правовой норме законодатель ставит условие признания вины, во второй согласие обвиняемого с инкриминируемым обвинением. Разумеется, согласие с предъявленным обвинением и признание вины это не одно и то же.

Обвинение — утверждение о совершении определенным лицом, деяния, запрещенного уголовным законом. Такое утверждение оформляется в виде обвинительного акта или обвинительного постановления (в нашем случае обвинительное постановление), в случае если расследование производилось в форме дознания, и должно содержать, в том числе и описание события преступления. О проведении сокращенного дознания подозреваемый должен заявить ходатайство в течении двух суток с момента, когда ему разъяснили данное право, то есть в самом начале производства дознания, а обвинительное постановление составляется дознавателем уже после того, как все необходимые следственные действия выполнены, то есть ближе к завершению расследования. Таким образом, при разъяснении подозреваемому его права на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, процессуального документа, в котором изложены обстоятельства совершенного им преступного деяния еще не существует. Здесь очевидно, что при вручении подозреваемому обвинительного постановления, он, признавая свою вину в содеянном, может не согласиться полностью или частично с содержанием предъявленного обвинения, что делает невозможным рассмотрение данного дела в особом порядке.

Законодатель предусмотрел только один выход из подобной ситуации — возвращение дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке, что существенно увеличивает процессуальные сроки.

Как уже отмечалось, дознание в сокращенной форме может производиться только при отсутствии исключительных обстоятельств, перечисленных в ст. 226.2 УПК РФ. Также в данной статье указано, что если указанные обстоятельства становятся известны или возникают после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления, лицо в производстве которого находится уголовное дело, выносит постановление о производстве дознания в общем порядке. Одним из таких обстоятельств является основания требующие обращения к производству о применении принудительных мер медицинского характера. Аналогичное постановление о производстве дознания в общем порядке выносит прокурор, решающий вопрос о направлении дела в суд, или судья, когда указанные обстоятельства становятся известны или возникают непосредственно в ходе судебного произ-

водства. Рассмотренная норма УПК РФ противоречит ч.1 ст. 434 УПК РФ, в соответствии с которой досудебное производство в отношении лиц, нуждающихся в применении принудительных мер медицинского характера, должно осуществляться только в форме предварительного следствия. В данном случае при наличии указанных оснований нельзя вернуть дело для производства дознания в общем порядке. Та же самая юридическая коллизия существует и между также ч.1 ст. 434 УПК и ст.ст. 226.8, 237 УПК РФ.

При рассмотрении вопроса коллизий и недостатков уголовно-процессуальных норм, регулирующих сокращенное дознание, следует обратить внимание на обвинительное постановление. Согласно ч.1 ст. 226.7 УПК РФ дознаватель должен указать в обвинительном постановлении обстоятельства, перечисленные в п. п.1—8 ч.1 ст. 225 УПК РФ. Согласно ч.1 ст. 225 УПК РФ дознаватель должен в обвинительном постановлении указать, в том числе, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также мотивы и цели совершенного преступления. Таким образом, законодатель требует указать в обвинительном постановлении обстоятельства, которые по смыслу главы 32.1. УПК РФ «Дознание в сокращенной форме» не требуется устанавливать. Здесь возникает противоречие между требованиями к процедуре сокращенного дознания и содержанием обвинительного постановления. По нашему мнению, решением данной проблемы может служить только пересмотр уголовно-процессуального законодательства.

При анализе гл. 32 УПК РФ, в части касающейся ч.6 ст. 226.7 также выявляются недоработки законодателя. В соответствии данной нормой обвиняемый и его защитник или представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела вправе заявлять, в частности, ходатайства:

- о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления;
- о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям закона.

Тут возникает вопрос насколько ч.6 ст. 226.7 УПК РФ согласуется со п.2 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ. Напомним, что согласно п.2 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ подозреваемый, ходатайствующий о процедуре дознания в сокращенной форме обязан признать свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела. В данной ситуации нам видится, что обвиняемый и его защитник, ходатайствуя о выше сказанном, выражают свое мнение по поводу несогласия с обвинением, тем самым в принципе выходят за рамки проведения сокращенного дознания. И соответственно при несогласии с обвинитель-

ным постановлением, по смыслу гл. 32.1 УПК РФ уголовное дело должно передаваться для производства дознания в общем порядке. По поводу сути и содержания обвинения возражать нельзя, либо это не позволяет рассматривать уголовное дело в суде в особом порядке. В итоге тут очевидна неразрешимая юридическая коллизия.

Свои особенности в производстве сокращенного дознания имеет механизм доказывания. По этому поводу Александров А. С. и Лапатников М. В. отмечают, что введение новой системы средств доказывания в виде «специального» (сокращенного) предмета доказывания при ведении дела в сокращенной форме представляется оправданным [1, С. 18]. Следует сказать, что отдельные ученые отмечают то, что доказывание при сокращенном виде дознания вступает в противоречие с фундаментальными положениями теории доказательств. Так, Доля Е. А. указывает, что анализ упрощений, касающихся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, позволяет сделать вывод о том, что они привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому сокращать явление возможно в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности [2, С. 48] по этому поводу есть и резко негативные суждения. Так, Домкин П. А. полагает, что производство в форме сокращенного дознания (с учетом признания вины подозреваемого в совершенном преступлении, согласия с размером причиненного ущерба и без оспаривания правовой позиции органов власти) фактически освобождает правоохранительные органы от обязанности доказывать виновность подозреваемого в совершении

преступления [3]. По этому поводу Панокин А. М. в своих работах отмечает, что требование к подозреваемому признать свою вину и отсутствие обязанности дознавателя собрать, проверить и оценить доказательства по уголовному делу в полном объеме ведет к усилению инквизиционных начал в уголовном судопроизводстве, возвращает во времена Средневековья, когда признание лицом своей вины ложилось в основу обвинения и считалось достаточным для его осуждения [4, С. 914].

По нашему мнению, признание своей вины в совершении противоправных действий обвиняемым, разумеется, является доказательством по уголовному делу, но оно должно быть проверено путем сопоставления его с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также получении иных доказательств, подтверждающих или опровергающих виновность лица в совершении преступления. Мы согласны с тем утверждением, что механизм доказывания при сокращенном дознании идет в противовес основным положениям теории доказательств.

В заключении можно сказать, что с момента введения дознания в сокращенной форме в УПК РФ прошло сравнительно не много времени, конечно практика применения данной процедуры уже сложилась и сталкивается с юридическими противоречиями. Некоторые из них мы рассмотрели в данной статье. По нашему мнению, для эффективного существования механизма дознания в сокращенной форме, необходимо усовершенствовать, изменять и дополнять уголовно-процессуальное законодательство, избегать юридических недостатков и коллизий.

Литература:

1. Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С.18.
2. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С.48.
3. Домкин, П. А. Дознание в сокращенной форме [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiyurogyadok-doznaniya>.
4. Панокин А. М. «Дознание в сокращенной форме» // Актуальные проблемы российского права. № 5, 2014. — С.914.

Федеральная исполнительная власть в Республике Ирак

Кордуба Светлана Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Ал Саеди Али Джаббар Дешер, магистрант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Статья 63 Конституции Ирака 2005 г. устанавливает, что федеральная исполнительная власть состоит из Президента Республики и Совета министров, которые осуществляют свои полномочия в соответствии с Конституцией и законом.

В современных государствах исполнительную власть осуществляют государственные органы, на которые возла-

гается исполнение конституции, законов, международных договоров, иных нормативных правовых актов. В большинстве государств система исполнительной власти возглавляется двумя высшими органами — главой государства и главой правительства. Это так называемая бицефальная (двуглавая) структура [1, с. 687]. Подобную модель мы видим и в Ираке.

Президент Республики Ирак. Президент Республики Ирак — это глава государства. Глава государства — это «конституционный орган и одновременно, как правило, высшее должностное лицо, осуществляющее верховное представительство государства в международных отношениях и внутривластной жизни страны» [2, с. 362].

Глава государства возглавляет государство, юридически занимает первое место в механизме государства, возглавляет весь государственный аппарат, представляет государство в сфере международных отношений.

А. И. Черкасов отмечает, что «будучи верховным представителем нации, глава государства председательствует на торжественных церемониях, выступает с официальными обращениями, посланиями к нации, действует от имени страны на международной арене. Подобные представительские функции чаще всего реализуются главой государства самостоятельно, поскольку они имеют в значительной степени личностный характер» [3, с. 95].

Президент Ирака является символом национального единства; он олицетворяет суверенитет страны, гарантирует приверженность Конституции, защиту независимости Ирака, единства и безопасности его территории в соответствии с законом.

Президент Ирака занимает свою должность в течение четырех лет и может быть переизбран не более чем еще на один срок.

Кандидат на пост Президента должен отвечать следующим требованиям: быть иракцем по рождению, родители которого иракцы; отвечать условиям избираемости и быть не моложе 40 лет; обладать хорошей репутацией, политическим опытом, отличаться добросовестностью, честностью, справедливостью и преданностью родине; не быть обвиненным в преступлении, затрагивающем вопросы морали.

А. А. Мишин отмечал, что «глава государства в парламентской республике, как правило, избирается парламентским путем, то есть либо парламентом, либо особой коллегией, создаваемой на основе парламента» [4, с. 94]. Такой же принцип действует и в современном Ираке.

Президент Республики Ирак избирается Советом представителей (нижней палатой парламента) из числа кандидатов на этот пост большинством в две трети голосов.

Согласно Конституции Ирака 2005 г. Президент Ирака осуществляет следующие полномочия: 1) предоставляет специальное помилование по рекомендации Премьер-министра, за исключением лиц, обвиненных по частным искам, а также лиц, обвиняемых в международных преступлениях, терроризме, финансовой или административной коррупции или преступлении против прав личности; 2) подписывает международные договоры и соглашения после одобрения их Советом представителей не позднее 15 дней со дня их поступления; 3) подписывает и издает законы, принятые Советом представителей; законы должны быть подписаны не позднее 15 дней со дня их получения; 4) созывает вновь избранный Совет представителей на сессию в период не позднее 15 дней со дня утверждения результатов выбо-

ров или в других случаях, определяемых Конституцией; 5) награждает орденами или знаками отличия по рекомендации Премьер-министра и в соответствии с законом; 6) осуществляет аккредитацию послов; 7) издает президентские декреты; 8) утверждает смертные приговоры, вынесенные соответствующими судами; 9) осуществляет верховное командование Вооруженными силами при проведении церемониальных и торжественных мероприятий; 10) с согласия Совета представителей назначает Премьер-министра и министров.

Что касается формирования Совета министров, то здесь справедливо утверждение А. И. Черкасова о том, что «в парламентских странах глава государства чаще всего может назначить лишь такое правительство, которое располагает поддержкой парламентского большинства» [3, с. 98–99].

Исполнение Президентом Республики своих полномочий заканчивается одновременно с окончанием срока полномочий Совета представителей.

Президент Ирака продолжает осуществлять свои полномочия до завершения выборов нового состава Совета представителей и проведения его первого заседания. Избрание нового Президента проводится в течение 30 дней со дня первого заседания Совета.

Президент Республики имеет право представить письменное заявление об отставке Председателю Совета представителей, которое вступает в силу через семь дней после его передачи в Совет представителей.

Если по какой-либо причине пост Президента оказывается вакантным, проводятся выборы нового Президента, который осуществляет свои полномочия до завершения срока полномочий действовавшего Президента.

Когда по какой-либо причине пост Президента Ирака оказывается вакантным, в том числе в период его отсутствия, его замещает один из трех Вице-президентов. В случае, когда пост Президента Республики является вакантным и когда отсутствует Вице-президент, пост Президента замещает Председатель Совета представителей.

Совет представителей должен избрать нового Президента Ирака в период, не превышающий 30 дней с момента появления вакансии.

Подчеркнем, что в парламентской республике, которой является в настоящее время Ирак, роль Президента вторична по сравнению с ролью Премьер-министра (главы Правительства).

С. Ю. Кашкин, определяя место президента в парламентской республике, пишет: «вместо слабого монарха мы наблюдаем при этой форме слабого президента...» [1, с. 394].

В настоящее время Президентом Ирака является Мухаммед Фуад Масум Хаврами (с 24 июля 2014 г.) — иракский и курдский политический деятель, первый Премьер-министр Иракского Курдистана (с 4.07.1992 г. по 26.04.1996 г.).

Совет министров Республики Ирак. Центральным органом федеральной исполнительной власти в Ираке является

Совет министров (Правительство), состоящий из Премьер-министра и министров. Совет министров (Правительство Ирака) является коллегиальным органом исполнительной власти общей компетенции, отвечающим за реализацию конституции и законов, и осуществляющим руководство всей исполнительной деятельностью в государстве.

Процедура формирования Совета министров характерна для парламентских республик. В парламентской республике правительство формируется парламентским путем из членов партии, располагающей большинством в нижней палате парламента. Участие главы государства — президента — в формировании правительства носит чисто номинальный характер [4, с. 93–94].

В Ираке Президент Республики предлагает кандидату, выдвинутому парламентским большинством, сформировать Совет министров в течение 15 дней с даты избрания Президента Республики.

Премьер-министр должен отвечать тем же требованиям, что и Президент Республики. Он должен иметь диплом об окончании колледжа или его эквивалент и быть не моложе 35 лет.

Назначенный Премьер-министр предьявляет кандидатуры членов Совета министров (кандидатуры министров) и свою правительственную программу Совету представителей. Считается, что он получил вотум доверия Совета представителей, если кандидатура каждого из представленных им министров одобрена поименно, а его правительственная программа утверждена абсолютным большинством голосов.

Премьер-министр несет ответственность за общую политику государства, является Главнокомандующим Вооруженными силами, руководит работой Совета министров и председательствует на его заседаниях. Премьер-министр имеет право отстранять от должности министров с согласия Совета представителей. Поскольку по форме правления Ирак является парламентской республикой, Премьер-министр фактически является первым лицом в государстве.

В соответствии со ст. 77 и некоторыми другими статья Конституции Совет министров осуществляет следующие полномочия: 1) планирует и осуществляет общую политику государства и общие государственные планы; контролирует работу министерств и ведомств, не входящих в состав министерств; 2) вносит законопроекты; 3) издает правила, инструкции и принимает решения по исполнению законов; 4) осуществляет подготовку проекта государственного бюджета, заключительного финансового отчета и планов развития; 5) представляет проект государственного бюджета и заключительный финансовый отчет в Совет представителей для одобрения; 6) представляет для одобрения в Совет представителей кандидатуры на должности заместителей министров, послов и других должностных лиц со специальным рангом; начальника Генерального штаба армии, его заместителей, военнослужащих в должности командующего дивизией и выше; директора национальной разведывательной службы и руководителей учреждений безопасности; 7) проводит переговоры по международным договорам

и соглашениям, подписывает их или поручает подписание этих документов уполномоченным лицам.

Президент Республики занимает пост действующего Премьер-министра в случае вакантности этого поста по какой-либо причине. Президент Республики в этом случае обязан назвать кандидатуру другого Премьер-министра не позднее 15 дней со дня появления вакансии.

Конституция Ирака устанавливает, что Премьер-министр и министры несут коллективную и персональную ответственность перед Советом представителей. В этом проявляется главный признак парламентской республики — правительство несет политическую ответственность перед парламентом или его нижней палатой [1, с. 395].

В настоящее время Премьер-министром Ирака является Хайдер Джавад Аль-Абади (с 10 августа 2014 г.) — иракский государственный и общественный деятель. Член правящей Партии исламского призыва.

Министерства Республики Ирак. Согласно ст. 83 Конституции Ирака 2005 г. структура министерств, их функции, обязанности и полномочия министров регулируются законом.

Министерство — это орган специализированного управления; практически во всех странах в основании публичной администрации находится министерская система, которая строится, как правило, с учетом отраслевого и программно-целевого принципов, с тем, чтобы охватить важнейшие сферы государственного управления и основные направления общественного развития [5, с. 11].

Министерства планируют и организуют работу соответствующей отрасли управления, руководят подчиненными им предприятиями, учреждениями и организациями. Во главе министерства стоит министр, который руководит работой вверенного ему центрального органа исполнительной власти.

В настоящее время в системе федеральной исполнительной власти Ирака функционируют Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство нефти, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство торговли, Министерство туризма и археологии, Министерство по делам миграции, Министерство труда, Министерство сельского хозяйства, Министерство по делам женщин, Министерство здравоохранения, Министерство транспорта, Министерство высшего образования и науки, Министерство по делам молодежи и спорта, Министерство по правам человека, Министерство строительства, Министерство связи, Министерство культуры, Министерство электроэнергетики, Министерство водных ресурсов и др.

В компетенцию Министерства юстиции, в частности, входит управление пенитенциарными учреждениями, в которых содержатся осужденные лица, Министерство внутренних дел отвечает за содержание лиц, заключенных под стражу, на этапе предварительного расследования и суда [6].

Литература:

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2007.
2. Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Афанасьева О. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
3. Черкасов А. И. Глава государства и правительство в странах современного мира. Конституционно-правовое регулирование и практика. М.: Издательство «Экзамен», 2006.
4. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013.
5. Министерства и ведомства: учебное пособие / под ред. А. Н. Козырина и Е. К. Глушко. М.: Норма, 2012.
6. Багреева Е. Г. Об организации пенитенциарных систем в международной практике // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 5.

Проблемные аспекты системы наказаний в отношении несовершеннолетних

Курикова Альбина Олеговна, магистр
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В статье проведено исследование норм уголовного права об ответственности несовершеннолетних. Проведен статистический анализ по видам наказаний в отношении несовершеннолетних. Выявлены проблемные аспекты системы наказаний в отношении несовершеннолетних в Российском уголовном праве за исследуемый период.

Ключевые слова: уголовное законодательство, система наказаний, несовершеннолетний осужденный

Преступления несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных проблем современного общества, ее доля в общей структуре преступности стабильно высока. Наказание является одним из способов реакции общества на противоправное поведение несовершеннолетних. Несовершеннолетний в силу своего возраста является объектом повышенной правовой защиты, об этом свидетельствуют большинство международно-правовых документов. Это определяет особое построение системы наказаний в отношении несовершеннолетних. Основной тенденцией наблюдаемой в современной уголовной политике является расширение сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы, и иных мер уголовно-правового воздействия. Анализ статистических данных последних лет говорит, что только к 2017 году современная уголовная политика России стала приходить к данной тенденции, с предыдущие периоды самым назначаемым видом наказания являлось лишение свободы. В связи с этим стоит вопрос об эффективности видов наказаний в системе наказаний, в отношении несовершеннолетних.

Вопросы уголовной ответственности и наказания в отношении несовершеннолетних регулируется нормами самостоятельной главы УК РФ. Появление отдельной главы связано с возрастными особенностями, спецификой физического, нравственного, культурного и духовного развития. Для несовершеннолетних лиц предусмотрена собственная система наказаний, состоящая из шести видов и включаю-

щая в себя: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. Перечень наказаний существенно ограничен, из тринадцати видов, предусмотренных уголовным кодексом, к несовершеннолетним применяется шесть. Все виды наказаний применяемые к несовершеннолетним имеют пониженный размер и срок, по сравнению с наказаниями предусмотренными для взрослых преступников. Назначение наказания в виде лишения свободы дифференцируется в зависимости от возраста несовершеннолетнего и зависит от степени тяжести совершенного преступления. Однако все они применяются на общих основаниях и по общим критериям.

В соответствии со статьей 89 УК РФ, при назначении наказания несовершеннолетнему учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту, смягчающие обстоятельства равно также как отягчающие.

Проанализируем статистические данные, представленные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ с 2012 по 2016 года (таблица 1).

Статистические данные за 2012–2016 гг. представленные в таблице 1 свидетельствуют о сокращении числа осужденных по всем видам наказаний назначаемых несовершеннолетним, это связано прежде всего с сокращением общего числа осужденных в последние год.

В таблице 2 проанализирован удельный вес назначенных наказаний в общем числе осужденных. Наибольший удельный вес в общей структуре назначаемых наказа-

ний несовершеннолетним за исследуемый период в России имеет лишение свободы на определенный срок (таблица 2).

Таблица 1. Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним (2012–2016 гг.) [4]

	Число осужденных				
	2012	2013	2014	2015	2016
Всего осужденных	32572	29205	23586	22816	23912
Осуждено к видам наказаний:	31313	27925	21595	20431	22394
реальное лишение свободы на определенный срок	5053	4602	3923	3955	3854
условное осуждение к лишению свободы	13531	11487	10176	9449	9313
условное осуждение к иным мерам	578	571	343	296	377
ограничение свободы	984	962	630	573	740
исправительные работы	502	472	295	286	327
обязательные работы	6749	6391	3974	3829	5580
штраф	3916	3440	2253	2043	2203
другие виды наказания (лишение права заниматься определенной деятельностью)	0	0	1	0	0

Таблица 2. Наказания, назначаемые несовершеннолетним осужденным (2012–2016 гг.) [4]

	Удельный вес в общем числе осужденных, %				
	2012	2013	2014	2015	2016
Осуждено к видам наказаний:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
условное осуждение к лишению свободы	43,2	41,1	47,1	46,2	41,5
условное осуждение к иным мерам	1,8	2,0	1,6	1,4	1,6
реальное лишение свободы на определенный срок	16,1	16,5	18,2	19,4	17,2
обязательные работы	21,5	22,8	18,4	18,7	24,9
штраф	12,5	12,3	10,4	10,0	9,8
ограничение свободы	3,1	3,4	2,9	2,8	3,3
исправительные работы	1,6	1,7	1,4	1,4	1,4
другие виды наказания (лишение права заниматься определенной деятельностью)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок является самым строгим видом, который может назначаться несовершеннолетним. Наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления в возрасте до шестнадцати лет, на срок не свыше шести лет. Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше десяти лет и отбывается в воспитательных колониях. Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УК РФ) [1]. Так же, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного

исполнение определенных, обязанностей предусмотренных частью 5 статьи 73 УК РФ, в том случае если несовершеннолетний осужденный, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким (ч. 6 ст. 88 УК РФ). Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» сказано, что «наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения» [2].

Несмотря на эти либеральные положения, приходится констатировать повышение доли этого вида наказания в общем числе осужденных несовершеннолетних с 2012 года (16,1 %) по 2015 год (19,4 %), процент роста составлял 3%, к 2016 году (17,2 %) процент снизился на 2%, но по срав-

нению с базовым 2012 периодом данный вид наказаний вырос на 1,1 %. Процент роста не высокий, но все-таки прямо указывает на частоту назначения данного вида наказания. Лишение свободы продолжает составлять основную часть назначаемых наказаний несовершеннолетним.

Следующим по величине удельного веса видом наказания, не связанным с изоляцией от общества, в структуре наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам, являются обязательные работы. Обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет — трех часов в день.

В 2012–2013 гг. рост составил 1,3 %, а 2013–2015 гг. снижение на 4,1 %, 2016 году отмечается рост на 6,2 % данного вида наказания в общем числе осужденных, что свидетельствует об тенденции увеличения его назначения судами. Практика уже показательная, чтобы судить о его эффективности в отношении несовершеннолетних. Обязательные работы должны стать основным наказанием в рассматриваемой системе, что позволило бы полнее реализовать изложенный в статье 60 УК РФ принцип приоритета более мягких видов наказаний над лишением свободы.

Анализируя приведенные в таблице 2 статистические данные можно утверждать, что другим распространенным видом наказания, не связанным с изоляцией от общества, назначенным несовершеннолетним, является штраф.

Штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия [1]. Данные законодательные изменения и тогда, и сейчас подвергаются критике ряда ученых, был нарушен важнейший принцип индивидуальной виновной (личной) ответственности. За последние пять лет удельный вес штрафа в среднем составляет 11 %. Штраф может быть действительно эффективной мерой уголовно-правового воздействия, но только в том случае, если несовершеннолетний персонально несет ответственность за преступление своим имуществом или заработанными им лично денежными средствами.

Возможность назначения наказания в виде ограничения свободы в отношении несовершеннолетних у суда появилась в 2010 году. Доля данного вида наказания в структуре всех видов назначаемых наказаний несовершеннолетним была относительно стабильна за последние годы и составляла в среднем 2,8–3 %, однако. Данное наказание находится на предпоследнем месте по количеству назначения в рассматриваемой системе наказаний. Полагаем, что ограни-

чение свободы как вид наказания схоже с такими мерами уголовно-правового воздействия, как условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ), ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УК РФ), которые достаточно часто применяются [3]. Удельный вес условно осужденных велик и на протяжении последних пяти лет держится примерно на одном уровне, в среднем составляет 43,8 %.

Данная мера применяется больше всего. Расширению применения ограничения свободы определенно препятствует положение части 2 статьи 53 УК РФ, где сказано, что ограничение свободы как основной вид наказания может быть назначен только за преступления небольшой и средней тяжести, тогда как условное осуждение применяется за тяжкие и даже за особо тяжкие преступления. Суды стараются назначать наказание условно, нежели реально.

Пятым по величине удельного веса видом наказания, не связанным с изоляцией от общества, в структуре наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам, являются исправительные работы.

Анализ статистических данных за последние пять лет показал, что его удельный вес имеет устойчивый, но не высокий показатель и составляет в среднем 1,4 %. Срок исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным составляет до двух лет, что вдвое меньше, чем у взрослых. При назначении обязательных работ их продолжительность ставится в зависимость от возраста (до 15 лет не может превышать двух часов в день, от 15 до 16 лет — трех часов в день). Однако Уголовный кодекс РФ не устанавливает каких-либо возрастных ограничений в применении к несовершеннолетним исправительных работ, отсылая при этом к нормам трудового законодательства. Трудовой кодекс РФ предусматривает заключение трудового договора по общему правилу с лицами, достигшими 16-летнего возраста, а с лицами 14-летнего возраста трудовой договор может быть заключен только при согласии родителей (одного из них) и органа опеки и попечительства. Данное положение несколько тормозит применение данного вида наказания.

В целом можно утверждать, что существующая система наказаний для несовершеннолетних имеет недостатки и нуждается в совершенствовании, поскольку многие ее виды не реализуются на практике. Прежде всего, это касается наказания в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности. Данный вид наказания, следует вообще исключить из системы наказаний, назначаемых несовершеннолетним, поскольку оно длительное время не применяется вообще и подтвердило свою несостоятельность. Вместе с тем, целесообразно расширить применение наказания в виде ограничения свободы. Штраф может быть сохранен только в отношении работающих несовершеннолетних осужденных. Что касается исправительных работ, то считаем целесообразным назначать это наказание с 16 лет, как того требует трудовое законодательство, кроме того, это существенно упростит практику его исполнения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 19 декабря 2016 года № 436-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 52 (Часть V). — Ст. 7485.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29 ноября 2016 года № 56) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2011. — № 4; Российская газета. — № 277. — 2016.
3. Начаева Е. В. Система наказаний в отношении несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35).
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 19.05.2017).

Проблема привлечения к административной ответственности за курение в неполюженном месте

Мальгина Кристина Анатольевна, студент
Оренбургский государственный университет

В современном обществе наиболее пагубной привычкой населения является курение. Риск несут все — как активные, так и пассивные курильщики. В течении времени многие общественные заведения стали подразделять свое пространство на несколько различных областей для курящих и некурящих гостей. Однако данные меры не полностью защищают некурящих людей от пагубного влияния табачного дыма на их организм.

Проведенные исследования во всем мире привели к тому, что стало необходимым ввести закон о борьбе с курением в общественных местах. Большинство населения приняли данную идею с одобрением, в связи с тем, что курение все больше становилось обыденной привычкой, от которой человек сам хотел избавиться, однако сделать этого не получилось. За счет того, что в общественных местах стало запрещено курить, ситуация начала меняться.

После ряда проведенных опросов было определено, что желание курить стало гораздо меньше, чем желание нарушить закон и получить за это соответствующий штраф. В процессе проводимого исследования было определено, что за счет введения данного закона в день люди начали курить приблизительно на три или даже четыре сигареты, что является результатом отсутствия возможности покурить по дороге домой или же во время отдыха в парке.

Принятый и вступивший в силу Федеральный закон от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» позволяет оградить окружающих от дымовой завесы, сделать город чище и помочь курильщикам избавиться от вредной привычки.

В соответствии с изменениями в законе, с 2016 года запрещается курить в следующих общественных местах:

- различный транспорт;
- места временного проживания, такие как общежития или же гостиницы;
- лифты подъездов;
- здания, которые принадлежат тем или иным государственным учреждениям;
- на рабочем месте, если оно находится внутри определенного помещения;
- здания, которые принадлежат каким-либо социальным службам;
- различные торговые объекты;
- помещения транспортной связи, такие как метро, вокзалы и др.

Помимо всего прочего данное законодательство распространяется также на любые объекты, на территории которых действуют специализированные правила пожарной безопасности. В частности, это касается различных пекарен, мест добычи горючих жидкостей и других помещений.

При этом стоит отметить, что в действующем законодательстве 2016 года четко определено, что в тех общественных местах, в которых курение является запрещенным, в обязательном порядке должен быть размещен специализированный знак предупреждения, но при этом должно также присутствовать и специальное место для курящих людей. В данном случае также не отводится просто какое-нибудь помещение, а предоставляется полностью изолированная комната, оснащенная соответствующей вентиляцией. Если же этих условий не соблюдено, то в таком случае на человека накладывается штраф за курение в общественном месте.

Также следует сказать о том, что законодательство 2016 года относится не только к табачным, но еще и к элек-

тронным сигаретам, причем об этом не написано прямым текстом, однако лучше не пробовать рисковать, потому что на самом деле отдельной статьёй запрещается применение так называемых имитаций изделий из табака для того, чтобы впоследствии уменьшить на них потребительский спрос.

Для каждого отдельного табачного изделия в будущем будет определена точная стоимость, в соответствии с которой потребитель и будет его покупать, при этом стоит отметить, что все цены будут рассчитаны в обязательном порядке, учитывая действующий налоговый кодекс. Подобные нормы законодательства предусматриваются по той причине, что правительство собирается избавиться от вредной привычки курения максимальное количество человек, так как они вредят не только своему здоровью, но и здоровью окружающих.

Продавцам и раньше запрещалась реализация табачных изделий среди лиц, не достигших совершеннолетия, однако в 2016 году законодательство серьезно ужесточилось в этом плане, а такие штрафы за курение действительно большие. Теперь в любых фильмах или же передачах запрещается демонстрация курения, а все телевизионные программы, в которых в эфирное время будет замечено курение, будут серьезно оштрафованы. В данном случае единственным исключением является те передачи, в которых изначально рассказывается о том, что курение представляет собой пагубную привычку.

Помимо этого, с июня 2014 года продажа табачных изделий разрешена исключительно в крупных супермаркетах. Особенное внимание компетентными органами уделяется тем местам, в которых сигареты продаются поштучно, потому что именно здесь для себя чаще всего покупают для себя сигареты дети, не достигшие совершеннолетнего возраста.

Тяжесть административного правонарушения зависит от нескольких обстоятельств, совокупность которых отражается на величине штрафа. Кроме непосредственно употребляющих табачные изделия, санкции применяются к торговле табачными изделиями, если присутствуют нарушения. В настоящий момент административными мерами наказания являются:

- 1) детские площадки — 2000—3000 рублей. В том случае, если в процесс курения помимо прочего вовлекаются еще и дети, то в таком случае штраф составляет 5000 рублей;
- 2) курение в неположенном месте (поезде, заправке и т. д.) — 1500 рублей;
- 3) продажа несовершеннолетним — продавец платит штраф 30000 рублей, в то время как компания, на которую он работает, и вовсе будет оштрафована на 150000;
- 4) реклама — 150000 рублей;
- 5) отсутствие в офисе места для курения — 30000 рублей штраф компании;
- 6) штраф за курение в подъезде — 1500 рублей.

Протокол об административном правонарушении за курение в неположенном месте может быть составлен следующими должностными лицами:

- работники ОВД;
- работники транспортной инспекции;
- представители ЖД органов;
- работники организаций общественного транспорта;
- представители метрополитена
- представители санорганов;
- работники МЧС.

При установлении виновности лица, сотрудник полиции составляет протокол о наличии правонарушения, являющийся отправной точкой для наложения взыскания. Несогласный с действиями правоохранительных органов гражданин имеет право отказаться подписать протокол, если считает, что не совершал нарушения. В подобной ситуации, при судебном рассмотрении дела необходимо будет обосновать свою позицию и предоставить веские аргументы.

Нарушителю предоставляется 10 дней, чтобы погасить штраф, в противном случае возникает судебное исполнительное производство. Не существует ограничений по количеству взысканий, протокол может быть составлен неограниченное количество раз.

Правоохранительные и надзорные органы могут предъявлять претензии не только к курильщикам. Например, в обязанность администрации предприятий и учреждений вменено оборудование мест для курения и оснащение запретительными табличками остальных помещений. Должностные лица, не исполнившие новые постановления, штрафуются на 10—20 тысяч рублей, юридические лица подвергаются наказанию в 30—60 тысяч рублей.

При систематических нарушениях и неисполнении полученных предписаний, предприятие может быть закрыто на установленный судом срок. Руководство предприятия получает штраф, который по размерам является максимальной мерой наказания.

После составления протокола гражданину дается 10 дней для возможности обжаловать дело в судебном порядке. Затем суд выносит постановление, в обязанность виновного входит оплата средств в течение 60 дней. Если после общих 70 дней долг не будет погашен добровольно, то в дело вступает исполнительная система.

Если виновный работает и получает заработную плату на банковскую карту, то принудительно могут удерживаться долговые обязательства до 50% ежемесячных поступлений. Отсутствие официального трудоустройства приведет к взысканию задолженности путем ареста движимого и недвижимого имущества должника.

Исходя из выше сказанного можно сделать вывод что, совершенствование законодательства в области охраны здоровья граждан от воздействия табачного дыма, способствует улучшению не только экологического состояния, но и повышению социальной ответственности граждан. Привлечение к административной ответственности физи-

ческих лиц, увеличение штрафов послужит мотивацией в борьбе с курением, а усиление санкций для юридических лиц повлечет за собой возрастание ответственности к здо-

ровью своих сотрудников, поддержание имиджа компании и улучшение экологической ситуации не только отдельных территорий, но и всего государства.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. от 17.02.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.01.2016). — 2001. — Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» от 23.02.2013 № 15-ФЗ (с изм. и доп. от 18.10.2016) — Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».
3. Агапов А. Б. Административное право / А. Б. Агапов. — М.: Юрайт, 2014. — 944 с.
4. Гув А. Н. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях РФ / А. Н. Гусев. — 2011. — Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
5. Малахова Н. В. Общая характеристика административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность ответственность за их совершение / Н. В. Малахова // Правовая идея. — 2013. — № 7. — С. 2.

Инфляция во Вьетнаме: проблемы и подходы

Нгуен Кхань Ха, магистрант

Научный руководитель: Воротникова Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются современные трактовки понятия «инфляция», подходы к определению решений по борьбе с инфляцией. На этой основе анализируется современное состояние и динамика инфляции, оценивается серьезность существующих проблем, даются прогноз и предложения по совершенствованию сдерживанию и контролю инфляции во Вьетнаме.

Ключевые слова: инфляция, гиперинфляция, кредитные ставки дефицит, рецессия, индекс

Inflation in Vietnam: problems and approaches

This article contemplates the modern interpretations of the concept of “inflation”, approaches to the definition of solutions to combat inflation. Based on this, the article analyses the state and dynamics of the inflation of the Viet Nam system, determines how serious the problem, predicts further development and some suggestions for improving the containment and control of inflation in Vietnam.

Keywords: inflation, hyperinflation, interest rates, deficit, recession, index

В экономическом развитии стран, и в частности, во Вьетнаме, инфляция играет огромную роль в экономике. Инфляция, контроль над инфляцией и борьба с инфляцией изучаются во многих странах мира. В развитии рыночной экономики в нашей стране с социалистической ориентацией изучение инфляции, причинно-следственных и антиинфляционных мер играют огромную роль.

Инфляция и общие вопросы

Инфляция обусловлена ростом издержек производства и бизнеса, которые растут быстрее производительности. Это увеличение расходов связано в первую очередь с ро-

стом заработной платы, ростом цен на сырье, устаревшими технологиями. В 1970-х годах из-за высоких цен на нефть рост инфляции был очень высок. Экономический спад шел рука об руку с инфляцией. Таким образом, антиинфляционные меры ассоциировались с антикризисными решениями. С конца 1960-х годов мировая экономика впала в рецессию, а это означает, что экономический рост замедлился, и его роль как движущей силы инфляции существенно понизилась.

Согласно этой теории, структуры инфляция возникает вследствие дисбаланса между накоплением и потреблением, между тяжелой и легкой промышленностью, ме-

жду промышленностью и сельским хозяйством. Дисбаланс в экономической структуре сделал экономику неэффективной, способствуя развитию тех областей, которые требуют более высоких затрат на развитие. С этой точки зрения теория структуры совпадает с теорией затрат.

Такие как теория инфляции, квантовая теория денег. Такие теории предполагают, что инфляция возникает только при повышении уровня цен, что снижает стоимость валюты. Можно сделать вывод, что все эти теории являются ошибочными.

Начиная с 1980 годов, инфляция во Вьетнаме стала «откровенной», т. е. гиперинфляцией с трехзначным повышением цен и достигла в 1986 году 557 %. Это было связано с негативными изменениями в экономике страны.

Кроме того, росла скорость денежного обращения, потому что люди вкладывали средства в золото, товары, и доллары. Вклады в государственный банк не увеличились, а уменьшились, поскольку операционный механизм банков недостаточно отлажен.

Реальная заработная плата населения резко упала во Вьетнаме. До 1985 года рост цен в связи с государственным регулированием был не велик. В 1986 года темп инфляций достиг его предела, заработные платы проиндексированы.

Реальная заработная плата резко упала, поскольку государство не смогло контролировать свободные рынки. При росте государственных цен на 1 %, рыночная цена увеличивается в 1,5 %. Государство не в состоянии предоставить достаточное количество товаров для населения по государственным ценам, поэтому люди вынуждены покупать товары на свободном рынке по более высоким ценам.

Государственные цены всегда ниже цен свободного рынка и растут циклично, поощряя спекуляции и накопление товаров.

Все вышесказанное свидетельствовало о наличии во Вьетнаме гиперинфляции.

Примечательно, что до 1988 года правительство приняло множество антиинфляционных мер и резолюций, но фактически не сдерживало и не контролировало инфляцию.

Рост дефляционных индексов не соответствовал ожиданием государство.

Несмотря на то, что проявление инфляции во Вьетнаме схоже многим другим странам, она имеет свои особенности в силу специфических политических, социальных и экономических условий Вьетнама.

Это инфляция слаборазвитой экономики, в которой государственный сектор занимает доминирующее положение.

В то время как государственный сектор составляет значительную часть в структуре экономики в стране, он составил лишь 30–37 процентов от общего объема общественного производства в 1980-х годах. Заметна одна особенно важная вещь. Государственные предприятия, как правило, вносили в государственный бюджет небольшую сумму по сравнению с той суммой, которую государственный бюджет должен был субсидировать путем компенсации и дота-

ций на погашение кредита. По сути государственная субсидия в три раза превышает сумму, которую государственный сектор выплачивает в государственный бюджет. Народная газета Вьетнама 12.11.1988 года привела некоторые интересные сравнения: В торговом центре Дананг, если бизнесы занимают одинакового размера площади, то государственные предприятия платят государственного бюджета в квартале только 11 миллионов донг, в то время как частные предприниматели должны платить за 351 миллионов донг.

Поэтому предполагалось, что государственный сектор является основным источником доходов, а в 1980-х годах он требовал слишком большого государственных дотаций. Вышеприведенный анализ показывает, что государственный сектор во Вьетнаме занимает преобладающую долю в структуре экономики государственных субсидий, и дотаций; Только частный сектор ведет бизнес, но на его долю приходится небольшая часть экономики.

Одна из причин инфляции заключается в самих экономических институтах во Вьетнаме, функционирующих на базе от широкой государственной собственности и разветвленной бюрократической структуре субсидий. Экономике Вьетнама формируется и развиваются в направлении увеличения издержек, игнорировании спроса и изоляции мирового рынка, что не способствует созданию эффективной бизнес-среды.

Причинами инфляции являются также неэффективные механизмы управление экономики и низкие процентные ставки. Сбережения средства, банков функционируют только как эмитенты изъятий, и не являются источником инвестиций, а финансовая политика включает только сбор и выдачу денег. Эта политика привела к сокращению доходов, дефициту бюджета и росту инфляции.

Причина инфляции, вызвана также объективными условиями, такими как война, стихийные бедствия.

II. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ИНФЛЯЦИЕЙ ВО ВЬЕТНАМЕ

Для осуществления целей индустриализации и модернизации страны повышения благосостояния население должна быть разработана государственная система борьбы с инфляцией. В последние годы эта борьба дала определенные результаты, но, тем не менее высокой инфляции остается велик. Следовательно, сдерживание и контроль над инфляцией остаются важной задачей.

Эффективно использовать ресурсы, повышать производительность труда, сокращать издержки производства. Премьер-министр поручил Министерству планирования и инвестиций координировать свои действия с соответствующими министерствами и ведомствами в целях совершенствования системы управления, обеспечения устойчивого роста; содействовать повышению эффективности производства; поддерживать и совершенствовать государственные предприятия, и содействовать повышению их эффективности, организовывать систему товарооборота и наращивать достаточный объем резервов оборотных средств, и обеспечивать взаимодействие государства с рынком. Со-

здавать благоприятную среду для предприятий, и обеспечивать их участие в здоровой конкуренции.

Продолжить корректировку процентных ставок и обменных курсов в соответствии с требованиями социально-экономического развития в современном периоде. Государственные банки должны тесно сотрудничать с Министерством планирования и инвестиций. Министерство финансов и заинтересованные министерства и ведомства должны сосредоточить свое внимание на решении следующих проблем:

Продолжать развивать рынок капитала, консолидировать рынок казначейских векселей. Государственный банк Вьетнама должен координировать свою деятельность с Министерством финансов в целях обеспечения эффективного финансового управления, способствуя контролю над инфляцией, особенно в Лунного Нового года.

Государственный банк должен строго контролировать: взыскание просроченной задолженности, не ограничивая размер кредита, исключить казначейские векселя в структуре обязательных резервов, и соответственно увеличивать депозит на счету Государственного банка.

Государственному банку Вьетнама необходимо было предварительно ознакомиться с опытом межбанковского валютного рынка для внесения необходимых поправок и дополнений в соответствии с требованиями валютной торговли между банками и экономическими организациями. Государственным банком была осуществлена только по решению премьер-министра.

Государственный банк должен следить за тем, чтобы коммерческие банки сокращали свои ставки кредитова-

ния по сравнению с текущим курсом, чтобы снизить процентную ставку для стимулирующих инвестиции кредитов.

Необходимо обеспечить сокращение дефицита государственного бюджета и добиться увеличения финансового резерва для обеспечения стабильности и а государственного бюджета, чтоб поможет сдержать инфляцию.

Финансовые посредники, таможенные службы и народные комитеты на всех уровнях должны обеспечивать сбор доходов в соответствии с законом. Необходимо осуществлять координация с филиалами на всех уровнях, для контроля за уплатой налогов и бороться с контрабандой и незаконным бизнесом.

Министерствам, местным отделениям и частным структурам надо строго претворять в жизнь решение Секретариата и Резолюции Национального Собрания о реализации антикоррупционной, антикоррупционной, антиконтрабандной и бюджетной деятельности. Государство должно нести ответственность за необыкновенные расходы.

Все меры, разработанные в 80-х годах привели к позитивным результатам, что показало необходимость совершенствования антиинфляционного механизма в настоящее время.

Продолжение совершенствования цели борьбы с инфляцией и сдерживания инфляции является основной целью для экономического роста и развития, обеспечения социальной стабильности и индустриализации и модернизации Вьетнама в ближайшее время. Опираясь на достигнутые за последние годы результаты, в ближайшее время необходимо организовать реализацию следующих основных задач по борьбе с инфляцией.

Литература:

1. Журнал Рыночные цены Вьетнама No. 3—2014 No. 5—2015
2. Журнал Экономическое развитие (10 апреля 2015)
3. Финансовая и Валютная Газета (4 октября 2013)
4. Финансовый ежемесячник
5. Экономическая газета (2016)

Функции прокуратуры в советском уголовном судопроизводстве

Ошуркова Ирина Георгиевна, магистрант;

Хлыстов Евгений Афанасьевич, кандидат исторических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (г. Улан-Удэ)

В данной статье рассматривается проблема определения функций прокуратуры в механизме уголовного судопроизводства в России в советский период развития отечественного государства и права. В результате развития уголовного процесса в СССР прокурор становится ключевой фигурой, постоянно расширяется круг его полномочий, что закреплялось в уголовно-процессуальном законодательстве. Советская модель прокуратуры формировалась под влиянием внутренней политики государства, его основных задач, что сказалось и на содержании функций прокурора.

Ключевые слова: прокуратура, функции прокуратуры, советское уголовное судопроизводство

This article discusses the problem of determining the functions of the Prosecutor in the mechanism of criminal procedure in Russia during the Soviet period of development of Russian state and law. As a result of development of the criminal process in the Soviet Union, the Prosecutor becomes a key figure, constantly expanding the scope of his authority, which was established in the criminal procedure legislation. The Soviet model of prosecution was influenced by domestic policy, its main objectives that influenced the content of the Prosecutor's functions.

Key words: prosecutor's office, prosecutorial functions, Soviet criminal proceedings

Функциональная основа составляет форму и содержание любого государственно-правового института. В обозначенное нами время функции прокуратуры качественно изменились в сторону усиления патернализма. Другими словами, советская прокуратура защищала, в первую очередь, публичные интересы государства, а не служила закону, как было установлено в дореволюционное время в ходе реформы 1864 г.

Развитие историографии по вопросу развития функций прокурорских работников прошло несколько этапов. Если суммировать результаты изучения данной проблемы, то российские исследователи называют четыре основных функций прокуратуры, исходя из стадий уголовного процесса: уголовное преследование, поддержание обвинения, надзорная функция, правозащитная функция. Необходимо отметить, что по истории института прокуратуры в уголовном процессе существует множество научных публикаций, в том числе монографического и диссертационного уровня [17].

Взгляды ученых по вопросу о функциях прокуратуры в уголовном судопроизводстве можно систематизировать на три группы.

Представители первой группы считают, что главное в судебной деятельности прокурора — это обвинение, и только обвинение [9, с.35]. Рассуждения второй группы специалистов свидетельствуют о том, что главной и единственной функцией прокурора в суде является надзор за судебными органами и их деятельностью, что касается обвинительного заключения прокурора, то его составление и поддержание обвинения являются только одной из форм надзора [10, с.58]. Третью группу исследователей судебного уголовного процесса отличает определенный дуализм, они видят в прокуроре и обвинителя в судебном разбирательстве, и представителя надзорного органа [11, с.79]. Думается, что эта двойственность положения института прокуратуры в системе судебного процесса больше соответствует научной истине и логике исторического процесса.

Существование института прокуратуры в советский период берет свое начало в 1922 г. Одним из первых основных нормативных документов стала составленная и утвержденная в июне 1922 года Наркоматом юстиции «Временная инструкция губернским прокурорам». В данном акте были перечислены основные функциональные обязанности прокурора: возбуждение уголовных дел о должностных и хозяйственных преступлениях; контроль за работой органов следствия, включая ГПУ, наблюдение за производством дознания и предварительного следствия; возбуждение по собственной инициативе и по поступающим к нему жалобам

и заявлениям уголовного преследования против должностных лиц и граждан [8, с. 539]. Это стало отправной точкой, в течение десятилетия функции прокуратуры постоянно расширялись.

Важнейшей задачей советского государства стало законодательное оформление функций прокуратуры в уголовном процессе. Первым законодательным актом стало «Положение о судостроительстве РСФСР», принятый 11 ноября 1922 [1]. Согласно данного нормативно-правового акта под контроль и надзор прокуратуры была поставлена деятельность народных следователей в процессе предварительного расследования. Уже здесь мы видим, что кроме обвинительной функции, положение установило и функцию прокурорского надзора за следствием в губернских судах [12, с.3].

Основным общеправовым принципом, который лег в основу формирования прокурорской структуры в государственном механизме Советской России в 1920-е годы, стал принцип законности. В условиях новой экономической политики и авторитарного режима реализация принципа законности означало, что защищались интересы государства, советского общества, отдельных трудящихся. Прокуратура должна была бороться с преступностью, надзирать за соблюдением законов. Надо сказать, что это существенно отличало советскую прокуратуру, где прокуроры судебных палат в основном концентрировались на общем надзоре.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. уделил особое внимание функциям прокуратуры в судебном процессе. Во-первых, кодекс предусмотрел, что прокурор может формировать кассационные жалобы о нарушении прав и интересов всех участников процесса. Во-вторых, в самом судебном разбирательстве, прокурор по кодексу является важнейшей стороной. Его основной задачей стало поддержание обвинения, давал пояснения по содержанию и пунктам протестной жалобы. В-третьих, после завершения судебного разбирательства, суд выслушивал заключение прокурора. В-четвертых, прокурор получил дополнительное право подавать кассационные протесты и письменные объяснения на них и после окончания процесса.

15 февраля 1923 г. была принята обновленная редакция Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [2]. В данной редакции функции прокуратуры в уголовном судопроизводстве были обозначены более четко. 8 и 9 статьи данного кодекса закрепили два главных полномочия прокурорских работников: осуществление уголовного преследования, государственное обвинение. Более того, в течение 1920-х годов после принятия кодекса были внесены

некоторые дополнения, которые существенно расширили функции прокурора, в частности, он теперь мог вести расследование по уголовному делу, осуществлять отдельные следственные действия.

В результате проведенной судебно-процессуальной реформы 1922–1923-х годов получилось, что обвинительные полномочия прокурора оказались на втором плане, прокуроры всех уровней практически не ходили на судебные заседания. Примерный процент присутствия прокурора на заседании народных судов РСФСР во второй половине 1920-х годов составил 10 процентов, на более важных делах при отсутствии прокурора, осуществление обвинения — на 30% заседаний [13, с. 1176–1178].

1930-е годы в развитии советской прокуратуры стали определяющими, произошло конституционное закрепление системы прокурорских органов, то есть возникла иерархия функций прокуратуры, которая имела уже конституционно-правовой характер. Не менее важное значение имело «Положение о Прокуратуре Союза ССР» 1933 г. [3]. Здесь следует отметить, что Прокурор СССР как главное должностное лицо мог сам надзирать за возбуждением уголовного дела, а также поддерживать обвинение в судебном процессе.

Следующим шагом стало первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников, организованное в 1934 г. Прокуратурой СССР. В рамках формирования новой государственной структуры, борьбы с преступностью, в том числе, политической оппозицией, было заявлено, что эпоха упрощенных процедур закончилась и соблюдение процессуальных правил становится обязательным.

С этого времени устанавливались следующие требования к деятельности прокурорских работников (следователей): усилить внимание к изучению и применению нормативной базы судебных дел; проводить следствие по все имеющимся нормативным требованиям к каждой стадии процесса; более скрупулезно собирать вещественные и иные доказательства. Органы прокуратуры осуждались за то, что они проводили общий надзор в ущерб работе над уголовными делами. Указывалось на то, что главная цель прокурорской деятельности — работа над делами в стадии расследования и рассмотрения их судами. В октябре 1938 г. Генеральный прокурор СССР издал приказ, согласно которому присутствие прокурора в судебном заседании и при кассационном рассмотрении дел стало обязательным.

Закон СССР 1958 г. «Основы законодательства об уголовном судопроизводстве» в ст. 20 закрепил прокурорский надзор в уголовном процессе: «Прокурор обязан во всех стадиях уголовного судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Свои полномочия в уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, подчиняясь только закону и руководствуясь указаниями Генерального Прокурора СССР».

Согласно Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. в функции прокурора в уголовном процессе входит: привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления; надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия; участие в распорядительных заседаниях суда; участие в рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях и предоставление заключений по вопросам, возникающим во время судебного рассмотрения; поддержание государственного обвинения в суде при рассмотрении уголовных дел; принесение протестов на незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления суда; дача заключений по уголовным делам, рассматриваемым вышестоящим судом по жалобам и протестам; надзор за исполнением приговоров суда.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 27 октября 1960 г. и введен в действие с 1 января 1961 г. [6, ст. 592]. В соответствии с первоначальной редакцией кодекса санкция прокурора для следователя была необходима при следующих обстоятельствах: 1) при заключении обвиняемого или подозреваемого под стражу (ст. 11 и 96); 2) при применении меры пресечения в виде залога (ст. 89); 3) для производства выемки документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной (ст. 167); 4) для производства обыска (ст. 168); 5) для наложения ареста и выемки почтово-телеграфной корреспонденции в почтовых учреждениях связи (ст. 174).

Кроме того, для принятия решений о прекращении уголовного дела по так называемым нереабилитирующим основаниям по УПК РСФСР 1960 г. требовалось «согласие прокурора». Оно было необходимо в следующих случаях: 1) при прекращении уголовного дела органом дознания или следователем вследствие изменения обстановки (ст. 6); 2) при прекращении уголовного дела с передачей его в товарищеский суд (ст. 7); 3) при прекращении уголовного дела в связи с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8); 4) при прекращении уголовного дела в связи с передачей виновного на поруки (ст. 9); 5) при направлении материалов без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия (ст. 10).

Кроме того, прокурору принадлежало важнейшее правомочие при производстве предварительного расследования — право продлевать процессуальные сроки: срок предварительного следствия, срок дознания, срок содержания под стражей и т. д. (ст. 97, 121, 133). Решающими для судьбы уголовного дела были полномочия прокурора и при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением: он мог утвердить обвинительное заключение, возратить уголовное дело для производства дополнительного расследования или составления нового обвинительного заключения, прекратить уголовное дело, изменить обвинение или составить новое обвинительное заключение, направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу (ст. 213–217).

Анализ положений гл. 18 УПК РСФСР 1960 г. «Надзор прокурора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия» — в сочетании с изложенными выше полномочиями прокурора — не может не привести к выводу о том, что в действительности осуществлялся уже не надзор: сложно объективно надзирать за результатами собственной деятельности. Скорее, со стороны прокурора уже имело место фактическое руководство предварительным следствием и активное участие в нем.

Как было справедливо отмечено в литературе, в УПК РСФСР 1960 г. «прокурор стал ключевой фигурой в уголовном судопроизводстве, сосредоточив в своих руках, по сути, всю полноту обвинительной власти. Закрепленные в законе полномочия позволяли ему в досудебных стадиях уголовного процесса решать любой вопрос о направлении движения уголовного дела» [7, с.109].

Правильные положения о функции прокурора, выступающего в судебном разбирательстве, о его взаимоотношениях с судом излагаются в учебнике для юридических институтов: «Обязанность прокурора принимать меры к устранению нарушений закона со стороны любого участника судебного разбирательства не означает, что прокурор «стоит над судом», что он приходит в суд, чтобы надзирать за судом. Прокурор приходит в суд прежде всего для того, чтобы добиться справедливого наказания судом виновного, удовлетворения обоснованного иска, помочь суду правильно разрешить уголовное или гражданское дело, осуществить правосудие. Но если при рассмотрении и разрешении того или иного дела допускается нарушение процессуального или материального закона, прокурор обязан немедленно реагировать, точно так же, как он обязан реагировать на всякое нарушение закона со стороны другого органа или лица, участвующего в уголовном или гражданском судопроизводстве» [14, с. 168, 169].

Таким образом, в уголовном процессе прокурор является тем же, кем он является во всех областях своей деятельности, — блюстителем законности, стражем закона. Но эту свою основную и общую задачу прокурор осуществляет в уголовном процессе в особых формах, специфическими методами. Деятельность прокурора в уголовном процессе многообразна. Прокурор возбуждает уголовное дело, осуществляет надзор за расследованием дела в процессе дознания и предварительного следствия, причем может и лично совершать следственные действия, направляет дело на рассмотрение суда, участвует в разбирательстве дела судом, изобличает перед судом совершивших преступление лиц, содействует суду в правильном разрешении дела, осуществляет надзор за законностью и обоснованностью судебных приговоров, определений и постановлений.

В самом судебном разбирательстве надзор за соблюдением законов всеми участниками процесса, включая и прокурора, осуществляет суд, разбирающий дело, т. е. состав суда. Положение о прокурорском надзоре в СССР нигде не говорит о надзоре прокурора за деятельностью

суда, в заседании которого прокурор выступает в качестве обвинителя: оно говорит о надзоре прокурора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений суда (гл. IV). Это не исключает того, что на прокуроре лежит обязанность в судебном заседании реагировать на любое нарушение закона, применяя при этом те способы, которые закон предоставляет сторонам для защиты их прав и интересов [15, с.163–166].

Прокурор, выступающий в качестве обвинителя, занимает процессуальное положение стороны и только стороны, его процессуальное положение характеризуется именно тем, что он — сторона, имеющая против себя в процессе равноправную сторону защиты. По содержанию же своей функции, своей деятельности в суде прокурор — орган охраны законности, так как поддержание обвинения в суде есть не что иное, как одна из форм осуществления прокурором своей функции органа надзора за законностью. Действительно, осуществление прокурором надзора за законностью включает привлечение к ответственности нарушителей законности. А так как всякое преступление есть наиболее серьезное и опасное нарушение законности, за которое применяется уголовное наказание, то поддержание прокурором обвинения в суде есть способ осуществления прокурором надзора за законностью и борьбы с ее нарушениями.

Как писал В. М. Савицкий, принципиальная важность прокурора объясняется тем, что в советской модели уголовного процесса: 1) он обязан в случае неисполнения законности принимать соответствующие меры во всех стадиях судопроизводства, 2) он должен реагировать на нарушения закона, от кого бы они не исходили, 3) он обязан реагировать на нарушения в любой их форме [16, с. 86].

Таким образом, в советские годы уголовный процесс развивался преимущественно под влиянием внутренних факторов, и главная задача прокуратуры заключалась в укреплении законности в судебном производстве, используя различные инструменты. Рассмотрение исторического опыта развития функций прокурора в советский период показало, что на разных этапах происходило в целом упорядочивание функций, их расширение как в содержании, так и форме полномочий, вплоть до того, что прокурор стал закрывать всю обвинительную часть.

Функции прокуратуры, несмотря на изменение государственного строя в 1917 г., имели историческую преемственность, они сложились в ходе развития процессуального законодательства в течение XIX — начала XX в., а также в ходе судебно-следственной практики всей системы дореволюционных судов. В результате можно констатировать, что прокуратура пронизывала все стадии уголовного судопроизводства, скрепляла их в единое целое. Надзор и обвинение можно считать главными функциями советской прокуратуры, что в дальнейшем отразилось на статусе российской прокуратуры на современном этапе.

Литература:

1. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 69. — Ст. 902.
2. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. — 1923. — № 7. — Ст. 106.
3. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17.12.1933 г. «Об утверждении Положения о прокуратуре Союза ССР» // Собрание законодательства СССР. — 1934. — № 1. — Ст. 2а.
4. Звягинцев А. Г. История прокуратуры России. Историко-правовой анализ: учебное пособие. — М.: Закон и право, 2010. — 223 с.
5. Крюков В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). — Курск, 2012. — 500 с.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40.
7. Королев Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: монография. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 360 с.
8. Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 44.
9. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. — М.: Наука, 1975. — 383 с.
10. Чельцов М. А. Уголовный процесс. — М., Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. — 624 с.
11. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. — М.: Госюриздат, 1961. — 277 с.
12. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля) // Дореволюционные юристы о прокуратуре. Сборник статей. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — С. 26–101.
13. Еженедельник советской юстиции. — 1927. — № 38.
14. Прокурорский надзор в СССР. Учебник для юридических институтов и факультетов / под ред. М. П. Малярова. — Изд-во «Юридическая литература», 1966. — 330 с.
15. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 191 с.
16. Конституционные основы правосудия в СССР / Ларин А. М., Мельников А. А., Петрухин И. Л., Савицкий В. М., и др.; под ред. В. М. Савицкого. — М.: Наука, 1981. — 360 с.
17. Тугутов Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук / Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова. — М., 2014. — 186 с.

Обеспечение деятельности мировых судей на примере Хабаровского края

Пасечник Артем Анатольевич, магистрант

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Институт мировой юстиции зародился еще в Российской империи. Отмена крепостного права, хаотичность действовавшей судебной системы, которая была создана еще во времена Екатерины Второй, сложность самого судопроизводства, так как для разрешения дел, бумаги проходили путь через несколько ведомств, тем самым процесс увеличивался по времени и трудозатратам.

Определенное значение представляют статусу мирового судьи создатели сборника «Судебные уставы 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны»: «Согласно началам разбирательства у мирового судьи, звание его имеет великую важность в устройстве суда и судебного управления. В его лице дается местным обывателям не только ближайшее средство для разрешения пререканий о праве в делах, требующих прежде всего скорого ре-

шения на месте и наглядного знания местных обстоятельств и отношений, но вместе с тем и посредник для соглашения требований, которые весьма часто только в начале своем кажутся противоположными, но, возникая из взаимных недоразумений, могут быть согласены разъяснением этих недоразумений, при посредстве лица, пользующегося доверием обеих сторон» [6].

На сегодняшний день, мировые суды активные участники осуществления правосудия в Российской Федерации. Однако мировые судьи рассматривают не все категории дел, а лишь те, что определены процессуальными нормативно-правовыми актами, такими как: Уголовно — процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс. Для примера, в гражданском праве к категории дел, разрешаемыми мировыми судьями относятся: выдача судебного приказа,

дела о расторжение брака, дела об определении порядка пользования имуществом, дела по имущественным спорам, с суммой иска не превышающих 50 тысяч рублей и другие.

Анализирую данные категории дел, делаешь однозначный вывод, что мировая юстиция своей деятельностью разгружает районные суды. Ведь основная проблема районных судов — это загруженность и перенапряженность. Поэтому мировые суды и нужны, рассматривая более простые, бытовые дела.

Помимо категорий дел, существует и отличие в обеспечении их деятельности, в отличие от районных судов.

Так, согласно Федеральному закону «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 N 188-ФЗ Мировые судьи в Российской Федерации (далее — мировые судьи) являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации [1]. Финансовое обеспечение, назначение на должность, меры социальной поддержки, материально-техническое обеспечение осуществляются за счет средств субъекта Российской Федерации.

В настоящее время на территории Хабаровского края осуществляют свою деятельность 75 мировых участка. Согласно Постановлению Правительства Хабаровского края от 15.11.2006 N 172-пр (ред. от 18.11.2009) «Об утверждении структуры аппарата мировых судей Хабаровского края» аппарат суда представлен в виде секретаря судебного заседания, секретаря суд, помощника судьи. Обеспечение их деятельность полностью осуществляется за счет средств Хабаровского края, так же как и мировых судей.

В Хабаровском крае уполномоченный орган, организующий работу мировых участков, является Комитет Правительства края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных нотариусов и административных комиссий. В задачи данного комитета входит: Организационное, кадровое, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, государственных нотариусов; Финансовое обеспечение органов местного самоуправления края для осуществления государственных полномочий края по применению законодательства об административных правонарушениях. Функциями данного комитета, в соответствии с Постановлением Правительства Хабаровского края от 21.07.2011 N 238-пр (ред. от 07.10.2016) «Об утверждении Положения о комитете Правительства края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных нотариусов и административных комиссий» являются: обеспечение деятельности судебных участков и государственных нотариальных контор и принятие мер по ее совершенствованию; осуществление взаимодействия с различными органами государственной власти разных уровней; организация делопроизводство и архив на судебных участках края; организация проведения конкурсов в соответствии с действующим законодательством для формирования кадрового резерва и замещения вакантных должностей гражданской службы Комитета, аппарата мировых судей; осуществление в соответствии с действующим

законодательством организационного обеспечения медицинского обслуживания, санаторно-курортного лечения работников Комитета, аппарата мировых судей; организация и осуществление материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, государственных нотариусов; осуществление планирования капитального и текущего ремонта зданий (помещений), занимаемых мировыми судьями и работниками аппарата мировых судей края, государственными нотариусами, организация своевременного и качественного проведения ремонтных работ, а также надлежащую эксплуатацию этих зданий (помещений) в соответствии с действующим законодательством; обеспечение мировых судей программными средствами, необходимыми для ведения судопроизводства, делопроизводства, судебной статистики, работы архива, а также обеспечение мировых судей и государственных нотариусов информационно-правовыми программами, периодическими печатными изданиями и нормативно-справочной литературой [2].

Анализируя вышеуказанное Постановление правительства Хабаровского края, можно заметить особенность, что обеспечением деятельности судов занят орган исполнительной власти, тогда как Конституцией Российской Федерации провозглашено разделение властей и независимость судебной власти. Между тем возложение финансирования расходов и материально-техническое обеспечение на органы, относящиеся к различным ветвям государственной власти, порождает неопределенность и неоднозначность в создании условий для обеспечения правосудия, исключает единый подход в осуществлении организационного обеспечения деятельности мировых судей в различных субъектах РФ [4]. В связи с этим следует согласиться с А. А. Гравиной, выступающей за создание специальных подразделений при управлениях Судебного департамента и его территориальных органов в субъектах РФ для осуществления организационного обеспечения деятельности мировых судей [3]. Аналогичную позицию высказал и Генеральный директор Судебного департамента г. Москвы А. В. Гусев, выступая с отчетом на VII Всероссийском съезде судей о деятельности Судебного департамента при ВС РФ в 2005—2008 гг., где отметил существование кадровых, организационных, финансовых проблем, обусловленных сложной правовой природой института мировой юстиции, несовершенством и противоречивостью законодательной базы. Правовая неурегулированность этих вопросов приводит к тому, что два государственных органа (федеральный и субъекта РФ) вынуждены параллельно заниматься вопросами обеспечения мировых судей и отчетностью об их деятельности. Позиция Судебного департамента по данному вопросу такова: для мировых судей, входящих в единую систему судов общей юрисдикции, целесообразно иметь одну общую модель организации и обеспечения их деятельности; Судебным департаментом создан достаточный кадровый, организационный, ресурсный потенциал для решения этих вопросов [5].

Работа Комитета Правительства края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных но-

тариусов и административных комиссий по организации и обеспечению деятельности мировых судов строится на плановой основе и базируется на комплексе мероприятий по формированию и надлежащей постановке отдельных направлений деятельности Комитета. С целью рационального распределения функций и реализации полномочий управления разработаны структура и штатное расписание Комитета

В заключение стоит привести слова Д. А. Фурсова: «В ходе современной судебной реформы на протяжении

последних полутора десятков лет наметились общие улучшения, которые создают более благоприятные условия для отправления правосудия. Качественно повысилась материально-техническая оснащенность всех судебных учреждений, улучшилось содержание судей, усилена специализация в их работе, принимаемые судебные акты имеют открытый доступ, являются общим достоянием» [7]. Исходя из этого, создается понимание, насколько важна роль именно «организатора» деятельности судов по осуществлению правосудия.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.12.1998 N 188-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О мировых судьях в Российской Федерации» // СПС «Консультант» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/0e68c4f747fba694acde10824f7ba65720201809/ (Дата: 30.03.2017 г.)
2. Постановление Правительства Хабаровского края от 21.07.2011 N 238-пр (ред. от 07.10.2016) «Об утверждении Положения о комитете Правительства края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных нотариусов и административных комиссий» // СПС «Консультант»
3. Гравина А. А. Правовые проблемы организации и деятельности мировых судей в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. N 4. С. 40, 41.
4. Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. А. «Правовые проблемы организации и деятельности мировых судей в Российской Федерации» Указ. соч. С. 113
5. Отчет Генерального директора Судебного департамента А. В. Гусева VII Всероссийскому съезду судей о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2005–2008 годах // Российская юстиция. 2009. N 1. С. 35–42.
6. Страхов С. Е. Особенности статуса мировых судей в дореволюционной России: расцвет и упадок // Мировой судья. 2016. № 1. С. 5–10.
7. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам: В 3 т. М.: Статут, 2009. Т. 1. Теория и практика организации правосудия. С. 141, 142.

Понятия «добросовестность» и «добросовестный приобретатель» в правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации

Петрова Мария Васильевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, гражданское право, презумпция добросовестности

Положение добросовестного приобретателя на протяжении веков представляет собой одну из наиболее спорных проблем в науке гражданского права. Изучение развития положений о защите прав этого участника гражданского оборота представляет собой весьма интересную задачу, как с точки зрения законодательных установлений (начиная с римского права и заканчивая положениями законодательства зарубежных стран континентальной Европы и стран системы общего права), так и с точки зрения доктрины.

Данная проблема, представляющая собой один из «труднейших и новейших вопросов права, глубоко затрагивающих уклад человеческих отношений», с конца де-

вятнадцатого века находилась в центре внимания виднейших европейских, в том числе и российских цивилистов.

В советский период развития отечественной цивилистики данный вопрос несколько утратил свою актуальность в связи с существенным снижением роли гражданского оборота и сведения значения данного вопроса к весьма ограниченной сфере обращения имущества, находящегося в личной собственности граждан, в то время как в отношении государственной собственности действовал принцип неограниченной виндикации, в том числе и от добросовестных приобретателей.

Современная правовая доктрина содержит огромное количество односторонних и противоречивых точек зре-

ния относительно понятия добросовестности, существования добросовестности как принципа. Особую проблему ученые видят в реализации субъективного права добросовестного приобретателя. Многообразие точек зрения в литературе говорит о безусловной актуальности.

Принцип добросовестности имеет большое значение для частного права, в частности, гражданского права. Так, в п. 5 ст. 10 ГК РФ закреплено, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (презумпция разумности и добросовестности) [1].

Более глубоко понять смысл позволяет п. 1 статьи 401 ГК РФ, хотя в ней и не содержится понятия добросовестности, но сам принцип реализуется: «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» [2].

Также ценную информацию в понимании смысла добросовестности несет Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3]. Он не содержит определения термина «добросовестность», но зато раскрываются случаи недобросовестной конкуренции, за которые предусмотрено наказание. В данном случае под недобросовестностью понимается приобретение лучшего положения по сравнению с другими участниками оборота продукции, путем причинения вреда конкурентам с использованием незаконных и аморальных способов. То есть категорию «добросовестность» можно установить через противоположную категорию «недобросовестность». В литературе зачастую категории «добросовестность» и «добропорядочность» разделяются одинаковым содержанием.

Принцип добросовестности в гражданском праве появился сравнительно недавно. Легальное закрепление данного принципа произошло с внесением поправок в ГК РФ на основании Федерального закона от 30.12.2012 № Э02-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Так, еще в Древнем Риме во II в. до н. э. римские деятели пытались дать определение данному понятию. Марк Туллий Цицерон дает следующее определение: «Справедливость в вопросах доверия именуется добросовестностью» [4].

С одной стороны, добросовестность выступает в субъективном значении (как незнание фактов), с другой, в объективном (как стандарт поведения). В субъективном смысле исследуемое понятие используется в вещном праве (институтах виндикации, приобретательной давности, переработки), в объективном — в институте аналогии права и отдельных статьях ГК РФ (статьи 53, 602, 662 ГК РФ). Последнее значение добросовестности не получило достаточной разработки в цивилистике и поэтому его исследование является весьма актуальным.

В отличие от правовых систем большинства государств мира, российское гражданское право не признает за добросовестностью роли общего требования. Она вводится

законодателем в отдельные правовые нормы и делает возможной более свободную оценку судом различных обстоятельств. При этом ни закон, ни наука не сформулировали единого понимания такого стандарта.

Добросовестность в объективном значении есть соответствие правилам поведения, которые приняты и поощряются в обществе, но не досрочно по силе до источников права. Добросовестность при таком ее понимании занимает промежуточное место между моралью и правом; в отличие от подвижных моральных постулатов ее правила более конкретны и формируются только в области правовых отношений; от источников права они отличаются тем, что не имеют обязательной юридической силы и не действуют без прямого указания со стороны закона. Тем не менее, дозволительная направленность гражданско-правового регулирования и возникновение в этой области разнообразных отношений делают обоснованным в специально предусмотренных случаях привлечение данных правил в качестве источника для регламентации общественных отношений. В силу указанной специфики можно именовать добросовестность в объективном смысле источником «последней очереди»

Особого внимания заслуживает тот факт, что в российском гражданском праве правила добросовестности обозначаются тремя различными способами.

Во-первых, законодатель использует непосредственно понятие добросовестности в объективном смысле (ст. ст. 6, 53, 602, 662 ГК РФ). Это означает возможность использования для решения тех или иных вопросов поощряемых и применяемых в обществе правил поведения, хотя и не имеющих силы источника права.

Во-вторых, законодатель использует понятие «обычный», как-то: обычная цена (статьи 468, 524, 796 ГК РФ), обычное использование (ст. ст. 470, 713, 721, 723 ГК РФ), обычные сроки (ст. ст. 853, 889 ГК РФ) и т. д. Таким способом обозначается сложившаяся в той или иной области практика, не получившая отражения в нормах права, но могущая быть использованной в правовой сфере при прямой отсылке к ней со стороны закона.

При этом необходимо различать понятия «обычный» и «разумный». В подавляющем большинстве случаев понятие «разумный» используется применительно к тем условиям, которые не являются сложившимися в обществе, а определяется самими контрагентами, так как относится не к нормальному течению оборота, а к нарушению тех или иных договорных условий. С нарушением договорных обязательств связаны понятия разумного срока (ст. ст. 464, 466, 468, 475, 477, 480, 483, 495 ГК РФ), разумных расходов (ст. ст. 520, 530, 744 ГК РФ), разумной цены (ст. ст. 524, 735 ГК РФ) и т. д. Таким образом, понятие «разумный» используется в непредвиденных ситуациях, когда обычная практика отсутствует, но условие необходимо стандартизировать, по меньшей мере, так, как его определил бы «средний» человек. Понятие «обычный», наоборот, указывает на правила, складывающиеся в рамках нормального тече-

ния оборота в силу многократной повторяемости, но применяемые исключительно по прямому предписанию закона.

В-третьих, законодатель использует понятие «обычно предъявляемые требования». Под ними подразумеваются правила добросовестности, достигшие характера требований, но также применяемые по прямому указанию закона. Их привлечение в отдельных нормах в качестве источника «последней очереди» позволяет гибко определять такие параметры, которые в большинстве случаев являются устоявшимися в практике, но не могут быть прописаны в законе из-за их многообразия, как-то: стандарты комплектности (статьи 478, 519 ГК РФ), порядок передачи и получения товара (ст. 484 ГК РФ), осуществления платежа (ст. 485 ГК РФ) и т. д. Все три описанные слоя правил имеют различную степень сформированности, но охватываются общей идеей добросовестности в объективном смысле, поскольку привлекаются законодателем в специально предусмотренных случаях для придания гибкости правовому регулированию.

Разрешение гражданских дел приобретает новый смысл, в связи с появлением принципа добросовестности. Достаточно часто данный принцип рассматривается при разрешении трудовых споров между работниками и работодателями, но и не менее часто встречаются дела, в которых доказывается добросовестность приобретателя какой-либо вещи. Однако добросовестность порой бывает сложно доказать, так, согласно п. 38 Постановления от 29 апреля 2010 г. Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 и Пленума Высшего Арбитражного

Суда Российской Федерации № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [5] — приобретатель признается добросовестным, если докажет, что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества. Ответчик может быть признан добросовестным приобретателем имущества при условии, если сделка, по которой он приобрел владение спорным имуществом, отвечает признакам действительной сделки во всем, за исключением того, что она совершена неуправомоченным отчуждателем

Отмеченная многозначность исследуемого понятия порождает в законе явление омонимии, негативно сказывающееся на четкости его понимания и строгости применения.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит в себе определения понятия «добросовестность», но предельно ясно раскрывает категорию «добросовестный приобретатель». Им признается лицо, которое не знало и не могло знать о том, что лицо, у которого оно возмездно приобрело имущество, не имело права такое имущество отчуждать [6]. Как правило, законодательство всегда стремится к определенным понятиям, однако термин «добросовестность» считают абстрактным понятием. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о невозможности единого определения добросовестности в ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ. // (ред. от 28.03.2017).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. — 1994. — № 238—239.
3. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.17).
4. Цицерон. Речь в защиту Луция Корнелия Бальба: приложение / пер. В. О. Горенштейна // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/cicero/oratio/balbus-f.htm>
5. Постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8.
6. «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.17).
7. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017).

Реализация проекта электронного правительства в условиях административной реформы в Российской Федерации (на примере Московской области)

Просина Анастасия Сергеевна, аспирант;
Просина Мария Сергеевна, студент
Московский государственный областной университет

В данной статье рассматривается тема внедрения механизмов электронного правительства в повседневную жизнь в ходе проводимой административной реформы в Российской Федерации. Методика применения электронной формы взаимодействия обеспечивает прозрачность работы органов власти и оперативное решение задач. В статье раскрываются процессы внедрения методики электронного правительства на территории Московской области. А также преимущества и недостатки электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, административная реформа, интернет, исполнительная власть, Московская область, государственные услуги, государство

XI век технологий задает тенденции и в сфере управления государством. Взаимодействие между институтами власти, бизнесом и населением все чаще переносится в плоскость интернет-технологий. Возникновение такого проекта, как «электронное правительство» призвано обеспечить равный доступ к информации о деятельности органов власти, к государственным услугам для частных лиц и бизнеса.

Интернет — технологии проникают во все сферы жизни общества. Однако помимо удобств такой способ организации управления и взаимодействия все еще несет в себе определенную долю риска. Информация в XXI веке — один из самых дорогих «ресурсов» общества и государства. И перед государствами, практикующими внедрение электронного метода управления, стоит задача обеспечить информационную безопасность.

С переходом к ценностям постиндустриального общества — общества знаний, современное государство перестает быть аппаратом управления и подавления. Происходит постепенная переквалификация государства в институт, обеспечивающий безопасность граждан, предоставляющий гражданам качественные услуги для реализации их прав и свобод. Несомненно, такой продукт, как «электронное правительство» присущ странам с демократическим принципом управления, где эффективно функционируют институты гражданского общества и где уровень политической культуры населения постепенно повышается.

Учитывая обширную территорию Российской Федерации, внедрение электронного правительства в повседневную жизнь органов власти и граждан, — является современной необходимостью. Создание электронного правительства в России напрямую зависит не только от развития технологий передачи данных, но и от проводимой в нашей стране административной реформы, официальный старт которой дал Указ Президента в 2003 году. [2]. Помимо этого, такие исследователи реформы, как Т. Я. Харбиева [4], определяют конечный результат административной реформы, как автономное управление государственным механизмом. Разумеется, электронное правительство будет этому только способствовать.

Возникновение электронного правительства в России авторы статьи рассматривают как один из этапов административной реформы. С точки зрения подхода к государственному аппарату, как к институту, предоставляющему государственные услуги, создание электронного правительства — оправданная и необходимая мера в рамках административной реформы. Электронное правительство обеспечивает наиболее эффективное взаимодействие между институтами государства, гражданами и бизнесом. Еще одной чертой электронного правительства, как продукта реформирования системы власти является сокращение чиновничьего аппарата вследствие перевода документооборота в электронную плоскость и оказание услуг посредством автоматизированных систем.

Одним из наиболее фундаментальных решений в рамках внедрения проекта электронного правительства в России стало создание многофункциональных центров (МФЦ). Кроме того, это стал заметный этап административной реформы, проводимой в стране. Создание МФЦ обусловлено такими задачами электронного правительства, как повышение качества и доступности государственных услуг, эффективности деятельности органов власти, повышение открытости и прозрачности этой деятельности для общественности. Деятельность МФЦ осуществляется на основе Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3]. Государственные и муниципальные услуги в многофункциональных центрах оказываются по принципу «одного окна», многие из услуг предоставляются в электронной форме. Распространение положительного опыта работы многофункциональных центров по всей территории Российской Федерации позволяет значительно сократить чиновничий аппарат, вследствие чего сокращаются затраты государства на содержание государственных и муниципальных служб и структур. С точки зрения пользователей, внедрение проекта МФЦ значительно упрощает и ускоряет процесс получения услуг. Нет необходимости в очередях — ведется электронная запись, институты государственной и муниципальной власти, вернее их услуги находятся и предоставляются в одном месте.

В Московской области проект многофункциональных центров запущен в 2013 году в соответствии с Постановлением Правительства Московской области [1]. На сегодняшний день в области действуют более 300 центров оказания государственных и муниципальных услуг. Однако многофункциональные центры хоть и используют технологии электронного документооборота, оказания услуг в электронном виде, все же гражданам необходимо физически присутствовать в месте оказания услуги. Это одно из очевидных неудобств многофункциональных центров. Кроме того, часто возникает вопрос компетентности сотрудников МФЦ — должны ли быть они универсальными специалистами, либо оказывать только конкретно закрепленную за ними услугу.

Идея электронного правительства эффективно реализуется большинством органов исполнительной власти федерального уровня. У каждого федерального института власти есть свой сайт, на котором граждане могут получить необходимую информацию о деятельности этого органа власти, посмотреть список оказываемых услуг. Кроме того, все органы исполнительной власти в рамках обеспечения прозрачности деятельности выкладывают на своих профильных сайтах отчеты о работе за определенный период времени [5].

Для удобства пользователей наиболее востребованные услуги, которые оказывают институты федеральной исполнительной власти, собраны на специализированном сайте государственных услуг — gosuslugi.ru [8]. В каталог этого сайта включена информация и оказываемые услуги от 30 министерств и 60 ведомств. Бесспорно, это заметно облегчает взаимодействие граждан с институтами власти.

В Московской области за предоставление услуг в электронном виде на уровне региона и муниципалитетов отвечает также сайт uslugi.mosreg.ru [6]. Главным недостатком, который отмечают пользователи подобных порталов, является ограниченный спектр предоставляемых услуг, кото-

рый можно получить без подтверждения личности. Чтобы получить доступ к другим видам услуг необходимо сначала пройти регистрацию и подтвердить личность в аффилированных структурах (например, Почта России). То есть, как и в случае с МФЦ, необходимо физическое присутствие гражданина.

Еще одним типом, так называемого института электронного правительства можно назвать сайты, созданные для обеспечения эффективного взаимодействия профильных органов власти с населением. В Московской области таким сайтом является «Добродел» [7]. Сама идея сайта является частью развития гражданского общества. Данный тип института электронного правительства позволяет населению в оперативном порядке заявлять о проблемах. Портал организован так, что сообщение о проблеме автоматически направляется в орган власти, который непосредственно отвечает за данную тематику. При этом предусмотрен срок реагирования на сообщение — до 8 дней — организована жесткая система контроля просрочек. После получения ответа заявитель подтверждает, решена ли его проблема. Если проблема не решена, она будет снова направлена на рассмотрение. Таким образом, чиновники не могут просто давать отписки, а вынуждены решать проблему по существу. За год своего существования с октября 2015 года, портал «Добродел» решил около 100 тысяч проблем. Такой результат является важным показателем не только слаженной работы электронного правительства, но и повышением гражданской активности населения, перехода к постиндустриальному обществу — обществу услуг.

Подводя итог, отметим, что внедрение электронного правительства в повседневную жизнь, как часть проводимой административной реформы, — не прекращающийся, планомерный процесс, направленный на повышение эффективности работы органов власти и благосостояния граждан страны.

Литература:

1. Постановление Правительства Московской области № 777/42 от 27 сентября 2013 года «Об организации предоставления государственных услуг исполнительных органов власти Московской области на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, а также об утверждении перечня государственных услуг исполнительных органов государственной власти Московской области, предоставление которых организуется по принципу «одного окна», в том числе на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, и рекомендуемого перечня муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области, а также услуг, оказываемых муниципальными учреждениями и другими организациями, предоставление которых организуется по принципу «одного окна», в том числе на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг».
2. Указ Президента РФ № 824 от 23 июля 2003 г. «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 годах».
3. Федеральный закон РФ № 210-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
4. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. (ред.) Административная реформа в России: научно-практическое пособие. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2006. — 352 с.
5. <http://kremlin.ru/> — официальный сайт Президента Российской Федерации.

6. <https://uslugi.mosreg.ru/> — портал государственных услуг Московской области.
7. <http://vmeste.mosreg.ru/> — интернет-портал «Добродел».
8. <http://gosuslugi.ru/> — официальный интернет-портал государственных услуг.

Зарубежный и отечественный опыт борьбы с наркопреступностью

Пшонко Маргарита Олеговна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

На сегодняшний день правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических, психотропных веществ и их прекурсоров таят в себе реальную угрозу, как для всемирной безопасности, так и для здорового функционирования отдельных стран. Изучение преступных деяний такой категории, которые совершены в нашей стране за недавние пару лет, наглядно представило, что имеющиеся меры по предотвращению этих правонарушений не могут считаться действенными.

Нужда систематичного взаимодействия зарубежных блюстителей правопорядка с отечественными коллегами, в момент противоборства с транснациональным криминалом, призывает государственных служащих профессионально решать поставленные задачи, быть готовыми осмыслить и определить нестандартные подходы к правоохранительной деятельности.

Великое Герцогство Люксембург служит образцом государства, в котором органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, обладают глубокими постижениями для борьбы с преступлениями, с успехом применяющимися на практике, гарантирующими высококлассное обеспечение законности и правопорядка для существования правового государства.

Весомыми для государства и общества можно считать плоды Великогерцогской полиции, в период нулевых годов двадцать первого века, связанных с проблемным вопросом потребления наркотиков и как результат - острым увеличением криминогенных ситуаций в стране. В это время в Западную Европу из Марокко, Нигерии, Кот-д'Ивуара и иных государств Африки, под маскировкой политических беженцев, как бомба замедленного действия, стали съезжаться эмигранты. Решившие начать новую жизнь в Люксембурге, некоторые из них сформировали интернациональную сеть поставки на новую точку обитания наркотиков из всевозможных частей света. Сперва, эмигранты наполнили эту маленькую европейскую страну каннабисом, иными психоактивными веществами, доставленными из Нидерландов и Марокко. После криминальные сообщества стали налаживать поставку «экстази» и амфетаминов уже из Бельгии. Сквозь морские порты Испании и Португалии и из стран Латинской Америки в Люксембург начал попадать кокаин. Через территории Турции, Румынии, Польши и Болгарии из Афгани-

стана — героин. Старание правоохранительных органов Великого Герцогства противоборствовать группировкам наркоторговцев устарелыми, но давно привычными способами не производило видимых плодов. Лица, занимающиеся поставками наркотиков, с легкостью обводили пограничный контроль и таможду, применяя изощренные методы укрытия подпольной продукции и бизнеса.

Есть интересный факт из практики: кокаин, который был получен из листьев коки, в нелегальных лабораториях Латинской Америки под действием химической реакции превращался в полноценную составляющую обычного пчелиного воска, пластика или другого невинного сырья, а после, непосредственно в Европе, в иной нелегальной лаборатории возрождался в свое производное состояние. Одной из проблемных, для полицейских, становилась задача по поимке наркодилера с поличным в ходе сбыта своей продукции. Обычно для торговли наркотиками дилер отдавал предпочтение пунктам, труднодоступным для правоохранительных органов — сделки происходили на территории частных квартир, кафе, баров.

Продавец перед продажей фасует вещество по небольшим пакетикам, которое затем прячет в рот. При аресте наркодилер обычно пытается съесть пакетики, чтобы у полицейских не было основных доказательств. Продавцы наркотиков вовлекали народ, охватывая все слои общества, однако самым легко втягиваемым в авантюры оказалось подрастающее поколение Люксембурга. Дилеры, сбывая жертвам сперва высококачественный «провиант», по высоким ценам, после снижали уровень чистоты продукции и реализовывали порошок по той же цене, но уже с наименьшим содержанием психоактивного компонента. Поэтому, когда наркозависимый снова закупал качественный товар, «доза» с большим содержанием наркотика часто подвергала наркомана гибели из-за передозировки. Больные люди, зависимые от наркотиков, осуществляли налеты на своих беззащитных сограждан и родных, захватывали их имущество, иногда практически бесценное для семей, с целью сбыть похищенное и на полученные средства купить «дозу».

Правительство доверило 11 своим министерствам и 13 ведомствам сплотить старания в противодействии незаконному обороту наркотиков, образовать коллективное с неправительственными объединениями, представителями

гражданского общества реализацию программ по предупреждению наркомании и лечению наркозависимых.

Министерству юстиции была поручена задача по подготовке законопроекта усиливающего уголовную и административную ответственности за производство и распространение наркотиков, направить в нужное русло деятельность по повторной социализации и адаптации лиц, которые отбывают наказание и готовятся к освобождению из мест лишения свободы. Специально созданная общественная рабочая группа под руководством Министра здравоохранения страны координирует действия органов государственной власти и добровольных общественных организаций по поручению правительства. Чтобы антинаркотическая политика была проведена достаточно полно и успешно, правительство создало «агрегированный» бюджет, который в последующем увеличило более чем на 300 %, и который выразился в объединении финансов министерств и ведомств, вовлеченных в осуществление государственной политики. Министерство внутренних дел Люксембурга удостоилось особого места в совершении государственной стратегии антинаркотической политике.

Парламент по своей инициативе внес изменения и поправки в основной Закон 1973 года «О продаже лекарственных веществ и борьбе против наркомании», декриминализирующие использование каннабиса в малых количественных дозах, вместе с тем умножили предела административного и уголовного наказания за производство, распространение наркотических средств и психотропных веществ «тяжелого» ряда, таких как героин, кокаин, ЛСД, экстази и др. Данные изменения были внесены в Кодекс уголовного права и Кодекс уголовного расследования, которые увеличили размеры штрафов и сроки лишения свободы, новации затронули также сферу совершения преступлений, связанных с производством и распространением сильнодействующих наркотиков. Вместе с тем, положительная трансформация уголовного законодательства предопределила своеобразную поблажку для лиц, которые совершили нетяжкие преступления и которые самостоятельно приняли решение по реабилитации от наркозависимости, в виде отсрочки осуществления приговора или замену тюремного заточения. Исходя из норм закона, судье предоставляется право заменить санкцию, проявляющуюся в виде лишения свободы, неукоснительным исполнением другой санкции — прохождением лечебного курса, или на период полной лечебной ресоциализации лица притормозить претворение приговора в жизнь. По решению судьи контроль за поведением преступника может выполняться благодаря заурядному устройству в виде браслета, который надевается на ногу правонарушителя, и системы электронного наблюдения, ограничивающих свободу перемещения.

В соответствии с поправками, внесенными в закон и указами Великого Герцога, устремленными на согласованность в отношениях в сфере госпитализации наркозависимых лиц, врачи получили возможность применять

заместительную терапию — введение в организм больного, страдающего острой необходимостью принять наркотик, таких средств как метадон, диацетилморфин, бупренорфин. Покупка лекарств, имеющих в своем составе наркотические средства и психотропные вещества, через различные медицинские и аптечные организации, исходя из изменений в законодательстве поменяли свой порядок реализации. Теперь лекарственные препараты можно приобретать только по выписанным, лечащим врачом, рецептам. В Люксембурге запрещена продажа и использование средств, которые способны уменьшать или искажать величину содержания наркотика в крови или моче человека. На законодательном уровне были введены нормы, контролирующее отбывание тюремного срока лицами, получившими осуждение за совершение преступлений в состоянии наркотического опьянения. Государство считает необходимым поощрять ту категорию заключенных, которые в тюрьме сумели избавиться от наркотической зависимости. Власти предусмотрели для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, меры обеспечительного характера: производится официальное трудоустройство, и предоставляется жилье, но с оговоркой — гражданин постоянно находится под контролем полиции. Национальный комитет по социальной защите лоббировал открытие в столице и в провинции центров реабилитации, имеющих такие названия: «палата для потребления», «загрузочный банк». Пациентам, страдающим пагубной привычкой потребления наркотиков, в этих центрах предоставляются новые шприцы, применяющиеся для потребления наркотиков, стационарный уход, дешевизна в питании и обслуживании. Власти считают, что в таком случае наркоманы не станут укрываться от правоохранительных органов, не будут применять зараженные иглы, в итоге снизится смертность от передозировки наркотиками. Полиция Люксембурга, в связи с интернационализацией незаконного оборота наркотических средств, призвала к интеграции зарубежные правоохранительные органы для применения, воздействующих на международную уголовную среду, мер по противостоянию наркотической преступности. МВД Великого Герцогства вместе с Министерством иностранных дел Люксембурга, культивируя сферу сотрудничества с коллегами из государств Союза Бенилюкс, а также соседними блюстителями правопорядка — Франции и Германии, объединились для борьбы с транснациональными преступными группировками.

Полиция Великого Герцогства в своей деятельности, по заимствованному у Германии опыту, начала использовать детекторный механизм, который позволяет установить содержание наркотика в крови лица, управлявшего автомобилем, с помощью анализа его слюны. Если водитель завалил тестирование, надлежит провести анализ на содержание наркотика в его слюне. Чувствительность датчика заключается в возможности изобличить присутствие в организме не только синтетических наркотиков (таких, как амфетамин/экстази), но и наркотиче-

ских средств растительного генезиса (кокаина, героина, марихуаны). Если тест на содержание наркотика в слюне представил утвердительный результат, осуществляется дополнительное проведение исследования на содержание наркотика в моче и крови. Тест слюны нельзя считать автономным доказательством в суде, так как он является лишь инструментарием, с помощью которого претворяется в жизнь профилактическая деятельность по предупреждению аварий и обеспечению безопасности дорожного движения. Если нарушитель отрекается пройти тест по слюне, его привозят в полицейский участок, где проверяемому предлагают выполнить анализ мочи и крови на присутствие наркотических и психотропных веществ. Тестирование по слюне выявляет содержание наркотиков в организме в течение 5–8 часов после приема «дозы». А тест мочи и крови помогает выявить следы наркотического опьянения даже через 7 дней. Основанием для принудительного изъятия у нарушителя удостоверения на право управления транспортным средством, считается отказ от проведения тестирования.

Вследствие осуществления Национального плана действий, под контролем органов власти Люксембурга, заключающегося в инициативной гражданской точке зрения добровольных общественных организаций — численность правонарушений, содеянных в состоянии наркотического опьянения, зримо уменьшилось. Снизилась численность людей, погибших из-за передозировки наркотиков. Необходимо заметить, что число неблагополучных семей, в которых родители страдают наркотической зависимостью и растут малолетних детей, сократилось.

После детального анализа зарубежного опыта по противодействию, предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, нужно досконально проработать общие положения по надежному функционированию института публичного обещания награды за предоставление сведений, имеющих значение для ОВД, тем самым построив эффективную правовую базу для культивирования основ строя Российской Федерации, проявляющегося в охране жизни и здоровья населения.

Литература:

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года (с поправками, далее внесенными протоколом от 25 марта 1972 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. N 8. С. 15–50. (С изменениями и дополнениями).
2. Конвенция о психотропных веществах 1971 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. Вып. XXXV. С. 416–434.
3. Аксенкин А. Л. Наркопреступность в России: исторические предпосылки и уголовно-правовые аспекты борьбы с ней. М., 2010.
4. Александров А. И., Бурданова В. С., Владимиров В. Ю., Кузьминых К. С., Мирзоян Н. Л., Петухов В. Г., Сальников В. П. Вопросы совершенствования федерального законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах // Наркомания и наркобизнес: проблемы противодействия: Материалы научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 25 мая 1999 г.) / Под общ. ред. В. П. Сальникова, В. С. Бурдановой, В. Ю. Владимировой, К. С. Кузьминых. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД, 1999.
5. Ахмадуллин А. Сложности применения ст. 228.1 УК РФ // Законность. 2012. N 10.
6. Брюн, Е. Факторы риска. Вторая волна наркомании: [беседа с доктором медицинских наук, главным наркологом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации Евгением Брюном о наркомании в России, как одной из серьезнейших угроз национальной безопасности] / Евгений Брюн; записал Борис Руденко // Наука и жизнь. — 2010. — № 7.
7. Бурданова В. С., Кузьминых К. С. Расследование преступлений о незаконных действиях с наркотическими средствами. Часть V. Особенности расследования изготовления синтетических наркотических средств на подпольных производствах и их сбыта: Методические рекомендации. СПб.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников, 2012.
8. Вирясова Н. В., Зубков И. В. Проблемы правового регулирования в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов Материалы III Межвузовской научно-практической конференции «Актуальные вопросы юридической науки и практики» г. Тихорецк, 2014.
9. Ermesinde et l'affranchissement de la ville de Luxem—bourg // Sous ladirection de M. Margue. Publications du CLU—DEM, t. 7. Luxembourg, 1994.
10. Caregari L. Die Schiedsrichter // Ons Stad. Luxemburg, 2013. № 104.
11. Caregari L. Die Schiedsrichter // Ons Stad. Luxemburg, 2013. № 104.
12. Official gazette A 1973; Official gazette A 2001, (Adoption: 27/04/2001).
13. Luxemburg — Ab den 1. Mai wird diegrobherzogliche Polizei eine neue Methode anverden, um Rauschmittlkonsum bei Autofahrern nachzuweisen. URL: <http://www.tageblatt.lu/nachrichten/luxemburg/story/Bitte-etwas-Speichel-12006915>
14. Schmit R. Taschendiebstahle, Drogen, Bettelei // Ons Stad. Luxemburg, 2013. № 104.

Тенденции совершенствования и возможные пути развития законодательства об участии прокурора в арбитражном процессе

Раздорожный Константин Борисович, магистрант
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В данной статье мною была затронута проблема воплощаемой законодателем концепции ограничения участия прокурора в арбитражном судопроизводстве. Точки зрения ученых — правоведов совпадают в том, что полномочия по участию прокурора в арбитражном процессе необходимо расширять. В статье приводятся примеры, в каких случаях прокурору следует данные полномочия вернуть. Важное значение также уделяется необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов в вопросах участия прокурора в арбитражном процессе.

Ключевые слова: прокурор; арбитражное судопроизводство; арбитражный процесс; полномочия прокурора; концепция ограничения полномочий; тенденции развития

Анализируя развитие законодательства об участии прокурора в арбитражном судопроизводстве и сложившуюся судебную практику, можно сделать вывод о том, что в настоящее время развивается концепция ограничения участия прокурора в арбитражном судопроизводстве. Сокращение полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве идет вразрез с направлением современной российской политики в деле укрепления законности и правопорядка в экономической сфере жизни нашего общества.

Стоит проанализировать точки зрения ученых — правоведов по данному вопросу. А. А. Ковалев считает, что с принятием в 2002 году нового АПК РФ, роль прокурора была существенно ограничена. Практика применения данного закона показывает, что такой подход к участию прокурора в правосудии по экономическим спорам сильно ущемляет возможность защиты публичных интересов в экономической сфере, препятствует восстановлению законности и профилактики правонарушений в сфере экономического оборота. По мнению ученого, необходимо найти ту грань, которая при максимальной защите публичного интереса в сфере предпринимательской деятельности исключит вмешательство в частноправовые отношения субъектов этой деятельности [11].

Развивает данную позицию и Т. И. Отческая, по мнению которой сужение полномочий прокурора в действующем АПК РФ не способствует защите экономических интересов государства по спорам между хозяйствующими субъектами по вопросам нарушений в сфере природоохранного, налогового, земельного законодательства. Совершенно необоснованно, по мнению ученого, прокуроры лишены права апелляционного, кассационного обжалования, возможности возбуждения надзорного производства и участия в рассмотрении споров, возникающих из обозначенных выше правоотношений в суде первой и последующих инстанциях [12]. Соответственно, автор приходит к выводу о необходимости расширения оснований и категорий дел, по которым прокурор может вступить в арбитражный процесс на любой его стадии. Данную позицию разделяет и Л. Ю. Егорова. Сохранение действующего порядка правового регулирования участия прокурора в арбитражном процессе, по мнению ученого, негативно сказывается на возможно-

сти защиты публичных интересов и социальных прав подавляющей части населения. Выявленные противоречия процессуального законодательства, закрепляющие механизм участия прокурора в арбитражном судопроизводстве, свидетельствуют об отсутствии в правовой доктрине арбитражного процессуального права концепции защиты публичных интересов [9]. Стоит отметить, что представители юридической науки практически единодушны в своих утверждениях о необходимости расширения полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве.

С точками зрения вышеуказанных авторов вынужден полностью согласиться и в качестве подтверждения данной позиции нахожу необходимым привести частный пример ограничения полномочий прокурора в сфере арбитражного судопроизводства. Утративший силу Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ (ред. от 21.03.2002, с изм. от 01.10.2002) «О несостоятельности (банкротстве)» [2] в статье 6 предусматривал полномочие прокурора на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом в связи с неисполнением денежных обязательств. Наличие у прокурора в тот момент времени данного права, на мой взгляд, объяснялось его ролью как лица, уполномоченного на защиту публичных интересов. Действительно, можно предположить ситуацию, когда кредитором по обязательствам является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование. В случае злостного неисполнения должником своих обязательств перед данными субъектами и наличия у него признаков неплатежеспособности, обращение прокурора с заявлением о признании должника банкротом стало бы эффективным средством защиты публичных интересов в арбитражном суде. Однако, законодатель пошел по другому пути и Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» [3] лишил прокурора данного полномочия. Пленум ВАС РФ в Постановлении № 32 от 30 апреля 2009 г. Данную позицию подтвердил и развил: «В соответствии с абзацами третьим и четвертым части 1 статьи 52 АПК РФ прокурор вправе обращаться в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по общим основаниям недействительности сделок, предусмотренным граждан-

ским законодательством. Ввиду того что Закон «о банкротстве» не называет ни прокурора, ни должника в числе лиц, имеющих право на обращение в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным законом, прокурор не может обращаться в арбитражный суд с такими исками, в том числе и в случаях, когда должник или кредитор относятся к категориям лиц, поименованным в абзацах третьем и четвертом части 1 статьи 52 АПК РФ [8]. Считаю, что данное полномочие прокурора необходимо вернуть для успешной защиты публичных интересов по делам о банкротствах. Также соглашусь с точкой зрения Ефремова Н. С. о необходимости закрепить полномочие прокурора по участию в делах о банкротстве застройщиков, так как в последнее время участились случаи преступлений в сфере долевого строительства и участие прокурора необходимо как для обеспечения публичных интересов, законности и правопорядка, так и для защиты населения в данной сфере [10].

Сравнивая полномочия прокурора в арбитражном и гражданском процессе, следует отметить, что в обоих видах судопроизводства целью участия прокурора является ярко выраженный публичный интерес. Разделяя точку зрения Л. Д. Уховой [13], можно предположить, что полномочия прокурора в судах общей юрисдикции и арбитражных судах должны совпадать в принципиальных положениях, однако анализ норм Арбитражного и Гражданского процессуальных кодексов свидетельствует об обратном. В отличие от статьи 52 АПК РФ, где участие прокурора ограничено определенной категорией споров, о которых я писал в прошлых главах данного исследования, и субъектным составом участников сделки, статьей 45 ГПК РФ закрепляется неограниченное право прокурора предъявлять любые иски в интересах Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. В такой ситуации возможности прокурора по защите публичных интересов в арбитражном процессе сильно ограничены. По мнению Л. Д. Уховой, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы имеют больше полномочий в рамках ст. 53 АПК РФ по обращению в арбитражный суд с исками или заявлениями в защиту публичных интересов, чем прокурор. Практическая действительность говорит о том, что наибольший экономический урон государству и обществу наносят своими действиями именно юридические лица в бюджетной, природоохранной, налоговой и иных сферах.

Отсутствие достаточных полномочий прокурора по защите публичных интересов в арбитражном судопроизводстве затрудняет борьбу государства с вышеуказанными правонарушениями. Стоит также отметить, что на практике нередко встречаются ситуации, когда государственный и общественный интерес нарушается в результате совершения сделок субъектами экономической деятельности, не имеющими доли участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, однако прокурор, связанный субъектным составом сделок, которые он уполномочен оспорить

в рамках ст. 52 АПК РФ, не имеет процессуальной возможности отстоять законность.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что положения ГПК РФ [1] и АПК РФ необходимо унифицировать в целях предоставления прокурору в арбитражном судопроизводстве возможности предъявлять любые иски в интересах РФ, субъектов РФ, муниципальных образований.

Важное значение, на мой взгляд, имеет и конкретизация понятия нарушения публичного порядка, которое сохранил утративший ныне Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24 октября 1996 года «О задачах органов прокуратуры по реализации полномочий в арбитражном процессе» [7]. К нарушениям публичного порядка относились: нарушение природоохранного законодательства, которые связаны с причинением вреда здоровью населения и природы; осуществление запрещенных видов деятельности либо отсутствие специального разрешения или лицензии в осуществлении предпринимательской деятельности, если это необходимо; содержания в учредительных документах предприятия несоответствия законодательству Российской Федерации, а также допущения нарушений предусмотренного законом порядка образования юридических лиц, а также их регистрации; наличия правонарушений, для устранения которых законодатель прямо обязывает прокуратуру Российской Федерации обращаться в арбитражный суд; неисполнение обязательств по отношению к государству, которые привели или могли бы привести к разрыву инвестиционных проектов и иных целевых программ; наличие сведений о недействительности сделки, о ничтожности сделки; о сделках, которые не соответствуют законодательству Российской Федерации, а также сделках, совершенных посредством нарушения основ нравственности и правопорядка. По своей природе и в настоящее время данные нарушения носят ярко выраженный публичный характер и, по мнению большинства правоведов, должны быть предметом участия прокурора в арбитражном судопроизводстве.

Интересен тот факт, что с момента принятия АПК РФ 2002 года в Государственную Думу поступило значительное количество законопроектов, большинство из которых было направлено на расширение полномочий прокурора по участию в арбитражном судопроизводстве. В частности, предлагалось предоставить возможность прокурору подавать иски в защиту публичных интересов или прав и свобод и охраняемых интересов граждан; предоставить прокурору право обращения с иском в защиту прав, свобод и интересов граждан, которые по уважительной причине (состоянию здоровья и др.) не могут обратиться в суд самостоятельно; предоставить прокурору полномочия по обращению с любыми видами исков в арбитражный суд в случае нарушения интересов публично-правовых образований; предлагалось также вернуть право прокурора оспаривать противоправные сделки на основании ст. 169 ГК РФ; быть участником дел о несостоятельности (банкротстве), в том числе, по оспариванию сделок, заключенных арбитраж-

ными управляющими. Все подобные инициативы были отклонены парламентом по причинам возможного нарушения принципа состязательности судопроизводства, вмешательства органов прокуратуры в компетенцию органов исполнительной власти и чрезмерное вмешательство государственных органов в частно-правовые отношения [6].

Подводя итог, стоит отметить, что потребность в реформировании арбитражного процессуального законодательства в части полномочий прокурора назрела давно и действующее законодательство не соответствует современной динамике сложившихся экономических отношений. Соответственно, необходимо осуществить законодательные ре-

формы по возвращению прошлого диапазона полномочий прокурора по участию в арбитражном судопроизводстве для осуществления наиболее полной защиты публичных интересов в экономической сфере жизни общества. В то же самое время нельзя забывать о том, что осуществление полномочий по защите публичных интересов ни в коем случае не должно нарушать частные права и законные интересы субъектов экономической деятельности, осуществляющих законную предпринимательскую деятельность. Произвольное вмешательство властных структур в деятельность данных лиц вредит интересам нашего государства, препятствует созданию благоприятной экономической среды.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // СЗ РФ. 2002. — № 46.
2. Федеральный закон от 08.01.1998 N 6-ФЗ (ред. от 21.03.2002, с изм. от 01.10.2002) «О несостоятельности (банкротстве)», «Собрание законодательства РФ», 12.01.1998, N 2.
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10. 2002 № 127-ФЗ (в ред. от 30.12.2012) // СЗ РФ. 2002. — № 43.
4. Проект федерального закона № 152447–4 «О внесении изменений и дополнений в статьи 52, 292, 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант»
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания «О проекте федерального закона № 152447–4 «О внесении изменений и дополнений в статьи 52, 292, 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. — № 42. — Ст. 4942.
6. Проект федерального закона № 327138–4 от 03.06. 2006 «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант»
7. Приказ Генеральной прокуратуры от 24.10.1996 № 59 «О задачах органов прокуратуры по реализации полномочий в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. — № 1. 1997
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. — № 7
9. Егорова Л. Ю. Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф...канд. юр. наук. М., 2006.
10. Ефремов Н. С. «Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе». диссертация на соиск. учен степени. канд. юр. наук: 12.00.15 /Саратов, 2013 г.
11. Ковалев А. А. И снова к вопросу об участии прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. — № 4.
12. Отческая, Т. И. Защита интересов государства в арбитражном суде // Право и экономика. 2003. — № 2.
13. Ухова Л. Д. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе. // Вестник Омского университета. Серия «Право» Выпуск № 3. Омск. / 2008

Формы исполнения судебных решений, исполнители и исполнительный документ

Рышков Владислав Игоревич, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Решения суда являются обязательными для всех государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов, организаций, должностных лиц и граждан на всей территории РФ.

В действующем законодательстве РФ выделяют следующие виды форм исполнения судебных решений [9, с. 1]:

1. Административная (уведомительно-регистрационная) форма исполнения судебных решений.

Даная форма исполнения судебных решений возможна только при исполнении решений о признании. Причем исполнение осуществляется определенными уполномоченными органами и должностными лицами.

Указанные решения исполняются без выдачи судом исполнительного листа, т. е. исполнение осуществляется на основании копии самого судебного решения, но должны быть приложены соответствующие документы, если они предусмотрены законом.

В административном судопроизводстве в качестве примера можно привести исполнение судебных решений о признании оспоренных действий и решений государственных органов и организаций, а также лиц, обладающих публичными или государственными полномочиями, не соответствующими закону [1, ст. 218]. В данном случае на самого административного ответчика возлагается обязанность по устранению нарушения прав и свобод административного истца либо по устранению препятствий к осуществлению таких прав и свобод.

Об использовании административной формы исполнения решений в арбитражном судопроизводстве существует косвенное упоминание в Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах НА (первой, апелляционной и кассационной инстанций), которая была утверждена постановлением Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 № 100. В частности, пунктом 17.24 данной инструкции предусмотрено следующее: «По делам о признании, в которых ответчик не присуждается к совершению каких-либо действий, исполнительные листы не выдаются, если иное не установлено законом. В этом случае по ходатайству взыскателя судом выдаются экземпляры судебных актов, содержащие отметку о вступлении судебного акта в законную силу, заверенные гербовой печатью и подписью судьи и оформленные в соответствии с требованиями пункта 10.3 Инструкции» [7, п. 17.24].

2. Принудительная форма исполнения судебных решений.

Даная форма исполнения судебных решений возможна только при исполнении решений о присуждении. Причем обязательным свойством является наличие предмета принудительного исполнения, который составляют решения о взыскании денежных средств, о передаче какого-либо имущества, о совершении определенных действий со стороны должника.

Данная форма исполнения судебных решений регулируется ФЗ «Об исполнительном производстве». В ст. 1 указанного ФЗ раскрывается предмет решений, исполняемых в порядке принудительного исполнительного производства, а ст. 13 содержит требования, которым должны соответствовать исполнительные документы.

Исполнение судебных решений в принудительном порядке может осуществляться только уполномоченными государством должностными лицами, а именно судебными приставами-исполнителями, которые входят в систему ФССП РФ [5, ст. 5]. Т. е. можно сделать вывод о том,

что принудительное исполнительное производство не может осуществляться иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами, включая различные «коллекторские агентства», «сборщики долгов» и др.

В целях недопущения злоупотребления полномочиями судебных приставов-исполнителей в ст. 2.1 ФЗ «О судебных приставах» указано, что использование термина «судебный пристав-исполнитель» возможно только в наименованиях ФССП РФ, всех ее структур и должностных лиц, а также в наименованиях существующих союзов таких судебных приставов [4, ст. 2.1].

Основанием для исполнения судебных решений в таком порядке является выдача исполнительного листа, что предусмотрено статьями 318 АПК РФ и 352 КАС РФ для арбитражного и административного судопроизводства соответственно. Более подробный сравнительный анализ порядка исполнения судебных решений в арбитражном и административном судопроизводстве будет проведен ниже.

3. Бюджетная форма исполнения судебных решений.

Даная форма исполнения судебных решений возможна только при исполнении решений о присуждении денежных средств, причем именно из средств бюджета.

В РФ, как и во многих зарубежных странах, исполнительное производство, связанное с взысканием бюджетных средств, не относится к полномочиям ФССП РФ, а осуществляется уполномоченными государственными органами, а именно Министерством финансов РФ, финансовыми органами субъектов и муниципальных образований РФ. При этом порядок исполнения судебных решений в такой форме установлен в главе 24.1 БК РФ, а также иными ФЗ в отдельных случаях.

Но существует исключение, при наличии которого исполнение таких судебных решений осуществляется в порядке, установленном ФЗ «Об исполнительном производстве». Такое возможно, если счета должнику — бюджетному учреждению открыты в учреждении ЦБ РФ или в кредитной организации [2, ст. 242.3]. Но такая ситуация является крайне редкой, поскольку система исполнения бюджетов все уровнев является казначейской.

Также по данной форме исполнения судебных решений могут взыскиваться денежные средства и с должников, являющихся публично-правовыми образованиями, т. е. РФ, субъекты РФ, муниципальные образования.

Также постановлением Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г № 23 были даны разъяснения относительно бюджетной формы исполнения судебных решений. В частности, в нем указывается, что «исполнительный лист о взыскании денежных средств с публично-правового образования может быть предъявлен взыскателем для принудительного исполнения судебному приставу-исполнителю лишь в случае, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств бюджета в течение указанного трехмесячного срока» [6, п. 3].

В ч. 5 ст. 353 КАС РФ существует упоминание о данной форме исполнения судебных решений, а именно говорится

о том, что в случаях обращения взыскания на бюджетные средства судьи, направляя исполнительный лист, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, на исполнение, должны прилагать к нему копию судебного акта. Аналогичная норма предусмотрена и в ч. 3.1 ст. 319 АПК РФ.

4. Частно-денежное исполнение.

Даная форма исполнения судебных решений возможна только при исполнении судебных решений, связанных с взысканием денежных сумм с должников, не имеющих собственных бюджетов, т. е. с частных должников. Причем случаи, когда такое взыскание возможно строго определены законодательством РФ. К ним относятся взыскание денежных средств банками и взыскание периодических денежных сумм с должника в размере не более 25 тыс. руб., причем по месту получения должником основного периодического дохода [3, ст. 98].

Рассмотрим понятие исполнительного документа и определим его основные признаки.

Законодательство РФ не содержит определение понятия «исполнительный документ». Однако в юридической литературе существует следующая дефиниция, согласно которой исполнительным документом считается документ, соответствующий требованиям законодательства и выданный уполномоченным органом, который подлежит принудительному исполнению, а значит является основанием для начала производства по исполнению судебных решений [8, с. 157].

Исполнительный документ обладает следующими отличительными признаками:

- 1) его форма и содержание всегда соответствуют законодательству РФ, поскольку иное влечет его ничтожность;
- 2) его выдача всегда осуществляется лицом, наделенным соответствующими полномочиями законом, причем в установленном законодательством РФ порядке;
- 3) если должник отказывается от исполнения решения в добровольном порядке, то оно исполняется принудительно;
- 4) исполнительный документ выступает в качестве основания, влекущего возбуждение исполнительного производства.

Общим для арбитражного и административного судопроизводства является то, что исполнительный лист всегда выдается тем судом, который рассматривал дело в первой инстанции. Т. е. не имеет значения судом какой инстанции был принят судебный акт, послуживший основанием для выдачи исполнительного листа. Данные положения предусмотрены в ч. 1 и 2 ст. 319 АПК РФ и в ч. 1 ст. 353 КАС РФ. Однако в АПК РФ есть оговорка, предусматривающая выдачу исполнительного листа судом апелляционной инстанции, например:

- 1) согласно ч. 1 ст. 96 АПК РФ исполнительный лист на основании определения об обеспечении иска вы-

дает арбитражный суд, который вынес указанное определение;

- 2) исполнительный лист на основании определения о наложении судебного штрафа также выдает арбитражный суд, который вынес данное определение.

Как в административном, так и в арбитражном судопроизводствах форма исполнительных листов может быть бумажной и в виде электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Однако в КАС РФ и АПК РФ существует следующие отличие: КАС РФ предусматривает применение электронной формы по заявлению лица, в пользу которого принят судебный акт (ст. 353 КАС РФ), а АПК РФ предусматривает применение электронной формы по усмотрению суда (ст. 319 АПК РФ).

Положение о ничтожности исполнительного листа в случае его выдачи до вступления в законную силу судебного акта, не включая случаи немедленного исполнения, распространяется на исполнительное производство судебных решений и арбитражных судов, и административных судов. При этом выданный исполнительный лист судом отзывается.

В арбитражном судопроизводстве также предусмотрена процедура выдачи дубликата исполнительного листа. Регламентируется она ст. 323 АПК РФ, в которой сказано, что дубликат исполнительного листа может быть выдан по заявлению самого взыскателя или судебного пристава-исполнителя, если предыдущий исполнительный лист был утрачен. Исходя из этого положения можно заметить, что исполнение в административном судопроизводстве отличается от арбитражного более широким кругом лиц, обладающих правом на подачу заявления о выдаче дубликата исполнительного листа.

Общим для исполнительного производства решений арбитражных судов и для исполнительного производства решений административных судов также выступает срок подачи заявления о выдаче дубликата исполнительного документа и порядок подачи указанного заявления. В административном судопроизводстве такой срок ограничен моментом истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению. А если же исполнительный лист был утрачен исполнителем, а взыскатель об этом не знал, то заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в течение одного месяца со дня, когда взыскателю стало известно об утрате исполнительного документа.

Порядок подачи заявления для обоих видов производств следующий: заявление взыскателя о выдаче дубликата исполнительного документа рассматривается судом в судебном заседании в срок, не превышающий десяти дней со дня поступления заявления в суд. Лица, участвующие в деле, и судебный пристав-исполнитель или другое осуществляющее исполнение лицо извещаются о времени и месте судебного заседания. Неявка указанных лиц, извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного засе-

дания, не является препятствием для рассмотрения заявления. Определение суда по поданному заявлению подлежит обжалованию.

На законодательном уровне закреплены основания, при наступлении которых происходит прерывание срока предъявления исполнительного листа к исполнению:

1) предъявление исполнительного листа к исполнению, как в орган принудительного исполнения, так и к субъектам, наделенным федеральным законом полномочиями по исполнению требований исполнительного листа.

2) частичное исполнение исполнительного листа должником. Полагаем, что частичное исполнение требований исполнительного листа возможно как добровольно взыскателем, до обращения в ФССП России, так и после возбуждения исполнительного производства, по которому произведено частичное исполнение, но ввиду невозможности

дальнейшего исполнения исполнительный лист возвращен взыскателю.

В арбитражном судопроизводстве также установлен трехлетний срок предъявления исполнительного листа (ст. 321 АПК РФ). В этой же статье предусмотрено, что в случае возвращения исполнительного листа взыскателю в связи с невозможностью его исполнения новый срок для предъявления исполнительного листа к исполнению исчисляется со дня его возвращения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что процедура принудительного исполнения судебных решений по делам из публичных правоотношений требует дополнительного законодательного урегулирования. Можно предположить, что следует задуматься о привлечении к данному вопросу Федеральной службы судебных приставов, требующей отдельного внимания законодателя.

Литература:

1. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 13.04.2017) // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, N 10, ст. 1391.
2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об исполнительном производстве» // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, N 41, ст. 4849
4. Федеральный закон от 21.07.1997 N 118-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О судебных приставах» // «Собрание законодательства РФ», 28.07.1997, N 30, ст. 3590.
5. Указ Президента РФ от 13.10.2004 N 1316 (ред. от 15.12.2016) «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Собрание законодательства РФ», 18.10.2004, N 42, ст. 4111
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 N 23 (ред. от 26.02.2009) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // «Вестник ВАС РФ», N 8, август, 2006.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 N 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС КонсультантПлюс. 2014.
8. Гуреев В. А, Гуцин В. В. Исполнительное производство: учебник. — 4-е изд. испр. и доп. — М.: Статут, 2014. — 455 с.
9. Слесарев С. Исполнительный документ // СПС КонсультантПлюс. 2016.

Исторические аспекты понятия должностного лица в российском уголовном законодательстве

Тишкина Мария Владимировна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ни один состав преступления как в настоящее время, так и прошедшие годы, не мыслим без такого его обязательного элемента как субъект преступления. Преступления, отнесенные законодателем к главе 30 УК РФ, принято называть должностными. И это справедливо, ведь такие общественно опасные деяния посягают на нормальную дея-

тельность аппарата власти и совершаются должностными лицами. Однако стоит отметить, что законодатель нигде не дает и напрямую не использует термина «должностные преступления». Тем не менее исторически проблему данной категории преступлений в нашей стране можно проследить еще со времен Древней Руси, когда князья делегировали

часть своих управленческих полномочий военачальникам, тем самым начав процесс развития и расширения системы государственного управления [1, с. 7].

Проследив историю, нужно отметить, что в повседневной жизни имеет место ситуация, при которой общественные отношения развиваются столь быстро, что законодатель не успевает своевременно отреагировать и создать новую норму права для регулирования нового порядка. То же самое произошло и с понятием «должностное лицо», а, вернее, с его сущностью, которая с течением времени претерпела кардинальные изменения. Не всегда рассматриваемое понятие соответствовало его фактическому пониманию. Причиной тому можно назвать, прежде всего, такие политические и социально-экономические преобразования в обществе, как появление новых субъектов правоотношений, органов местного самоуправления. Закрепленный в тексте закона термин должен являть собой не просто нормативно закрепленную оболочку общественных отношений, но, в первую очередь, соответствовать требованиям действительности. Поэтому неудивительны изменения, произошедшие с исследуемым понятием «должностное лицо» с течением времени.

Первые упоминания о должностных преступлениях датируются еще записями в архивах Древнего Вавилона [2, с. 30]. В отечественной же истории становления понятия «должностное лицо» можно выделить следующие этапы:

1. до второй половины XIX в. наблюдается отсутствие в уголовном законодательстве какого-либо общего понятия «должностного лица» как субъекта должностных преступлений. Окончательное решение о степени вины и наличии в деянии лица квалифицирующих признаков полностью отдавалось на усмотрение суду, поэтому существовала возможность при одних и тех же обстоятельствах выносить различные решения. Однако предпринимаются первые попытки дать доктринальное определение указанному понятию.

2. 1885–1922 гг. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. хотя и определяло круг преступного поведения и устанавливало уголовную ответственность за совершение преступления, но устанавливало предельно расширительное толкование понятия «должностное лицо», приравненного к понятию «служащий». Так, Р. Гоувальт просто перечислил всех служащих царской государственной службы, являющихся, по его мнению, должностными лицами [3, с. 44–46]. В основу был положен материальный признак — материальная ответственность лица за вверенное ему общественное или государственное имущество. Таким образом, должностным признавалось всякое лицо, которое пользуясь занимаемой должностью могло посягнуть на наиболее значимые общественные отношения, затрагивающие интересы государственной власти.

В Уголовном Уложении 1903 г. законодателем были предприняты попытки ограничить круг лиц, признаваемых «служащими», за счет выделения признаков лица как специального субъекта преступлений против государственной

и общественной службы и определения исчерпывающего перечня. Российское уголовное законодательство указывало на необходимость признания лица представителем власти: «лицо, несущее обязанности по службе государственной или общественной», где представитель власти — это лицо, предписания которого являются обязательными для граждан, учреждений, предприятий или организаций. Функции представителей власти могли быть различными, но компетенция предполагалась единая — полномочия властного характера, при осуществлении указанных функций служащими обязанности должны быть возложены на них в установленном законом порядке («лицо, несущее обязанности» или «исполняющее временно»). К ним относились: должностные лица, полицейские стражи, иные стражи или служители; лица сельского или мещанского управления.

Таким образом, в статьях Уголовного Уложения 1903 г. должностные лица определялись как лица, постоянно или временно осуществляющие управленческие функции в качестве представителей власти, несущих государственную или общественную службу;

3. 1922–1949 гг. — впервые произошло законодательное закрепление понятия должностного лица как специального субъекта. Изначально в УК РСФСР 1922 г. под ними понимались «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, просветительных и других общегосударственных задач». Таким образом, акцент законодатель ставил на таких критериях, как занятие должности именно в государственном учреждении, предприятии, организации либо объединении, а также осуществление общегосударственных задач.

УК РСФСР 1926 г. была предпринята попытка еще улучшить юридическую технику рассматриваемого понятия. Однако признаки должностного лица претерпели незначительные изменения. Определение стало выглядеть следующим образом: согласно примечанию к ст. 109 под должностными лицами понимались лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач. Однако включение законодателем такого признака как «выполнение лицом профессиональных задач» вновь неоправданно расширило круг попадаемых под такое определение лиц. Фактически любое лицо, даже рядовой работник, мог быть отнесен к должностному лицу. Таким образом, привлекать к уголовной ответственности за должностные преступления было возможно даже лиц, не наделенных властными полномочиями. Однако тот, кто не наделен никакой властью, совершенно очевидно, не может ни злоупотребить ею, ни ее

превысить. По мнению В. А. Лобырева, такая ситуация привела к необоснованному расширению границ объекта, охватывающего такие общественные отношения, которые возникли вне деятельности органов государственной власти [4, с. 22].

Таким образом, на данном этапе становления понятия «должностное лицо» наблюдается противоборство расширительного и ограничительного толкований в развитии рассматриваемого понятия;

4. 1949-начало 90-х гг. XX в. — просматривается принципиальная победа ограничительной тенденции. Происходит сужение перечня функций от общегосударственных до административно-хозяйственных и организационно-распорядительных. Таким образом, большинство правоведов выделяло категорию должностных лиц, исходя из характера выполняемых ими функций, входящих в круг их полномочий. В качестве второго критерия, определяющего сущность должностного лица, законом выделялось место его службы.

УК РСФСР 1960 г. в примечании к ст. 170 определил, что «под должностным лицом понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию».

Благодаря этому определению, из круга лиц, признаваемых должностными, можно было исключить тех, кто просто выполнял профессиональные задачи (рабочих, врачей, сторожей и т. д.), т. е. отграничить указанных лиц от иных категорий служащих. Однако законодатель не раскрыл содержание самих осуществляемых функций, поэтому на практике возникли проблемы с верной квалификацией.

Основным признаком представителя власти, как выделенной категории должностных лиц, признавалось наличие у лица властных полномочий по отношению к лицам, не находящимся от него в служебном подчинении;

5. с начала 90-х гг. XX в. — начало процесса переосмысления данного понятия с учетом коренных изменений законодательства о государственной службе [4, с. 67]. В конечном счете разъяснения Пленума Верховного Суда СССР 1990 г. позволили получить единообразное понимание субъекта должностных преступлений, в т. ч. представителя власти, а также содержания его обязанностей.

По мнению А. В. Бриллиантова и Е. Ю. Четвертаковой, с 1996 г. к дефиниции должностного лица могли быть отнесены только служащие, представляющие государственную или муниципальную власть и осуществляющие в пределах своей компетенции управленческие или властные функции [1, с. 35].

Несомненно, каждое последующее определение «должностного лица», дававшегося законодателем, является более точным и совершенным, чем предыдущее. Однако

и в настоящее время понятие все еще претерпевает изменения. В данном законодателем в ст. 285 УК РФ определении дана общая характеристика должностного лица, из которой можно выделить несколько групп признаков, позволяющих отнести лицо к должностному:

- 1) характер выполняемых лицом функций (полномочий и обязанностей);
- 2) правовое основание наделения его этими функциями;
- 3) принадлежность (характеристика) тех органов, учреждений, в которых трудится лицо.

Таким образом, в соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ субъектами преступлений главы 30 могут быть:

- 1) лица, которые в первую очередь постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти;
- 2) лица, которые постоянно, временно или по специальному полномочию выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в перечисленных уголовным законом местах.

С признанием существования в нашей стране частной собственности, неслучайным стало указание законодателем в примечании к ст. 285 УК РФ мест служебной деятельности должностных лиц. Действительно, впервые определение места служебной деятельности, как одного из критериев отнесения или не отнесения лица к должностным, стало необходимым с признанием в России частной собственности. Именно этот критерий позволяет при квалификации преступлений разграничить должностное лицо с лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Стоит отметить, что к последним новеллам российского уголовного закона можно отнести дополнение примечания 1 к ст. 285 УК РФ и расширение законодателем мест, в которых должностные лица могут выполнять свои функции. Указанное новшество можно объяснить с точки зрения расширения круга лиц, обладающими признаками, рассмотренными выше. Ведь действительно такие лица частично действуют, принимают некоторые решения (в т. ч. и материальные) от лица государства. Таким образом, например, при злоупотреблении полномочиями лицом, работающим на государственном предприятии, страдает в первую очередь авторитет государства перед лицом различных хозяйствующих субъектов и граждан, что в свою очередь влечет необходимость рассмотрения подобного преступного деяния в рамках главы 30 УК РФ.

Однако стоит отметить, что существующее на данный момент определение должностного лица является одним из наиболее дискуссионных, содержит в себе коллизии и не дает четкого понимания всех его аспектов, что непременно отмечается учеными. Приведем некоторые мнения.

Например, теоретики права выражают необходимость выделения такой категории лиц, которые не являются должностными с точки зрения действующего закона, но выполняют юридически значимые действия. В своих постановлениях Пленум Верховного Суда уже не первое десятилетие

признает и выделяет таких лиц, относя их к должностным. Таким образом, практика уже давно ориентирована на то, что организационно-распорядительные функции искусственно расширены. Тем не менее ученые предлагают не только в разъяснениях высшей судебной инстанции, но и законодательно их закрепить, т. е. формулировку определения должностного лица привести в соответствие с реалиями действительности. Было бы логично так изложить понятие, чтобы законодательно было понятно отнесение лиц, выполняющих юридически значимые действия, к числу должностных. Так, например, Н. А. Егорова выделяет две категории функций представителя власти: функции публичной власти и иные публичные функции (например, члены военно-врачебных комиссий — при медицинском освидетельствовании граждан и вынесении заключений; врачи, выдающие листы временной нетрудоспособности; члены ГАК, ГЭК и преподаватели вузов — при выставлении оценок на экзаменах, зачетах, защите курсовых работ и т. п.) [5, с. 46].

Таким образом, необходимо не просто формально учитывать вид службы, в которой представитель власти как специальный субъект осуществляет свою деятельность, но и публичный характер осуществляемых им функций, их прямую или опосредованную связь с функциями самого государства.

Помимо этого, логичным явилось бы распространение акцента на выполняемой лицом функции на все понятие «должностное лицо», а не только на отдельно взятый аспект должностного лица — функцию представителя власти, как это отмечено у Н. А. Егоровой.

Таким образом, практика показывает, что понятие «должностное лицо» «переросло» определение, за-

крепленное в законе, поэтому вновь назрели предпосылки для законодательных нововведений. Например, государственные и муниципальные служащие, которые не обладают перечисленными признаками должностного лица, а соответственно к таковым не относятся, несут уголовную ответственность по статьям главы 30 УК РФ, но только в специально предусмотренных соответствующими статьями случаях. То есть если лица не обладают ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными функциями, то только наличие правовых последствий превращает действия этих лиц в юридически значимые, а полномочия становятся организационно-распорядительными.

Также стоит согласиться с позицией исследователей, которые полагают, что создание унифицированного понятия «должностное лицо» для всех областей права приведет к восполнению пробелов в самом определении и поможет ликвидировать противоречия в законодательстве [6, с. 441]. Изучение же истории становления того или иного понятия во многом помогает исследователям, и законодателям в частности, избежать возможных ошибок в дальнейшем.

Таким образом, проследив историю, можно сделать вывод, что понятие «должностное лицо» трансформировалось в соответствии с изменением общественных отношений, отношений в сфере государственного управления (в т. ч. передачей государством части своих функций иным субъектам права), т. е. с тем, какой круг лиц наделялся, обладал полномочиями действовать от лица государства и соответственно использовать свое положение. Этот круг расширяется и по сей день, следовательно, и само понятие продолжает изменяться.

Литература:

1. Бриллиантов А. В. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран. — М.: Проспект, 2014. — 192 с.
2. Бурлаков А. В. Историко-правовой анализ борьбы с должностными преступлениями // Современное право. — 2005. — № 12. — С. 30–35.
3. Исаев И. А. История государства и права России. — М.: Юристъ, 2008. — 797 с.
4. Лобырев В. А. Субъект должностных преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лобырев Вячеслав Александрович. — Ростов-на-Дону, 2005. — 186 с.
5. Егорова Н. А. Управленческие функции специального субъекта преступления (уголовный закон, теория, судебная практика) // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 45–49.
6. Кузнецов А. П. Дефиниция «должностное лицо» в международном праве и российском законодательстве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции 26–27 января 2012 г. — 2012. — № 6. — С. 438–443.

Понятие и содержание института владения в римском праве

Туганов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор;

Данзанова Елена Васильевна, магистрант

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Особое место в формировании владения как правовой категории занимает римское право. Именно в учениях римских юристов отношения владения получили «глубокую и всестороннюю разработанность» [17, с. 95], несмотря на то, что как такового научного понятия владения и определения его универсальных признаков они не оставили.

В римском праве древнейшего периода институт владения развивался через оседлость на земле и землепользование. Понятие владения выражалось в терминах *usus* — пользование и *usufructus* — пользование с извлечением плодов. Владельцу предоставлялось реальное и почти полное господство над землей, отведенной ему во владение, и другими манципируемыми вещами¹, находящимися в его пользовании. В древнейшем праве к нему предъявлялось требование, чтобы он был самостоятельным лицом — *persona sui iuris* [16, с. 130], то есть располагал имущественной правоспособностью и проявлял в отношении своего владения элементы намерения и фактического господства. Квиритское (цивильное) право предусматривало давность владения (*usucapio*) в отношении вещи, находящейся во владении, по истечении которого лицо могло приобрести право собственности на нее². Сроки давности устанавливались в два года для земельного участка и в один год в отношении всех других вещей (Законы XII таблиц.6.3.) [14, с. 7].

В классический и постклассический периоды римского права институт владения получает окончательное юридическое оформление. Владение как *usus* уже не соответствовало современным экономическим реалиям. В конце III—II вв. до н. э. фактическое господство над вещами проявлялось в различных формах. Что обуславливало необходимость в более «гибкой правовой конструкции, такой как владение в форме (*possessio*)» [6, с. 66].

Possessio определялось «как неразрывное единство двух элементов — материального, телесного — *corpus possessionis* («тело» владения) и идеального, духовного — *animus possidendi* или *animus possessionis* («душа» или «дух» владения)» [2].

Corpus possessionis отражал объективную сторону владения и заключался в реальном господстве над предметом владения, в фактическом обладании вещью. Но это уже было не примитивное понимание фактического обладания вещью, господствовавшее в древнейшем праве: держать в руках, в доме, во дворе. А такое отношение владельца

к вещи, при котором не обязательно брать ее в руки, достаточно было «охватить ее взором и мысленно» [19].

Второй элемент владения *animus possidendi* — субъективный. Под ним понимали намерение или волю владеть вещью для себя, от своего имени (*pro suo*), так как будто она находится в его собственности (*domini*). При этом такое намерение, волю мог проявить как собственник, так и добросовестный либо недобросовестный владелец, то есть так называемые первоначальные юридические владельцы [4, с. 311]. Кроме того субъект владения должен был обладать имущественной правоспособностью, тогда как дееспособность не являлась обязательным требованием. Например, в римском праве не могли быть владельцами рабы, поскольку они были лишены имущественной правоспособности. Но субъектами владения могли быть недееспособные лица, пользующиеся имущественною правоспособностью, как-то: дети, умалишенные³.

Владение нельзя было приобрести лишь только намерением или лишь только физически, это было возможно только при наличии обоих элементов — *corpus possessionis* и *animus possidendi* (D.41.2.3.1) [9, с. 115]. Объект владения мог быть приобретен как изначально (путем захвата — *occupatio*), так и производным (получив ее от предыдущего владельца — *traditio*) способом [1, с. 115].

Для сохранения владения не было необходимости в том, чтобы владелец осуществлял непрерывный телесный контакт с вещью. Достаточно было того, чтобы она постоянно находилась в практической досягаемости для него, с тем чтобы он мог ею эффективно воспользоваться всякий раз, как того пожелает [18, с. 188]. Например, использование владельцем зимних или летних пастбищ в благоприятное время года (D.41.2.3.11). Однако сохранение физической связи с вещью было не обязательным. Для самого существования владения важно было лишь наличие субъективного элемента (*animus possidendi*). В частности Дигесты Юстиниана предусматривали, что если раб или колон, посредством которых владение осуществлялось физически, уйдут или откажутся от владения, удержать владение можно было только одним намерением (D.41.2.3.8).

Прекращение владения, возможно, было как с утратой материальной связи с вещью, так и с отпадением самого намерения владеть ею для себя [13, с. 44]. В первом случае, например, это могло произойти, если земельный участок, которым лицо владело, заняла река или море (D.41.2.3.17). Однако отпадение фактического господства лица над вещью при сохранении намерения владеть

¹ Экономически наиболее важные объекты вещного права, которые могли быть отчуждены только в результате специальной процедуры

² В силу длительного владения не могли быть приобретены в собственность лишь украденные вещи (Законы XII таблиц.8.17.)

³ Естественно, что они не могли приобретать владение сами, так как у них отсутствует желание (намерение) обладать, но могли начать владеть с соизволения своего представителя (D.41.2.1.3).

ею не могло рассматриваться как прекращение владения (D.41.2.17). Но как только владелец решал, что он не желает владеть вещью, владение прекращалось, т. е. оно могло быть утрачено и одним только намерением. (D.41.2.3.6). Между тем утратить владение не могли лица, которые признавались неспособными осознать связь с вещью.

Владение в римском праве с одной стороны рассматривалось как одно из полномочий, принадлежащих собственнику вещи. В этом смысле оно являлось «образующим признаком возникновения, осуществления, прекращения и защиты права собственности» [16, с. 129]. С другой стороны римские юристы различали собственность и владение (*possessio*), которое являлось самостоятельным правовым институтом. Под первым понимали право владения, и здесь собственник рассматривался как фактический обладатель вещи, имеющий на нее право собственности. Под вторым подразумевали факт владения, соответственно владелец это фактический обладатель вещи, независимо от наличия права на нее [19]. Ульпиан видел разницу между собственностью и владением «в том, что у того, кто не хочет быть собственником, право собственности, тем не менее, остается, а владение — прекращается, когда кто-либо решил, что он не желает владеть» (D.41.2.17.1).

В римском правопорядке владение (*possessio*) употреблялось в разных смыслах. Владение, образованное *corpus possessionis* и *animus possessionis*, рассматривалось как экономическое владение [8, с. 156]. В зависимости от характера воли оно делилось на юридическое, цивильное (*possessio civilis*) и неюридическое, фактическое владение (*possessio naturalis*).

Под юридическим владением понимали владение, при котором владелец помимо намерения удержать вещь за собой (*animus rem sibi habendi*) имел также и основание его владения (*iusta causa possidendi*). В зависимости от последнего юридическое владение разделялось на формально правильное и формально неправильное владение [15, с. 171] (*iusta* и *iniusta possessio*). Первое всегда опиралось на какое-либо правовое основание (*titulus*), второе характеризовалось отсутствием такого основания. Поэтому их называли также законным, титульным и незаконным, беститульным владением [11, с. 10].

Iusta possessio это формально правомерное владение, при этом материально оно могло быть как правомерным (владение собственника) так и неправомерным (владение вора). В рамках данного владения выделялось добросовестное владение (*possessio bonae fidei*)⁴ и недобросовестное (*malae fidei*)⁵ [15, с. 172].

Iniusta possessio это формально неправомерное владение. Под ним понимали владение, приобретенное вици-

озным (порочным) способом [15, с. 171], то есть либо путем насилия (*vi*), либо тайны (*clam*) от противной стороны, либо до востребования (*precario*) с момента такого востребования. Формально неправомерное владение являлось таковым лишь по отношению к тому лицу, которое было лишено владения вышеперечисленными способами, то есть оно, всегда имело относительный характер. Если владение было приобретено другими способами, то оно считалось формально правомерным.

Неюридическое, фактическое владение в литературе называют также «посредственным владением» [16, с. 130], натуральным [4, с. 317], естественным владением [18, с. 185]. Наибольшее распространение получило название держание (*detentio*). Данный термин был введен средневековыми юристами [7, с. 166] (другая версия — юристами нового времени) [5]. Под держанием понимали пользование, лишенное права распоряжения. Оно выражалось в физической связи с вещью, в фактическом воздействии на нее. Держание возникало либо путем передачи вещи держателю самим собственником, либо на основе возмездного договора (например, найма земли), либо безвозмездного (договор займа). То есть собственник вещи при держании был известен. Он, позволяя другому лицу фактически обладать вещью от своего имени, не устранялся от извлечения доходов, приносимых вещами. Таким образом, при держании лицо фактически осуществляло владение за других лиц и находилось в экономической зависимости от них [16, с. 130].

Держатели (*datentores*) и юридические владельцы (*possessores*) были различными субъектами права. Римское государство, отражая интересы обеспеченных слоев свободного гражданства, придавало им статус владельца. Держатели же, как экономически и социально слабейшие члены общества, были подвластны владельцам и в этом смысле были законодательно ущемлены [10, с. 16].

Юридическое владение сопровождалось определенными юридическими последствиями. Во-первых в отношении него предусматривалась поссessorная защита. Такая защита осуществлялась посредством преторских интердиктов, поэтому юридическое владение называли также преторским владением (*possessio ad interdicta*) или интердиктным владением [4, с. 313]. Поссessorная защита предоставлялась в случаях произвола и нарушения доверия, при этом законному владельцу (*iusta possessor*) от всех нарушителей его владения, незаконному (*iniustus*) только от третьих лиц. Самостоятельной защитой владения пользовались как первоначальные, так и производные юридические владельцы⁶. К первым относились собственники, добросовестные и недобросовестные владельцы, то есть лица, которые имели *animus domini*⁷. Ко вторым относились лица, которые не приписывали себе права собственности на объект владения, а признавали собственником дру-

⁴ Добросовестным владением признавалось такое владение, когда владелец не знал и не мог знать, что владеет чужой вещью, и что у него нет прав владеть ею.

⁵ При недобросовестном владении владелец знал или должен был знать, что не имеет права на владение вещью. Так владение вора считалось недобросовестным, так как он знает, что у него нет права на чужую вещь.

⁶ Классификация по теории К. Ф. Савиньи

⁷ Воля, намерение владеть вещью так, как будто она находится в его собственности

гого, следовательно, владеющие не suo nomine⁸, а alieno nomine⁹. В качестве таковых выступали кредитор по залогу, прекарист, секвестор, эмфитевт и суперфициарий. Все они признавались юридическими владельцами (possessores) или так называемыми производными юридическими владельцами, а их владение называли производным владением (possessio rei) или аномальным [3, с. 36]. Все остальные лица, владеющие вещью alieno nomine, по общему правилу, не пользовались самостоятельной владельческой защитой.

Во-вторых, юридическое владение по истечении срока приобретательной давности, могло привести к приобретению прав на вещь, в частности право собственности (ad usucapionem). Такая возможность предоставлялась при соблюдении пяти условий [4, 385]. Первые три условия — непрерывное владение, истечение срока и надлежащий объект — были обязательны для приобретения вещи по давности еще в древнейший период римского права. Позднее они были дополнены требованиями наличия законного основания и добросовестности в течение

всего срока давности. Этот срок для движимых вещей составлял три года, для недвижимых — десять лет, если лица жили в одной и той же провинции, и двадцать лет, если они были из разных провинций. Кроме того император Юстиниан ввел еще один срок — тридцатилетний, по истечение которого непрерывное владение вещью приводило к приобретению права собственности даже в случае отсутствия законного титула, то есть «справедливого основания владения» [12, с. 229]. Таким образом, приобрести права на вещь по истечении срока приобретательной давности могли лишь первоначальный юридический владелец, являющийся possessor justus и possessor bonae fidei, то есть титульным и добросовестным владельцем. Путем давностного приобретения не могли приобрести вещь производные юридические владельцы, например кредитор по залогу (D.41.3.13), и недобросовестные владельцы, например, вор (D.41.3.4.6).

Учения римских юристов в отношении владения заложили основу дальнейшего теоретического развития категорий «владение» и «владельческая защита» в праве других государств и становления института владения и владельческой защиты в современных законодательствах различных стран.

⁸ Воля, намерение владеть от своего имени

⁹ Воля, намерение обладать от имени другого

Литература:

1. Афонасин Е. В. Казусы римского права: учебное пособие / Е. В. Афонасин — Новосибирск: РИНЦ НГУ, 2014. — 216 с.
2. Бадаева Н. В. Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве: Монография / Н. В. Бадаева. — Москва: Юриспруденция, 2012. — 240 с. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (01.05.2017).
3. Баринаева М. А., Максименко С. Т. Римское частное право: учеб. пособие / М. А. Баринаева, С. Т. Максименко — М.: Юстицинформ, 2006. — 208 с.
4. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 книгах / Ю. Барон. — Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. — 1102 с.
5. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права [Электронный ресурс]: Классика российского права Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/elib/books/24/> (24.04.2017)
6. Водкин М. Ю. Проблемы рецепции римского права собственности в европейских кодификациях XIX–XX вв.: дис. канд. юрид. наук: 12.00.02. / М. Ю. Водкин. — М., 2007. — 167 с.
7. Германов А. В. От пользования к владению и вещному праву / А. В. Германов. — М.: Статут, 2009. — 700 с. — С. 207.
8. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм. — Петроград: Государственная Типография, 1916. — 496 с.
9. Дигесты Юстиниана: В 50 кн. — Кн. 41. [Электронный ресурс]: Библиотека Гумер — Право и Юриспруденция — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/41.php (20.03.2017).
10. Карнушин В. Е. Беститульное владение и его защита: монография / В. Е. Карнушин. — Москва: Статут, 2015. — 177 с. [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (01.05.2017).
11. Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве / А. В. Коновалов. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 337 с.
12. История государства и права зарубежных стран. Часть 1. Учебник для вузов. / Под ред. проф. Крашенинниковой Н. А и проф. Жидкова О. А. — М.: Издательство НОРМА, 2008. — 480 с.
13. Кудинов О. А. История государства и права зарубежных стран: учебно-практическое пособие / О. А. Кудинов — М.: МЭСИ, 2004. — 305 с.
14. Памятники римского права: Законы 12таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.:Зерцало,1997. — С. 7.

15. Пухан И. Римское право: базовый учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская; под ред. В. А. Томсинова — М.: Зерцало, 2000. — 448 с.
16. Римское частное право: учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. — М.: Юрист, 1999. — 314 с.
17. Савельев В. А. Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. — 2013. — № 1. — С. 87–95.
18. Санфилиппо Чезаре. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д. В. Дождева — М.: Издательство БЕК, 2002. — 400 с.
19. Трофимова С. А., Трофимова И. Б., Сторожева А. Н. Римское частное право: электронное учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kgau.ru/distance/00_cdo_old/ur_3/rimskoe_pravo/index.html (дата обращения: 28. 03.2017)

Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти

Турыгин Денис Леонидович, магистрант

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

В данной статье рассмотрены предпосылки, послужившие основанием для проведения судебной реформы 1864 г. и особенности данной реформы. Также в статье сделана попытка соотнести эти изменения с реформами, которые проводятся в наше время, и оценить их влияние на современную судебную систему.

Ключевые слова: суд, следователь, реформа, судебный следователь, мировой суд, прокурор, правовое государство, судебная власть

Judicial reform of 1864 and its impact on the development of the modern judiciary

Turigin D. L.

This article considers the conditions that gave rise to the judicial reform of 1864 and features of this reform. Also, in the article an attempt is made to correlate these changes with the reforms, which take place in our time, and to assess their influence on the modern judicial system.

Key words: the court, the investigator, the reform, the magistrate, magistrate's court, the Prosecutor, rule of law, judicial power

Актуальность темы исследования заключается в том, что наше государство с 90-х годов 20 века вступило в эпоху реформ, которым подвергнуты все сферы жизни. На первоначальном этапе преобразования происходили достаточно активно, однако, и в настоящее время они продолжают, пусть и не с такой интенсивностью как раньше. Судебная система одно из направлений, где изменения не прекращаются, при этом они во многом преследуют те же цели, что и судебная реформа 1864 г.

Преобразование судебной системы, которое было произведено в 1864 г., явились закономерным процессом, так как сложившаяся на тот момент судебная система не соответствовала современным требованиям. Для дореформенного суда являлось характерным: множественность и запутанность процессуальных требований. Порой невозможно было определить круг дел, который подлежал рассмотрению какого-либо судебного органа. В некоторых случаях,

это приводило к затягиванию процесса на годы. Другим существенным недостатком дореформенного суда являлась коррупция. Все это, наряду с крайне низкой общей и юридической грамотностью судей, указывало на необходимость проведения судебной реформы в стране [1].

Кроме того, судопроизводство до реформы 1864 г. имело ряд отрицательных черт. Во-первых, в суде использовалась розыскная форма судопроизводства. Во-вторых, судопроизводство осуществлялось в соответствии с принципом письменности. Он предполагал, что решение дел судом происходило на основании письменных материалов, которые были полученные во время следствия, а не на основании непосредственного восприятия доказательств, личного ознакомления с материалами дела, непосредственного устного допроса участников судопроизводства. И, в-третьих, адвокатура не существовала, что не позволяло в полной мере осуществлять защиту лиц, привлекаемых к ответственности.

По сути, до середины XIX в., суд составлял единое целое с административной системой, по крайней мере, существенно зависел от нее. В ряде случаев различия административной и судебной форм репрессии были практически незаметны. Это касалось не только политической юстиции. Суд, при осуществлении уголовного и гражданского судопроизводства, не был в полной мере самостоятельным. Фраза Министра внутренних дел С. С. Ланского о том, что «Администрация ездил верхом на юстиции», наиболее емко характеризует положение суда в государственной системе самодержавной России.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. занимают уникальное место среди других правовых памятников эпохи Великих реформ. Ни один из них не вызывал и до сих пор не вызывает столь противоречивые, даже полярные оценки и суждения, как Уставы.

В ходе судебной реформы произошли следующие изменения:

- отделение суда от администрации и независимость от нее;
- создание всесословного суда;
- равенство всех перед судом;
- введение института присяжных заседателей;
- введение прокурорского надзора;
- создание четкой и понятной системы судебных инстанций;
- отделение предварительного следствия от суда;
- введение апелляции и кассации;
- участие в процессе сторон защиты и обвинения,

Кроме того, в ходе реформы были провозглашены принципы гласности и устности процесса, равенства сторон, презумпция невиновности, свободной оценки доказательств.

Судебная реформа 1864 г. в литературе трактуется как самая последовательная. Ее подготовка уходит корнями в первую половину XIX в. когда М. М. Сперанским была предложена обширная программа реформирования судебной системы страны. Отправным моментом для подготовки судебной реформы принято считать лето 1857 г. В это время в Государственный совет поступил проект Устава гражданского судопроизводства, подготовленный графом Д. Н. Блудовым. К началу 1861 г. в Государственный совет на рассмотрение было представлено четырнадцать законопроектов, которые содержали сведения об изменении судебной системы. В результате, 20 ноября 1864 г. Александром II были утверждены основные документы судебной реформы: Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [2].

Судебной реформой было произведено существенное изменение, как в системе судебных инстанций, так и в самом порядке рассмотрения дел. Судебная власть осуществлялась следующими инстанциями: мировым судом, съездом мировых судей, окружным судом, судебной палатой и Правительствующим сенатом. Эти судебные инстанции определялись как суды общей юрисдикции.

Низовым судом, который рассматривал незначительные дела в первой инстанции, стал мировой суд. Мировым судом рассматривались уголовные дела, по которым в качестве наказания не применялись лишения преступника каких-либо личных прав. По гражданским делам, рассматриваемым мировым судьей, иски не должны были превышать 500 рублей.

По отношению к мировым судьям вышестоящей судебной инстанцией являлся съезд мировых судей. Для исполнения решений съезда мировых судей назначалось определенное число судебных приставов [3].

Общий суд имел три инстанции. Ее низшим звеном были окружные суды, существовавшие в губерниях, и судебные палаты по гражданским и уголовным делам. Окружные суды формировались, как правило, один на губернию или же на несколько крупных уездов. Они состояли из председателя суда и его членов. К их компетенции относилось рассмотрение всех дел, за исключением политических и должностных. При судебных палатах и окружных судах состояли судебные приставы, судебные следователи и прокуратура. Кроме того, при судебных палатах состоял совет присяжных поверенных. Они выносили вердикт о виновности подсудимого, а меру наказания определял штатный судья. Апелляции по приговору суда присяжных не принимались.

В судебных палатах происходило рассмотрение более важных дел, к которым были отнесены, в том числе, дела о должностных и государственных преступлениях. Судебные палаты рассматривали жалобы и протесты на приговоры окружного суда.

Отдельную систему составляли инстанции военных судов, к которым относились: полковой, военно-окружной и главный военный суды. В мирное и военное время применялся разный порядок действия судов.

Сенат являлся высшей судебной инстанцией. Он имел право толковать законы. Его департаменты рассматривали протесты, кассационные жалобы и просьбы о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

В ходе реформы произошли изменения и в деятельности прокуратуры. На нее были возложены обязанности по поддержанию обвинения в суде, надзор за деятельностью следствия и судом, а также надзор за местами лишения свободы. При Сенате произошло учреждение двух должностей обер-прокуроров, а в окружных судах и судебных палатах были введены должности прокуроров и товарищей прокуроров. Прокурорскую систему возглавлял генерал-прокурор. Прокуроры назначались императором [4].

Параллельно с реформированием судебной системы происходило становление института судебных следователей и адвокатуры.

Функции предварительного расследования были переданы от полиции — судебным следователям, которые входили в состав судебного ведомства. За полицией была сохранена только функция дознания. При этом, предварительное следствие стало основной формой расследования.

Дознание являлось факультативной стадией, которая имела место при неуверенности полиции в преступном характере деяния или отсутствии судебного следователя [5].

В результате судебной реформы суд был отделен от администрации, а от суда было отделено предварительное следствие, что стало главным результатом проводимых реформ.

Однако, реформа не получила логического продолжения. Более того, ей на смену вскоре пришла контрреформа. Изменения коснулись, в первую очередь, системы судопроизводства. Мировые суды сохранились лишь в трех крупных городах (Москве, Петербурге и Одессе). В других регионах их заменили земские участковые начальники. Их должности предоставлялись только дворянам с высоким имущественным цензом. Земские начальники были наделены правом решать все спорные вопросы единолично. Роль касационной инстанции стали выполнять губернские присутствия, которые состояли из чиновников. Суды получили право рассматривать дела при закрытых дверях, что повлекло к сокращению гласности. Из ведения суда присяжных произошло изъятие дел о «сопротивлении властям».

Контрреформы были связаны не только со сменой политического курса. Важным фактором явилось то, что реформы, опиравшиеся на западный опыт, не учитывали российские реалии. Это, в свою очередь, сказывалось на их эффективности. Кроме того, сыграла роль и недостаточная подготовленность судебной системы.

В постсоветский период в нашей стране произошли реформы во всех сферах жизни. Наша страна провозгласила себя правовым государством, одним из принципов которого является принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную. Это повлекло к реформированию уголовного судопроизводства, которое по масштабам можно сравнить с реформами 1864 г.

Судебная реформа, которая происходит и в наше время, призвана возродить все лучшее, что было введено в результате реформ 1864 г. В первую очередь были предприняты

меры к восстановлению суда присяжных. Также, были приняты меры к возрождению мировых судов, которые рассматривают уголовные дела о преступлениях не большой и средней тяжести, а так же гражданские дела, с не большой суммой иска [6].

В процессе нынешней реформы, снова большое внимание уделяется отделению предварительного следствия от полиции. В настоящее время действует система, где имеют место органы предварительного следствия, которые полностью отделены от МВД (следователи СК РФ). Однако, существуют и органы предварительного следствия в системе МВД России и в системе ФСБ. Кроме того, полиция наделена функциями по производству дознания, которое проводится по делам о преступлениях не большой и средней тяжести, в том числе и в сокращенной форме. Это говорит о том, что реформа не завершена, так как в процессе ее реализации не достигнуты ее цели.

В ходе указанной реформы были введены положения, предусматривающие наличие судебного контроля за действиями органа дознания, следователя и прокурора, что открывает возможность обжалования в суд действий и бездействия названных лиц [7].

В заключении необходимо сказать, что, проводя аналогии между реформой 1864 г. и нынешними реформами, нельзя не отметить то, что в XIX веке, реформе была подвержена вся система судопроизводства и судостроительства, что в корне изменило подходы к судопроизводству. В настоящее время реформа проводится постепенно. Она дополняется новыми формами судопроизводства, демократическими принципами и зарубежным опытом, что позволяет преодолеть этап реформирования без революционных потрясений.

Принятие судебных уставов в 1864 г. является важной вехой в развитии судебной системы нашей страны. Реформа заложила основы современных уголовного и гражданского процессов в России, а также в странах СНГ, Балтии и некоторых государств Восточной Европы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса — М.: Статут. 2016.
3. Илюхин А. В., Архипов С. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России — История государства и права. — 2015. — № 18. — С. 43, 44.
4. Исаева М. А. История Российского государства и права: Учебник — М.: Статут. 2012.
5. Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки — Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 22–25.
6. Крестьянников Е. А. Проекты устройства сибирской мировой юстиции 90-х гг. XIX века — Мировой судья. — 2016. — № 4. — С. 21, 22.
7. Малешин Д. Я. Наследие Судебной реформы 1864 г. — Вестник гражданского процесса. — 2015. — N 6. — С. 33–35.
8. Толстая А. И. История государства и права России: Учебник для вузов — 3-е издание, стереотипное — М.: Омега-Л. 2010.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 21 (155) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 07.06.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25